

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 4 (52)

Москва

2023

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общениа в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

- Малюга Е.Н.*, академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)**

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Издательство, 2023
© Коллектив авторов, 2023

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 4 (52)

Moscow

2023

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association”
created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.

(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,

Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of

Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of

Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,

Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>ДУБИНИНА М. Н.</i> «Танцы сотрудников» как явление медиаурбанистического дискурса китайских городов	7
<i>БОБР А. Д., МИГДАЛЬ И. Ю.</i> Маркеры вербальной агрессии в комментариях социальной сети «ВКонтакте»	31
<i>БОГОМОЛОВА Е. Н.</i> Жанровые особенности современных китайских публицистических текстов и проблемы их лингвистического анализа	57
<i>БЫКОВА О. А., СОКОЛОВА В. Л.</i> Другоизация как черта постколониального художественного дискурса (на примере франкоязычной литературы)	79
<i>ЛИНАКЕР Т.</i> От методической поддержки к академической карьере – проблема профессиональной идентичности во время организационных изменений (кейс языкового центра британского университета)	104
<i>МАССАЛИНА И. П., СОРОКИНА Э. А.</i> Опыт когнитивного подхода к анализу метафор (на материале английского военно-морского языка для специальных целей)	132

CONTENTS

Scientific articles

<i>DUBININA M. N.</i> “Dances of employees” as a phenomenon of media urban discourse in chinese cities	7
<i>BOBR A.D., MIGDAL I. YU.</i> Markers of verbal aggression in commentaries of social network «VKontakte»	31
<i>BOGOMOLOVA E. N.</i> Genre features of modern Chinese publicistic texts and issues of their linguistic analysis	57
<i>BYKOVA O. A., SOKOLOVA V. L.</i> Othering as a trait of postcolonial literary discourse (based on the example of French-language literature)	79
<i>LINAKEER T.</i> From professional support to academic pathway – negotiating professional identity in a time of organisational change (case study of two middle managers at a UK university language centre)	104
<i>MASSALINA I. P., SOROKINA E. A.</i> Cognitive approach experience to the metaphor analysis (on the basis of the navy language)	132

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811.58

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.01>

М.Н. Дубинина¹

Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

«ТАНЦЫ СОТРУДНИКОВ» КАК ЯВЛЕНИЕ МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЙСКИХ ГОРОДОВ

Современная лингвистика ищет новые подходы к разработке вопросов практик городского пространства. Особое внимание уделено семиотике пространства и потенциалу представленности культурных смыслов в невербальной коммуникации, невербальном поведении жителей городского пространства, представленности культуры в движении городской среды. В данной статье рассматриваются особенности танца как элемента медиаурбанистического дискурса китайского города. Современное течение медиаурбанистики трактует город как сложную коммуникативную систему, как «текст» в самом широком смысле этого слова, а свою реализацию медиаурбанистический дискурс находит в различных формах, от вербальных до обонятельных. Поэтому для исследования социокультурного компонента городской среды, а также анализа стратегий коммуникации с адресатом (местным жителем или гостем города) представляется возможным рассматривать город как совокупность слова, образа, звука, запаха и движения. В нашем исследовании мы ставим целью рассмотреть танец как уникальный коммуникативный паттерн китайского города, так как ни в одной другой культуре танец в городской среде не

¹ © Дубинина М.Н. 2023

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

представлен таким значительным количеством танцевальных практик. Согласно исследованию, танец — это трансформирующийся феномен, визуализирующий культуру и современные коммуникации. Впервые проводится анализ такого феномена китайского города как танцы сотрудников (员工在门前跳舞). Результаты исследования показывают, что культура танца, будучи уникальным пластом национальной культуры Китая, столетиями видоизменялась, а ее значение возрастало. Сегодня танец рассматривается как способ достижения гармонии со своим телом, с обществом и коллективом. Более того, на фоне развития техногенного общества и создания урбанизированной среды танцы в Китае становятся трансляторами национальных, социальных, корпоративных ценностей.

Ключевые слова: медиаурбанистика, медиаурбанистический дискурс, корпоративная культура, танец, коммуникация, Китай

UDC 811.58

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.01>

M.N. Dubinina

HSE University

“DANCES OF EMPLOYEES” AS A PHENOMENON OF MEDIA URBAN DISCOURSE IN CHINESE CITIES

Modern linguistics is looking for new approaches to developing issues of urban space practices. Particular attention is paid to the semiotics of space and the potential for the representation of cultural meanings in nonverbal communication, nonverbal behavior of residents of urban space, and the representation of culture in the movement of the urban environment. This article examines the features of dance as an element of the urban media discourse of a Chinese city. The modern movement of media urban studies treats the city as a complex communication system, as a “text” in the broadest sense of the word, and media urban discourse finds its implementation in various forms, from verbal to olfactory. Therefore, to study the sociocultural component of the urban environment, as well as to analyze communication strategies with the addressee (local resident or city guest), it seems

possible to consider the city as a combination of words, images, sounds, smells and movements. In our study, we aim to consider dance as a unique communicative pattern of the Chinese city, since in no other culture is dance in an urban environment represented by such a significant number of dance practices. According to the study, dance is a transformative phenomenon that visualizes culture and modern communications. For the first time, an analysis of such a phenomenon of a Chinese city as employee dances (员工在门前跳舞) is carried out. The results of the study show that the culture of dance, being a unique layer of the national culture of China, has been modified over the centuries, and its importance has increased. Dance is seen as a way to achieve harmony with one's body, with society and the colleagues. Moreover, against the backdrop of the development of a technogenic society and the creation of an urbanized environment, dances in China are becoming transmitters of national, social, and corporate values.

Keywords: media urbanism, media urban discourse, corporate culture, dance, communication, China

Введение

Имидж современного китайского города формируется посредством динамичной структуры потоков людей и транспорта, бурного роста строительства высоток и развязок, и дополняется новыми коммуникативными практиками. К таким коммуникативным практикам следует отнести явление танца в «каменных джунглях». Обращение к теме танца не случайно, так как понимание истории его создания и его языка способствует пониманию культуры человека, его ценностей и мотивов поведения. Так, М.А. Чистякова полагает, что танец является «одним из самых точных воплощений национального характера человечества» и «выступает как некий элемент формирования идентичности человека» (Чистякова, 2014, с. 151). Действительно, хореография и костюмы традиционных танцев обнаруживают связь с историей, мифологией и обычаями народов различных стран. Человек через танец перенимает ценности и нормы своей национальной общности. Более того, Н.С. Марушкина и В.С. Лоханов приходят к выводу, что «музыкальная и танцевальная культура той или иной нации может являться предметом культурологического изучения, так как посредством музыки и

танца можно выявить черты национального характера и национальной концептосферы» (Марушкина, Лоханов, 2022, с. 51). Таким образом, объектом нашего исследования становится культура танца медиаурбанистического дискурса КНР. Предметом выступают «танцы сотрудников» или 员工在门前跳舞 (Рис.1). Цель нашей работы предполагает рассмотрение специфики танцевального искусства в повседневной жизни китайцев на примере «танцев сотрудников» и исследование тех ценностей,

Рис. 1 Танец сотрудников в торговом центре. Источник <https://www.bilibili.com>

которые транслируются через подобные танцы.

Материалы и методология исследования

Теоретическую базу исследования составили работы по медиаурбанистике (Леонтович, Бакумова, Котельникова, 2022; Леонтович, 2019); труды, рассматривающие танец как транслятор социокультурных ценностей (Садыкова, 2014; Кучеренко, 2015; Чистякова, 2014; Конопьянова, Волкова, 2019; Пименова, 2015; Рябова, Терновая, 2016; Миронова, 2020); исследования корпоративной и организационной культуры на предприятиях в Китае (Латуха, Чжан, 2006; Фэн, Чуньчан, Покровская, 2007; Крылова, Сюэ, 2021; Гвозданная, 2021). Практический материал данного исследования включает вербальные и невербальные знаки, отобранные посредством просмотра видеороликов, фотографий и наблюдений автора в сочетании с социолингвистическими и лингвокультурологическими методами исследования. В качестве

фактического материала также использовались собрания кричалок, представленных на интернет-платформах.

Танцы сотрудников в истории танца

Танец – это канал коммуникации. По мнению Д.А. Садыковой, танец представляет собой социокультурный код, сохраняющий и передающий человеческий опыт (Садыкова, 2014, с. 214). Более того, «танец показывает модели поведения личности, ее способы коммуникации с другими, оценку себя и своего места в мире» (Садыкова, 2014, с. 215). История зарождения многих танцевальных направлений несет в себе определенный посыл. Так, фламенко выступает формой протеста и вызова (Кучеренко, 2015), танец сардана подвергался запрету за выражения духа сплоченности и единства каталонцев (Чистякова, 2014), индийские танцы обладают сакральным символизмом и напоминают духовную практику, динамическую форму медитации с целью достижения гармонии тела и эмоций (Конопьянова, Волкова, 2019, с. 202).

Сегодня танец претерпевает культурную трансформацию, появляются новые формы социальных ритуалов, как то: танцевальные батлы, джемы (Садыкова 2014, с. 214). Очевидно, что танец в современном мире для каждого может быть как средством самовыражения и самоидентификации, так и коммерческим медиапродуктом (Садыкова 2014, с. 216). Более того, движение и зрелищность привлекают современного человека. Не зря достаточно популярными становятся рекламные ролики с танцевальными фрагментами, когда визуальность помогает продать или приобрести коммерческую выгоду. По мнению Ж.В. Пименовой, «танцевальный персонаж в рамках рекламного сообщения индуцирует в сознании зрителя эстетическую потребность в оценке повседневности» (Пименова, 2015, с. 125).

Тема современного китайского танца стала актуальной как среди профессионалов танцевального направления, так и для специалистов, занимающихся вопросами современной культуры Китая, поскольку танец представляет собой уникальный пласт национальной культуры КНР. По утверждению исследователя Ю Линь, в китайской традиции танец «представлен в многообразии национальных, региональных и философски, мировоззренчески обоснованных форм» (Ю, 2011, с. 108). Ярким примером становится представление народности Хань о том, что они

являются потомками дракона, и, в результате, зарождению знаменитого танца дракона. По утверждению Ю Линь, в истории китайского танцевального искусства параллельно сосуществовали народный и придворный танец. Ряд исследователей говорит о существовании более широкой классификации танца, разделяя их на парадные танцы, драматические танцы, боевые танцы и сельскохозяйственные танцы (Сунь, Козилова, 2022, с. 51) Сунь И и Л.В. Козилова приходят к выводу, что на китайский национальный танец большое влияние оказала биологическая структура человеческого организма (присутствие акробатических элементов, боевых приемов), традиционная философия (конфуцианство и даосизм), и эстетика Китая (атрибуты танца, круговая траектория, движения «замирания») (Сунь, Козилова, 2022). Синкретизм китайского танца отмечает и Ю Линь, подчеркивая, что китайский народный танец объединяет музыку, песню, цирк, ушу, магию и буффонаду (Ю, 2011, с. 109). Более того, Е.Л. Рябова и О.Л. Тернова отмечают, что некоторые виды восточных боевых искусств – ушу, цигун, тайцзицунь – родились на основе танцевальных гимнастик (Рябова, Терновая, 2016, с. 82).

В тоже время мы полагаем, что «движение – это представление не только о здоровом образе жизни, но и корпоративной культуре». Так, в современном Китае нередко можно встретить «танцы сотрудников» (员工在门前跳舞), когда работники торговой точки синхронно двигаются под музыку перед входом. Такие танцы могут привлечь внимание потенциальных клиентов, воодушевить и взбодрить работников, сплотить коллектив, передавать культуру фирмы» (Дубинина, 2021).

Очень важным, на наш взгляд, является утверждение О.М. Бузской, которая считает, что танец благодаря своему статусу «транслятора» жизненных и сакральных смыслов оказывается востребованным в современном информационном обществе. Исследователь полагает, что обусловлено это прежде всего тем, что общество «обнаруживает признаки деградации богатства и ценности человеческого культурного мира как результат невиданного распространения техногенной среды, в которой овеществленное содержание последовательно замещает и вытесняет содержание культурно-символическое, духовное, гуманистически-креативное» (Бузская, 2016, с. 137). Возможно,

танец сотрудников – это попытка привнести что-то духовное и нравственное в современное информационное общество и растущий китайский бизнес.

Танцы сотрудников как часть городской культуры

Рассмотрение вопроса танцев сотрудников органично вливается в концепцию современных исследований медиаурбанистического дискурса. Согласно выдвигаемым положениям медиаурбанистики, «город трактуется как сложная коммуникативная система, в составе которой представлены различные каналы, формы и средства человеческого общения, «текст» в широком смысле этого слова» (Леонтович, Бакумова, Котельникова, 2022, с. 10). По мнению О.А. Леонтович, «медиаурбанистический дискурс реализуется в множественных формах – вербальных, визуальных, осязательных, обонятельных, вкусовых и т.д.» (Леонтович, 2019, с. 130). Семиотические знаки, определяющие облик современного города, включают 1) топонимы; 2) архитектуру; 3) организацию личного и общественного пространства; 4) знаки этнической, расовой, возрастной, гендерной, религиозной идентичности; 5) достопримечательности; 6) имена местных знаменитостей; 7) рекламу, плакаты, афиши и граффити; 8) местные СМИ; 9) местную еду, ее упаковку и оформление; 10) местные сувениры; 11) названия и формат популярных коммуникативных практик (Леонтович, 2019, с. 130-131).

Более того, Е.А. Яковлева отмечает, что «все формы деятельности человека в городе читаются как текст и оказываются элементом городского диалога, включенного в различные виды общения» (Яковлева, 2011, с. 774). Согласно исследованию в рамках лингвистической урбанографии, можно представить «образ города» в виде своего рода гештальта (целостного образа), совмещающего в себе чувственные образы (зрительные, вкусовые, слуховые, обонятельные, тактильные) и рациональные элементы (исторические сведения, городской фольклор, известные описания города) (Яковлева, 2011, с. 773).

Городская среда как пространство представленности смыслов культуры мультисенсорна. Образы, культурные ценности транслируются и считываются различными каналами. Исследователями подчеркивается идея о том, что «ландшафт любого города очень разнообразен, в связи с чем его восприятие в

большинстве случаев мультисенсорно» (Грошев, Краснослободцев, 2016, с. 364). В качестве объекта исследования выбирается не только визуально-текстовая информация. Так, Т.В. Медведева приходит к выводу, что запах может выступать как семиотический знак, что многие запахи приобретают культурный смысл, становятся культурным кодом (Медведева, 2016, с. 103). Другой важной составляющей анализа социокультурного пространства выступает видение города как акустического феномена. Саундшафт представлен как важная часть анализа культуры и социальной психологии города в исследованиях о межэтническом взаимодействии (Вершинин, 2014), в анализе публичных городских пространств, где происходят коммуникационные процессы, и в рассмотрении процесса формирования музыкального бренда города (Грошев, Давыдова, Краснослободцев, 2018).

На наш взгляд, интересно еще одно направление в изучении пространства города – его движение. Движение – хранилище культурных паттернов общества и социального опыта (Savitsky & Ivanova, 2018). О.А. Леонтович пишет, что «для каждого города характерно наличие определенных коммуникативных сетей и паттернов коммуникации, моделей общения, характерных для локальных городских сообществ (районов, дворов, молодежных групп); разнообразные формы проявления городского активизма» (Леонтович, 2020, с. 26). Эти формы городского активизма наряду с вербальным и невербальным компонентами создают чувственное восприятие атмосферы города, например, спешки или умиротворенности, общности или отчужденности.

К современным «движениям» можно отнести флэшмобы, ярмарки, городские праздники, квизы, танцплощадки, демонстрации, митинги, парады. Обращаясь к явлению танца, в современных европейских городах новыми коммуникативными практиками стали, например, флешмобы. В современном Китае, мы можем утверждать, что городское пространство не отделимо от понятия танца и, более того, он представлен в нескольких формах.

Во-первых, танцы на площади или 广场舞 – самые популярные и встречающиеся во всех городах Китая танцы. Танцы на площади обычно привлекают людей среднего возраста или пожилых людей, когда в парках и на площадях по вечерам собираются жители

городов и танцуют, выполняя незамысловатые движения. В 2013 году Главное государственное управление по делам физкультуры и спорта КНР внесло танцы на площади в план по развитию, а более масштабно в стране реализуется проект «Здоровый Китай– 2030», который также уделяет внимание общественному движению. Данный факт свидетельствует о приоритете здорового образа жизни и активной позиции людей старшего возраста.

Второй вид танца, встречающийся на улицах китайских городов, – это 职工舞蹈 или танцы рабочих. Периодически можно увидеть сцены во дворах или на площадях, где представители разных организаций и предприятий города соревнуются в танцевальном искусстве (Рис. 2). По мнению организаторов и участников, подобные мероприятия позволяют поддерживать физическую форму, создают хорошую атмосферу для взаимодействия, укрепления отношений в коллективе и между ними. Это своеобразное фитнес-движение китайских рабочих. Исследователь У Цзюань, раскрывая связь корпоративной культуры и танца, отмечает, что постановка танца происходит благодаря плодотворному влиянию рабочей обстановки и накопленному ежедневному опыту взаимодействия. С другой стороны, подобные танцы способны дать толчок развитию корпоративной культуры и обогатить ее (У, 2016).

Рис.2 Конкурс танцев работников предприятий и организаций уезда Хуачжоу (провинции Гуандун КНР) Источник <https://m.163.com>

Третье явление танцевальной культуры китайского города обнаруживается в танце сотрудников или 员工在门前跳舞, который организуется чаще всего перед входом в какой-либо магазин.

Таким образом, танцы в медиаурбанистическом дискурсе представляют собой масштабную коммуникативную практику с специфичной визуальной репрезентацией, транслирующую социокультурную информацию (Schwanke, 2020). Это тот паттерн коммуникации, который формирует имидж китайского города и отличает его в глазах иностранного обывателя.

Танец сотрудников как транслятор корпоративных ценностей

Роль человеческого фактора в процессе организации работы в китайских компаниях очень велика, во многом обусловлена конфуцианской этикой. М.О. Латуха и Чжан Бо полагают, что организационная культура китайских компаний характеризуется четырьмя принципами, лежащими в основе национальной культуры: политической составляющей, моралью и ценностями конфуцианства, семейными отношениями и особенностями межличностных взаимоотношений (Латуха, Чжан, 2006, с. 86).

Любовь жителей Поднебесной к движению и приверженность принципам работы нашли свое отражение в корпоративной культуре танца. «Танцы сотрудников» (员工在门前跳舞) на улицах Китая не являются чем-то из ряда вон выходящим. На Bilibili (один из самых популярных интернет-сервисов в Китае, своеобразный аналог YouTube) можно найти не только пошаговые уроки\тutorials подобных танцев для работников всевозможных заведений, но и множество видео с тысячами просмотров, снятые, прохожими, не оставшимися равнодушными к подобному действию (Рис.3).

Но откуда они появились и почему приобрели популярность в Поднебесной? Согласно данным китайских платформ (店铺前员工跳舞, 是真的有用, 还是自嗨, [http](http://www.sohu.com)), танец сотрудников перед входом организации берет свое начало в Японии и является способом управления сотрудниками японских компаний. Сотрудники проводят собрания в начале или в конце работы, чтобы повысить моральный дух, сформулировать рабочие планы, внедрить концепции компании и т. д., что называется ранняя работа или встреча (夕会).

Рис. 3 Танец сотрудников на улице Источник <https://www.sohu.com>

Исследователи полагают, что корпоративная культура делится на четыре слоя (уровня): материальная культура, культура поведения или поведенческая культура, институциональная культура (системный уровень, или слой), духовная культура (Ифей, Арташкина, 2018, с. 215, Maluyuga & Petrosyan, 2022). Соответственно, можно предположить, что феномен танцев сотрудников находится на стыке поведенческой культуры и духовной культуры, так как в определенной степени танец отражает идеалы и концепцию фирмы, а участие в танцевальных мероприятиях подчёркивает приверженность сотрудников фирме и ее установкам.

Значение, вкладываемое в танцы, с точки зрения корпоративной культуры высоки. Во-первых, танцы оказывают влияние на поднятие духа сотрудников. Многие начальники просят танцевать перед началом рабочего дня, думая, что они могут взбодрить тем самым своих сотрудников, втянуть их в рабочий ритм. Во-вторых, по мнению владельцев предприятий (чаще всего магазинов) танцы сотрудников позволяют привлечь внимание клиентов и повысить узнаваемость. В-третьих, танец сотрудников позволяет сформировать коллектив, так как это командная деятельность. Некоторые управленцы считают, что, организовав танец сотрудников магазина, можно сформировать и развить способность к совместной работе. В-четвертых, танцы символизируют передачу корпоративной культуры. В частности, некоторые владельцы магазинов считают, что такие танцы являются воплощением корпоративного духа. В-пятых, танцы представляют собой проверку готовности сотрудников к рабочему дню. Согласно китайскому portalу Sohu, иногда менеджеры заменяют танцы на собрание – проверить одежду и внешний вид сотрудников, дать возможность сотрудникам быстро войти в рабочее состояние, сформулировать определенный план работы или вечером подвести итоги работы за день (博白街某些店铺门口, 经常见到有美女员工在跳舞, 你怎么看?, [http](http://www.sohu.com)).

Стоит отметить и негативные последствия подобных танцев. Один из пользователей платформы 知乎 прокомментировал вопрос о том, есть ли польза от танцев сотрудников следующим образом: организация и проведение подобных танцев влияет на часы работы

магазина, так как сотрудникам приходится выходить на работу раньше. На самом деле цена «духа сотрудников» – это расход физической силы, энергии и времени. Однако уверенность в том, что танцы являются важной частью рекламы магазина, подталкивает к поддержанию культуры танцев (店铺：员工店铺门前跳舞有用吗？, [http](#)).

Другой противоречивой характеристикой танцев является тот факт, что, когда многие потребители сталкиваются с танцующими работниками магазина, хотя они и обращают внимание на своеобразный флешмоб, большинство потребителей избегают их. Потенциальные покупатели думают, что работники танцуют, и никто не готов обслужить их в магазине, или что работников неудобно беспокоить (店铺前员工跳舞，是真的有用，还是自嗨？, [http](#)).

Стоит отметить, что в некоторых организациях даже если танцы не организуются, то проводятся утренние и вечерние собрания с выкрикиванием мотивационных слоганов (激励口号) (团队口号, 团队早会口号 能量操, 让工作更有激情, [http](#)). Лозунг или слоган является важным элементом китайской лингвокультуры, в котором можно найти отражение системы ценностей и языковой картины мира китайцев (Дубинина, 2021). И тому подтверждение мы обнаружили в одном из эпизодов китайского сериала “欢迎光临”. Главный герой – портье в отеле класса Люкс. С утра пораньше он страдает от соседей, устроивших во дворе жилого комплекса совместную зарядку, сопровождающуюся громкой и динамичной музыкой (что тоже демонстрирует любовь китайцев к движению как источнику здоровья и долголетия). А прибыв на работу, главный герой уже сам вышагивает в такт с коллегами, проговаривая своеобразные лозунги или слоганы (“кричалки”) перед началом смены, напоминающие как сотрудник должен выглядеть и с каким настроем выполнять свою работу.

整理仪容操 现在开始.

发不过眉 后不及领.

侧不过耳 清爽好少年.

面容整洁 口气清新.
衣领端庄 朝气去上岗.
工服笔挺 口袋平整.
裤缝笔直 精神每一天.
准备完毕 我们的口号是.
让我们给全世界
献上阳光和温暖.

В данном тексте, готовя работников к предстоящим трудовым будням, менеджер говорит о необходимости опрятно и доброжелательно выглядеть, настраивает их на продуктивную работу, убеждая, что нужно бодро идти на свой пост и «дарить свет и тепло» клиентам. Сотрудники отеля повторяют этот лозунг каждый день, для них он становится своеобразной установкой эффективности их деятельности.

Анализируя содержание подобных слоганов, можно предположить, что традиционные ценности (доброжелательность, усердие, преданность, золотая середина, избежание потери лица и другие) должны стать доминантной корпоративной культуры (Malyuga, 2023). Интересно утверждение исследователей о том, что «сможет ли сотрудник справиться со своей работой, по сути, зависит от того, следует ли он этическим нормам» (Лю, Сухорукова, 2015, с. 36).

Рассмотрев примеры некоторых слоганов, мы можем сделать вывод о ценностных ориентирах:

1) большое внимание уделяется дисциплине сотрудников. На работе, по мнению китайцев, очень важна гармония и порядок в отношениях.

坚持守则，实践优质 / Соблюдайте правила, работайте качественно

专心工作为首要皆顾到 / Сконцентрируйтесь на работе, это для вас приоритет

2) акцент на совместную деятельность. Считается, что, если западные компании поощряют сотрудников к инновациям, риску и конкуренции, то китайская традиционная корпоративная культура выступает за возвращение между сотрудниками чувства единства,

взаимопомощи, единой цели (Крылова, Сюэ, 2021).

同努力、共发展、乐奉献/ *Работайте вместе, развивайтесь вместе и будьте преданы делу*

永不言退，我们是团队/ *Никогда не сдавайтесь, мы – команда*

3) на первое место ставится качество услуг и производимой продукции.

产品质量好，全靠工作质量保/ *Хорошее качество продукции полностью зависит от качества работы*

追求品质，只争朝夕，全力以赴，矢志不移/ *Стремитесь к качеству, дорожите каждой минутой, делайте все возможное, твердо стойте на своем*

4) подчеркивается необходимость отдавать должное уважению клиенту.

多见一个客户就多一个机会/ *Чем больше клиентов вы встретите, тем больше у вас возможностей*

客户至上，服务周到；质量第一，科技领先/ *Клиент превыше всего, необходим отличный сервис; качество прежде всего, необходимо быть лидером в передовых технологиях*

5) дается установка на успех и заработок.

不吃饭不睡觉，打起精神赚钞票/ *Никакой еды, никакого сна, бодрись духом и зарабатывай деньги*

6) заостряется внимание на необходимости роста и профессионального развития. Самосовершенствование через учебу и тяжелый труд – один из принципов успешной деятельности.

多问、多学、多练，争当岗位能手/ *Задавайте больше вопросов, узнавайте больше, больше практикуйтесь и стремитесь стать экспертом в своей области.*

认真学习，努力工作，不断提高，争做优秀员工/ *Усердно учитесь, усердно работайте, продолжайте совершенствоваться и стремитесь быть отличным сотрудником*

7) отмечается ответственность каждого сотрудника за благополучие компании. Данный феномен также отсылает нас к

пониманию китайской компании как клановой, семейной организации.

企业兴旺, 从我做起/ *Процветание компании начинается с меня*

Выводы

Зарождаясь как ритуальная практика, как канал связи с предками и живой природой, танец трансформировался в способ самовыражения, стал важным социальным трендом и элементом фитнес индустрии, формой, транслирующей лояльность и преданность корпоративной культуре компании.

Яркое и чуждое нам явление танцев сотрудников представляет собой противоречивый феномен китайской культуры. С одной стороны, это привлекает покупателей, поднимет корпоративный дух и делает работников заведения послушными и преданными. С другой стороны, практика подобных зрелищ может приводить к диаметрально противоположным результатам: покупателей это отпугивает (они не желают отвлекать сотрудников от “дела”, а может и вовсе не любят такие шумные мероприятия), сотрудники преисполнены негативными эмоциями к своим обязанностям на работе и корпоративной политике в целом. В конце концов, танец пропитывается формализмом, который может сыграть только отрицательную роль в построении культуры компании.

Литература

1. Бузская О. М. Танец как форма коммуникации культур России и Ирландии / О. М. Бузская // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2016. – № 1(13). – С. 135-141. – EDN VRFBYV.
2. Вершинин С. Е. Повседневный звуковой ландшафт города как поле межэтнических взаимодействий / С. Е. Вершинин // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей : Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 апреля 2014 года, 2014. – С. 79-81. – EDN UDZVAF.
3. Гвозданная Н. В. Межкультурная корпоративная коммуникация – трудности и перспективы / Н. В. Гвозданная // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – №

- 2(34). – С. 106-116. – EDN DBQKYJ.
4. Грошев И. В. Городской саундшафт как составляющая социальной психологии города / И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, А. А. Краснослободцев // Социальная и экономическая психология: Сборник научных трудов / Ответственные редакторы: Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. – Москва : Институт психологии РАН, 2018. – С. 198-209. – EDN VNKNHB.
 5. Грошев И.В., Краснослободцев А.А. Звуковой ландшафт и музыкальное пространство города: как звуки формируют городской бренд // Маркетинговые коммуникации. 2016. №6. С. 364-372.
 6. Дубинина М. Н. Пространство китайского города как кладезь культурных смыслов / М. Н. Дубинина // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции / Сост. Е.Н. Шугаева. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом "Астраханский университет", 2021. – С. 121-128. – EDN ZWEFBW.
 7. Дубинина М. Н. Семантический анализ лозунгов эпохи пандемии в Китае / М. Н. Дубинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 475-483. – DOI 10.30853/phil210032. – EDN NSXXWR.
 8. Конопьянова К. Д. Знаково-символический синкретизм традиционной культуры Индии (на примере классического индийского танца) / К. Д. Конопьянова, Т. А. Волкова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 49. – С. 200-207. – DOI 10.31773/2078-1768-2019-49-200-207. – EDN IWDQBJ.
 9. Крылова М. Б. Китайский взгляд на классификацию корпоративной культуры / М. Б. Крылова, Х. Сюэ // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2021. – № 9. – С. 14-20. – EDN QUBPQT.
 10. Кучеренко А. Л. Танец фламенко как форма социального протеста / А. Л. Кучеренко // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9-3. – С. 125-127. – EDN VHUSUX.
 11. Латуха М. О. Влияние организационной культуры на модели

- управления персоналом в китайских компаниях / М. О. Латуха, Чжан Бо // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2006. – № 4. – С. 83-100. – EDN HVGQJZ.
12. Леонтович О. А. Язык большого города: медиурбанистический дискурс в России и Китае / О. А. Леонтович, Е. В. Бакумова, Н. Н. Котельникова. – Москва: Гнозис, 2022. – 288 с. – ISBN 978-5-94244-082-4. – EDN NCGMQO.
 13. Леонтович О. А. «Город говорит с тобой»: научные подходы к анализу медиурбанистического дискурса / О. А. Леонтович // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 8(141). – С. 129-133. – EDN AFVEOR.
 14. Леонтович О. А. Язык большого города: ключевые проблемы медиурбанистики / О. А. Леонтович // Этнопсихоллингвистика. – 2020. – № 3. – С. 19-34. – DOI 10.31249/epl/2020.03.02. – EDN TLRNAU.
 15. Лю Ю. Управление персоналом на предприятиях Китайской Народной Республики / Ю. Лю, Н. Ф. Сухорукова // Инженерная педагогика. Том 3, выпуск 17. – Москва: Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), 2015. – С. 31-40. – EDN TLSNBH.
 16. Малюга Е.Н. Корпусный подход к исследованию корпоративной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т. 27. – №1. – С. 152-172. doi: 10.22363/2687-0088-33561
 17. Марушкина Н. С. Музыкальная и танцевальная культура как средство самоидентификации нации / Н. С. Марушкина, В. С. Лоханов // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 4-1. – С. 48-53. – DOI 10.34670/AR.2022.84.19.006. – EDN GGXRMO.
 18. Медведева Т.В. Ольфакция как составляющая невербальной коммуникации // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2016. №2. С.99-103.
 19. Миронова М. В. Терминосистема танца хип-хоп во французском языке / М. В. Миронова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 5. – С. 43-57. – DOI 10.18384/2310-712X-2020-5-43-57. – EDN BVONQR.
 20. Ифей В. Понятие корпоративной культуры в китайском социально-гуманитарном познании / В. Ифей, Т. А. Арташкина

- // Актуальные вопросы современной науки: Сборник статей по материалам XII международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Томск, 23 мая 2018 года. Том Часть 3. – Томск: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. – С. 211-221. – EDN XYSFVB.
21. Пименова Ж. В. Танцевальная коммуникация в эпоху цифровых технологий / Ж.В. Пименова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2015. – № 215(5). – С. 122-126. – EDN TSJFXP.
 22. Рябова Е.Л. Универсальный язык человечества: коммуникативные коды народного танца / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Казачество. – 2016. – № 24(11). – С. 77-88. – EDN YHGMKF.
 23. Садыкова Д.А. Эволюция танца в современной культуре / Д. А. Садыкова // Омский научный вестник. – 2014. – № 4(131). – С. 214-217. – EDN SZVHGR.
 24. Сунь И. Некоторые выраженные особенности и специфические характеристики исполнения танцев в Китае: от традиций к современности / И. Сунь // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2022. – № 75-3. – С. 24-27. – DOI 10.31618/nas.2413-5291.2022.3.75.564. – EDN TGKJZY.
 25. Фэн В. Исследование переходного этапа развития организационной управленческой культуры Китая / В. Фэн, Х. Чуньчан, Н. Н. Покровская // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2007. – № 1(49). – С. 34-44. – EDN JTARTA.
 26. Чистякова М.А. Танец как элемент идентичности и воплощение национального духа Испании / М. А. Чистякова // Studia Culturae. – 2014. – № 20. – С. 151-160. – EDN UHOTFJ.
 27. Ю Линь. Эстетические особенности традиционных китайских народных танцев разных национальностей / Ю Линь // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 1(15). – С. 108-112. – EDN RCJUQP.
 28. Яковлева Е.А. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6-2. С.771-774.
 29. Savitsky, V. M., Ivanova, A. G. The role of cultural scripts in non-native speech generation // Training, Language and Culture. – 2018.

- Vol. 2(4). – Pp. 70-83. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.5
30. Schwanke K. Promoting the UN sustainable development goals in teaching, research and democratic urban life: Approaches to lifelong education for sustainable development // Training, Language and Culture. – 2020. – Vol. 4(4). – Pp. 51-61. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-51-61
 31. Malyuga E., Petrosyan G. Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture // Wisdom. – 2022. – № 3(2). – Pp. 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>
 32. 吴娟 浅谈企业舞蹈创编与企业文化的联系 《大陆桥视野》 – 2016 年 第 8 期 322-323 DOI : 10.3969/j.issn.1671-9670.2016.08.281
 33. 链铺：员工店铺门前跳舞有用吗？[Электронный ресурс] URL: <https://www.zhihu.com/question/460447752/answer/1895912951> (дата обращения 14.10.2022)
 34. 博白街某些店铺门口，经常见到有美女员工在跳舞，你怎么看？ [Электронный ресурс] URL: https://www.sohu.com/a/332868605_120052953 (дата обращения 14.10.2022)
 35. 店铺前员工跳舞，是真的有用，还是自嗨？_网易订阅 [Электронный ресурс] URL: <https://www.163.com/dy/article/EI6GTPIU05384DOS.html> (дата обращения 14.10.2022)
 36. 化州专场职工舞蹈展演比赛：活跃群众文艺生活 提振职工精气神 [Электронный ресурс] URL: <https://m.163.com/dy/article/HU998QMP0537036W.html> (дата обращения 24.11.2023)
 37. 团队口号，团队早会口号 能量操，让工作更有激情 [Электронный ресурс] URL: <https://haokan.baidu.com/v?pd=wisenatural&vid=6437763081368734644> дата обращения 04.12.2023)

References

- Buzskaya, O. M. (2016). Tanets kak forma obshcheniya kul'tura Rossii i Irlandii [Dance as a form of communication between Russian and Ireland cultures]. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova. Vstupleniye. Put' v nauku*, 1(13), 135-141.
- Vershinin, S. Ye. (2014). Povsednevnyy zvukovoy landshaft goroda kak pole mezhetnicheskikh vzaimodeystviy [Everyday sound landscape of the city as a field of interethnic interactions]. In *Sovremennyy gorod: sotsial'nost', kul'tury, zhizn' lyudey: Materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 79-81). Russia, Yekaterinburg.
- Gvozdnaya, N. V. (2021). Mezhkul'turnaya korporativnaya kommunikatsiya - trudnosti i perspektivy [Cross - cultural corporate communication challenges and prospects]. *Uchenyye zapiski natsional'nykh gosudarstv prikladnoy lingvistiki*, 2(34), 106-116.
- Groshev, I. V., Davydova, YU. A., & Krasnoslobodtsev, A. A. (2018). Gorodskoy saundshaft kak sostavlyayushchaya sotsial'noy psikhologii goroda [The urban soundscape as a component of the social psychology of the city]. In Yu.V. Kovaleva, T.A. Nestik, *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 198-209). Moskva : Institut psikhologii RAN.
- Groshev, I.V., & Krasnoslobodtsev, A.A. (2016). Zvukovoy landshaft i muzykal'noye prostranstvo goroda: kak zvuki formiruyut gorodskoy brend [Sound landscape and musical space of the city: how sounds form an urban brand]. *Marketingovyye kommunikatsii*, 6, 364-372.
- Dubinina, M. N. (2021). Prostranstvo kitayskogo goroda kak kladez' kul'turnykh smyslov [The space of the Chinese city as a foundation of cultural meanings]. In *Osnovnyye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii* (pp. 121-128).
- Dubinina, M. N. (2021). Semanticheskyy analiz lozungov epokhi pandemii v Kitaye [Semantic analysis of slogans during the pandemic in China]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 14(2), 475-483.
- Konop'yanova, K. D., & Volkova, T. A. (2019). Znakovo-simvolicheskiy sinkretizm traditsionnoy kul'tury Indii (na primere klassicheskogo indiyanskogo tantsa) [Sign and symbolic syncretism of traditional culture of India (in case of a classic Indian dance)].

- Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 49, 200-207.
- Krylova, M. B., & Syue, K. H. (2021). Kitayskiy vzglyad na klassifikatsiyu korporativnoy kul'tury [Chinese view on the classification of corporate culture]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGGEU*, 9, 14-20.
- Kucherenko, A. L. (2015). Tanets flamenko kak forma aktivnogo protesta [Flamenco dance as a form of social protest]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy*, 9-3, 125-127.
- Latukha, M. O., & Bo Chzhan (2006). Issledovaniye organizatsionnoy kul'tury na modelyakh upravleniya personalom v kitayskikh kompaniyakh [Influence of organizational culture on models of personnel management in Chinese companies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, 4, 83-100.
- Leontovich, O. A., Bakumova, Ye. V., & Kotel'nikova, N. N. (2022). *Yazyk bol'shogo goroda: mediurbanisticheskiy diskurs v Rossii i Kitaye [Language of the big city: mediurbanism discourse in Russia and China]*. Moskva: Gnozis.
- Leontovich, O. A. (2019). «Gorod govorit s toboy»: nauchnyye podkhody k analizu mediurbanisticheskogo diskursa [“The City is Talking to You”: scientific approaches to the analysis of mediurban discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8(141), 129-133.
- Leontovich, O. A. (2020). Yazyk bol'shogo goroda: klyuchevyye problemy mediurbanistiki [Language of a big city: key issues of urban communication studies]. *Etnopsikholingvistika*, 3, 19-34.
- Lyu, Yu., & Sukhorukova, N. F. (2015). Upravleniye personalom na predpriyatiyakh Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Human resource management in enterprises of Chinese National Republic]. *Engineering pedagogy*, 3(17), 31-40.
- Malyuga, E. N. (2023). A corpus-based approach to corporate communication research. *Russian Journal of Linguistics*, 27(1), 152-172. doi: 10.22363/2687-0088-33561
- Malyuga, E., & Petrosyan, G. (2022). Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture. *Wisdom*, 3(2), 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>

- Marushkina, N. S., & Lokhanov V. S. (2022). Muzykal'naya i tantseval'naya kul'tura kak sredstvo samoidentifikatsii natsii [Musical and dancing culture as a means of national self-identification]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 4-1, 48-53.
- Medvedeva, T.V. (2016). Ol'fakatsiya kak sostavlyayushchaya neverbal'noy kommunikatsii [Olfaction as a component of nonverbal communication]. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve*, 2, 99-103.
- Mironova, M. V. (2020). Terminosistema tantsa khip-khop na golosovom yazyke [The term system of hip-hop dance in French]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 5, 43-57.
- Ifey, V., & Artashkina, T. A. (2018). Ponyatiye korporativnoy kul'tury v kitayskom sotsial'no-gumanitarnom poznanii [The concept of corporate culture in Chinese social and humanities cognition]. In *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki: Sbornik statey po materialam XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. In 3 volumes. Vol. 3.* (pp. 211-221). Tomsk: Dendra.
- Pimenova, Zh. V. (2015). Tantseval'naya kommunikatsiya v epokhu tsifrovoykh tekhnologiy [Dance communication in the digital age]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*, 215(5), 122-126.
- Ryabova, Ye. L., & Ternovaya, L. O. (2016). Universal'nyy yazyk chelovechestva: kommunikativnyye kody narodnogo tantsa [The universal language of humanity: communicative codes of folk dance]. *Kazachestvo*, 24(11), 77-88.
- Sadykova, D. A. (2014). Evolyutsiya tantsa v sovremennoy kul'ture [The evolution of dance in modern culture]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 4, 214-217.
- Savitsky, V. M., & Ivanova, A. G. (2018). The role of cultural scripts in non-native speech generation. *Training, Language and Culture*, 2(4), 70-83. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.5
- Schwanke, K. (2020). Promoting the UN sustainable development goals in teaching, research and democratic urban life: Approaches to lifelong education for sustainable development. *Training, Language and Culture*, 4(4), 51-61. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-51-61

- Sun, I. (2022). Nekotoryye vyrazhennyye osobennosti i otlichitel'nyye osobennosti ispolneniya tantsev v Kitaye: ot traditsiy k sovremennosti [Some pronounced features and specific characteristics of dance performance in China: from tradition to modernity]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU)*, 75(3), 24-27.
- Fen, V. Chun'chan, Kh., & Pokrovskaya, N. N. (2007). Issledovaniye perekhodnogo etapa razvitiya organizatsionnoy upravlencheskoy kul'tury Kitaya [The research into the transitional period of the development of corporate managerial culture in China]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, 1(49), 34-44.
- Chistyakova, M. A. (2014). Tanets kak element identichnosti i voploshcheniya natsional'nogo dukha Ispanii [Dance as an element of identity and an embodiment of the national spirit of Spain]. *Studia Culturae*, 20, 151-160.
- Yu, Lin'. (2011). Esteticheskiye osobennosti traditsionnykh kitayskikh narodnykh tantsev raznykh natsional'nostey [Esthetic peculiarities of the traditional Chinese folk dances of different nationalities]. *Vestnik Belorusskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1(15), 108-112.
- Yakovleva, E.A. (2011). Philological urbanology: new aspects of studying the city [Philological urbanology: new aspects of studying the town]. *N.I. Lobachevsky Bulletin of the Nizhny Novgorod University*, 6-2, 771-774.
- Wu, Juan. (2016). A brief discussion on the connection between corporate dance creation and corporate culture. *Continental Bridge Vision*, 8, 322-323.
- Chain Store: Is it useful for employees to dance in front of the store?*
Retrieved from:
<https://www.zhihu.com/question/460447752/answer/1895912951>
(Accessed: 14.10.2022)
- In front of some shops on Bobai Street, we often see beautiful employees dancing. What do you think?* Retrieved from:
https://www.sohu.com/a/332868605_120052953 (Accessed: 14.10.2022)
- When employees dance in front of the store, is it really helpful or is it just for fun?* Retrieved from:

<https://www.163.com/dy/article/EI6GTPIU05384DOS.html>
(Accessed: 14.10.2022)

Huazhou special employee dance performance competition: activating the cultural life of the masses and boosting the spirit of employees.

Retrieved from:

<https://m.163.com/dy/article/HU998QMP0537036W.html>
(Accessed: 24.11.2023)

Team slogan, team morning meeting slogan Energy exercise, make work more exciting. Retrieved from:

<https://haokan.baidu.com/v?pd=wisenatural&vid=6437763081368734644> (Accessed: 04.12.2023)

УДК 81'27

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.02>

А. Д. Бобр,

И. Ю. Мигдаль²

Государственный университет просвещения

МАРКЕРЫ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Целью написания статьи является выявление, изучение и описание маркеров вербальной агрессии в комментариях в социальных сетях. Особое внимание уделяется пунктуационным маркерам вербальной агрессии коммуникантов.

Материалом для исследования послужили комментарии в сообществе в социальной сети «ВКонтакте», жанр контента которого, можно определить как юмористический.

Для реализации поставленной цели авторы прибегли к использованию следующих методов исследования: анализ, синтез, наблюдение, классификация, описание.

² Бобр А. Д., Мигдаль И. Ю. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Актуальность статьи заключается в том, что, став ключевым пространством для общения, интернет превратился в глобальную конфликтогенную среду. Это произошло по вполне объяснимым причинам, которые связаны с такими характеристиками интернет-пространства как относительная анонимность, бестелесность и эфемерность. Маркеры вербальной агрессии были широко изучены в реальной межличностной коммуникации, в прессе, но в материале комментариев в социальных сетях данный вопрос не изучался.

Проведенный анализ показал, что в комментариях в социальных сетях можно встретить конфликтогенные диалоги, в которых выделяются не только описанные в работах ученых лексико-семантические, грамматические и прагматические маркеры вербальной агрессии, но и пунктуационные ввиду особой значимости пунктуации в интернет-пространстве, которая обладает собственной семантикой и может быть отнесена к семиотике ввиду своей знаковой природы.

Практическая и теоретическая значимость. Полученные результаты углубили имеющиеся знания о конфликтогенности киберпространства и видах вербальной агрессии и могут быть использованы для последующего написания статей, составления лекционных материалов и программ практических занятий по конфликтологии, семантике, дискурс-анализу, психологии. Систематизация маркеров вербальной агрессии дополняет теорию интернет-дискурса, интернет-коммуникации и расширяет категориально-понятийный аппарат теории языка и интернет-лингвистики.

Ключевые слова: вербальная агрессия, маркеры вербальной агрессии, лексико-семантические маркеры, грамматические маркеры, прагматические маркеры, пунктуационные маркеры, интернет-дискурс, конфликтогенная среда

UDC 81'27
<https://doi.org/10.25076/vpl.52.02>
A.D. Bobr,
I.Yu. Migdal
State University of Education

MARKERS OF VERBAL AGGRESSION IN COMMENTARIES OF SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»

The aim of the article is to identify, study and describe markers of verbal aggression based on materials taken from commentaries of social networks. Special focus is on punctuational markers of communicants' verbal aggression.

Commentaries of virtual public of social network «VKontakte», which genre can be defined as humorous, served as materials for research.

Methods. To achieve the aim, following methods were used: analysis, synthesis, observation, classification, description.

Novelty of the article includes the statement of the Internet being the key space for communication and therefore a global conflict environment. It happened due to intelligible reasons connected with such features of cyberspace as relative anonymousness, ephemerality. Markers of verbal aggression were widely described in real interpersonal communication, in social media, but not in commentaries in social networks.

The analysis showed that in commentaries in social networks there may be found dialogues which could help develop the conflict, where we may highlight not only the markers of verbal aggression such as lexical, grammatical, or pragmatic, but also punctuational ones due to the meaning of punctuation marks in cyberspace, which also may be included in the notion of semiotics due to its sign nature.

These results have deepened the current knowledge about conflict genesis of cyberspace and types of verbal aggression and may be used for other articles, lectures and seminar programs in conflict studies, semantics, discourse analysis, psychology. The systematization of markers of verbal aggression adds to the theory of Internet discourse and widens the definition bank of theory of language and Internet linguistics.

Key words: verbal aggression, markers of verbal aggression, lexical and semantic markers, grammatical markers, pragmatic markers, punctuational markers, Internet discourse, cyberspace, conflict environment

Введение

Увеличение темпа жизни и высокая технологизация всех сфер деятельности человека от личной до производственной сегодня стали ключевыми приметами современности. Кроме того, сокращение живого межличностного общения приводит к созданию большого количества стрессовых ситуаций, в которых оказывается любой среднестатистический обыватель. Наиболее частым и закономерным проявлением стресса по праву считается агрессия, как вербальная, так и невербальная (физическая). Проявление агрессивности в обществе объясняется психологами наличием фрустрированных индивидуумов, чья общая напряженность и тревожность переросли из пассивных индивидуальных настроений в массовый поток выплескиваемых крайне негативных эмоций. Агрессия определяется как комплексное понятие, которое никогда не возникает беспричинно и самостоятельно. Зачастую агрессия в любом ее виде является порождением конфликтной среды посредством нагнетания напряженности на основе базовых эмоций, которые многие ученые приравнивают к инстинктам. В своей работе Л.Р. Комалова рассматривает три уровня вербальной агрессии: гнев, отвращение и презрение (Комалова, 2015). Однако мы полагаем, что эмоциональный ряд, питающий агрессию, имеет более глубокие корни. Три указанных чувства представляют довольно сильные эмоции, которые далее перерождаются в агрессивность, но им предшествуют и их провоцируют более понятные каждому из нас чувства: фрустрация, горе, зависть, страх и одиночество. Однако правила существования человека в современном социуме таковы, что они не позволяют ему открыто демонстрировать эти чувства и вынуждают его скрывать и замалчивать их в течение долгого времени. Несмотря на то, что наша психика представляется достаточно совершенной и адаптивной, долгое подавление этих эмоций неизбежно приводит к поиску путей избавления от них. Самостоятельно это сделать достаточно сложно, так как

современный человек одинок, поэтому часто упомянутые выше эмоции трансформируются в гнев (почему у кого-то хорошо, а у меня плохо), презрение (я выше этого; вы меня не понимаете) и отвращение (ты мне противен, я тебя ненавижу).

Очевиден тот факт, что проявление агрессивности – процесс индивидуальный, но поддающийся описанию. Он состоит из мотива, затронутых эмоций, системы саморегуляции и внешних условий, сложившихся в момент рождения агрессии. Мотивационный аспект отвечает на вопрос «Что мне сделали?», эмотивный аспект на вопрос «Что я чувствую?», регулятивный аспект – «Что я могу сделать?», в то время как фактор внешних условий отвечает на ряд вопросов о социальных ролях присутствующих в момент вспышки агрессии лиц и месте, в котором разворачиваются события или действия, которые мы можем приравнивать к агрессивному поведению (Theocharis & Bekiari, 2018).

Мы полагаем, что внешняя среда и внутриличностный конфликт могут иметь одинаковое влияние на вероятность проявления агрессивности, так как индивид может не обладать достаточными навыками самоконтроля или саморефлексии, в то время как окружающая его среда может оказаться вполне конфликтогенной (Malyuga & Petrosyan, 2022). Учитывая тот факт, что сегодня личность существует не только в плоскости реального взаимодействия с другими людьми, но и в виртуальной реальности, мы считаем именно эту среду интересной и перспективной для более детального изучения паттернов агрессивности ввиду определенной свободы, относительной анонимности, эфемерности среды. Кроме того, находясь в интернет-пространстве, человек теряет ощущение времени и географической привязки к местности, благодаря, казалось бы, безграничным возможностям сети. В таких искусственно созданных условиях у пользователя возникает иллюзия безнаказанности и собственной обособленности от общества. Принимая во внимание, что одной из ключевых задач человека в интернете является самокоммуникация и самоутверждение, им овладевает фасцинация, которая в значительной степени тормозит ряд процессов, происходящих в нашем мозге, убирает или нивелирует те психоэмоциональные, социальные, моральные и нравственные барьеры, принятые в

социуме. Такие условия дают возможность для проявления истинных реакций и естественных поведенческих паттернов индивида, что часто находит свое выражение в агрессивном поведении по отношению к другим участникам коммуникации в частности и интернет-взаимодействия в целом.

Агрессия в художественной литературе была исследована И.Б. Лазебной (Лазебная, 2007) и многими другими учеными. Употребление выражений речевой агрессии в произведениях литературы не только имитирует реальные жизненные диалоги и ситуации, но и является частью развития сюжета, однако в реальной жизни реплики и реакции не заготовлены и не продуманы заранее, а конфликт развивается спонтанно, складывается из множества факторов, например, мотивов коммуникантов, их эмоционального состояния, социальных установок, внешних факторов среды и особенностей развития ситуации и т.д. (Malyuga & Khaperstkova, 2023). Более интересной в этом плане выступает вербальная агрессия в киберпространстве, поскольку даже, существуя в виртуальной плоскости, кибер-конфликт все равно живой и отражающий реальные эмоции реальных людей, скрывающихся под маской виртуальных языковых личностей. В работах ученых (Комалова, 2015; Бобр, 2022) были выявлены некоторые маркеры вербальной и невербальной агрессии в интернет-коммуникации. В данной статье мы фокусируем внимание на формах проявления вербальной агрессии и на ее речевых маркерах, которые наиболее часто встречаются в киберпространстве.

На данный момент выделяется проблема лингвоконфликтогенеза в киберпространстве ввиду участвовавших случаев кибербуллинга, то есть травли конкретного человека или группы людей в интернете; флейминга, который понимается как спор или обмен негативными репликами, обыкновенно представлен единичным актом агрессии, которая направлена на высказывание; троллинга или атаки не на высказывание, в отличие от флейминга, а на личность; хейтинга – выражение ненависти по отношению к человеку в интернет-пространстве в адрес конкретного человека/явления/события; киберсталкинга, который состоит в преследовании личности в социальных сетях. Подобные проявления агрессии, ненависти и вражды в виртуальной среде в значительной степени повышает социальную напряженность при

общении в интернете (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). Это находит свое выражение и в языке, который используется коммуникантами. К наиболее явным проявлениям можно отнести: значительное количество нецензурных выражений в сообщениях, публикациях и комментариях, увеличение уничижительной лексики, эллиптических и безличных конструкций, что и является вербальным отражением конфликты в комментариях в интернете. Кроме того, отсутствие кинетики и проксемики, являющихся яркими выразителями наших эмоций, положило начало использованию орфографии и пунктуации для выражения эмоций (Piotrovskaya & Trushchelev, 2022). Этот прием не нов, часто использовался в художественной литературе, но в интернет-коммуникации он приобрел новые формы и очертания в виде эмоджи.

Таким образом, осознав важность изменений, происходящих в киберпространстве как в конфликтогенной среде, мы поставили задачу исследования маркеров вербальной агрессии, классификация и корректная интерпретация которых, поможет распознать зарождение конфликта и может быть полезна для создания новых алгоритмов поведения и модерации в социальных сетях.

Теоретическая часть

Вопросом вербальной агрессии занимались многие ученые, среди них В.И. Жельвис (Жельвис, 1990), Ю.В. Щербинина (Щербинина, 2006), Д. Инфанте (Infante & Rancer, 1996), А. Басс (Buss, 2021), Р. Бэрон, Д. Ричардсон (Бэрон и Ричардсон, 1997). В своих исследованиях ученые приходили к выводу, что вербальная агрессия – многогранна, и не может быть описана в плоскости только негативных речевых единиц или патологического поведения, направленного на причинение вреда оппоненту. Вербальная агрессия включает в себя и непосредственно речевой компонент, и эмотивно-регулятивный, и социально-ситуационный. Этот термин был введен в 1961 году А. Бассом и получил весьма метафоричное толкование: «речевая реакция, которая оказывает вредоносное воздействие на другой организм» (Коновалов, 2023). Ю.В. Щербинина определяет явление как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» (Щербинина, 2006). А.К. Михальская

описывает вербальную агрессию как настрой на некий «антидиалог», поскольку при ее проявлении индивид сознательно строит коммуникацию по субъект-объектному типу, где сам индивид – субъект, мыслящий и говорящий, а объектом выступает собеседник, не имеющий чувств и собственных идей, выступающий инструментом в достижении целей субъекта (Михальская, 1996). Вербальную агрессию можно определить как эмоциональную словесную реакцию человека на внешние стимулы с целью выражения негативных эмоций.

Вербальная агрессия, по мнению Л.П. Крысина, свидетельствует о негативных процессах, происходящих в обществе, и, как следствие, о некоторой деструкции в языковой культуре (Определение речевой агрессии, 2023). Безусловно использование инвектив может говорить об определенной деградации речи и неумении индивида выражать эмоции и мысли иными способами, кроме как в форме обценной лексики. Однако средства выражения вербальной агрессии не ограничиваются только инвективами: они включают обширные лексико-семантические, стилистические и грамматические аспекты, которые в контекстуальном рассмотрении станут выразительными (Dubrovskaya & Yuskaeva, 2022).

Как уже было указано выше, понятие вербальной агрессии многогранно даже потому, что ситуации ее применения различны между собой и иногда не поддаются четкой классификации. Нельзя не упомянуть о вполне успешных попытках систематизировать виды вербальной агрессии. Так, Ю.В. Щербинина и А. Басс представили свое видение классификации вербальной агрессии. Мы уже комментировали концепцию А. Басса и описывали вербальную агрессию как прямую/косвенную и активную/пассивную с точки зрения степени выражения. Теперь рассмотрим парадигму, представленную в работах Ю.В. Щербининой (2006), и выделим виды вербальной агрессии по степени интенсивности, осознанности, числу участников и отношению к объекту.

По *степени интенсивности* проявления вербальной агрессии исследователь выделила *сильную и слабую* вербальную агрессию. Сильный подвид проявляется в выражении вербальной агрессии с помощью инвектив и резких форм, пограничных с физической

агрессией; в то время как слабый подвид реализуется с помощью стилистических средств, таких как ирония, метафора, сарказм и прочие. Классификация по числу участников тоже представлена в виде дихотомии – *массовая* (охватывающая большие группы людей или общество в целом, выражая напряженность и конфликтогенность среды) и *социально замкнутая* (происходящая между двумя или более людьми или в рамках одной социальной группы). Третий фактор разделения – это *фактор отношения к объекту*. Здесь вербальная агрессия может быть *переходной* или *непереходной* в зависимости от того, направлена она на определенного адресата или выражает пессимистический настрой к жизни/ситуации в целом. Четвертый признак – это *признак осознанности говорящим*, что означает степень понимания происходящего и его роль в выражении агрессии (*инициативная/оборонительная*).

Определив, какая бывает вербальная агрессия, мы переходим к непосредственным средствам ее выражения – маркерам, по которым мы можем понять, что данный речевой отрезок является эмоционально окрашенным и классифицируется как проявление вербальной агрессии. В работе А.П. Костяева (2010) выделены следующие маркеры:

- Лексико-семантические маркеры представлены лексемами в многообразии их значений и основываются на связи между означаемым и означающим.
- Грамматические маркеры включают в себя инверсию, употребление местоимений, вводные слова, императивные конструкции и особенности суффиксального словообразования.
- Прагматические маркеры – это ситуативный компонент, описывающий нарушения правил коммуникации и стиля.

В данной работе мы придерживаемся стратегии разделения маркеров вербальной агрессии, представленной выше. Однако добавляем также и *пунктуационный* маркер. Гипотеза проводимого исследования заключается в том, что, исследуя письменные материалы в киберпространстве, необходимо рассматривать пунктуацию как источник маркеров, дополняющих картину многозначного предложения. Как известно, пунктуация в интернете имеет свои правила пользования, в том числе и значение. Исследуя пунктуацию и синтаксис в интернет-коммуникации, Т.В. Романова

пришла к выводу, что пунктуация в интернет-дискурсе не может рассматриваться в привычном понимании (Романова, 2021). Явление «нерегламентированной пунктуации» становится либо непреднамеренным отступлением от языковых норм, либо авторским использованием знаков препинания в тексте. В данной статье мы фокусируемся на авторском прочтении пунктуации, поскольку оно является намеренным и полисемичным, как, например, точка в конце сообщения, указывающая на негативные эмоции автора (обиду) или на принципиальность как черту характера отправителя сообщения. Также обладает собственным значением в интернете и многоточие, ранее обозначавшее в большинстве своем определенную паузу, недосказанность; сейчас оно может свидетельствовать об эмоциональной напряженности, пассивной агрессии или имитации устной речи.

Важным средством передачи эмоционального состояния, что необходимо учитывать при анализе ситуативного конфликтогенеза, выступают эмодзи: «невербальные средства визуальной репрезентации виртуальной языковой личности» (Дубинина, 2023, с.122). Являясь иконическим знаком, эмодзи выражает непосредственно чувственную составляющую, так и несет добавочный смысл (подразумевая поддержку, просьбу и т.д.). В интернет-дискурсе при обмене только текстовыми сообщениями стоит проблема распознавания реальных эмоций реальной языковой личности, поэтому визуальное подкрепление способствует фасилитации восприятия информации, пониманию истинных интенций адресанта, его реального отношения к собеседнику (Ахренова, 2021, с.6).

Следовательно, изучение таких составляющих коммуникации в киберпространстве, как пунктуация и употребление эмодзи, которые, как известно, состоят из пунктуационных знаков, представляется актуальным ввиду их широкого использования виртуальной языковой личностью.

Практическая часть

В предыдущих работах А.Д. Бобр и Н.А. Ахреновой было упомянуто, что киберпространство является средой конфликтогенной, то есть способствует развитию агрессивности у интернет-пользователей (Бобр и Ахренова, 2022; Eden & Roberto, 2021). Это происходит ввиду простых и очевидных причин.

Алгоритмы социальных сетей устроены таким образом, что пользователи могут настроить профиль и максимально замаскировать свою личность. Как говорилось выше, подобная анонимность губительна для морально-нравственных качеств, что приводит к увеличению количества оскорбительных комментариев с использованием обценной лексики по принципу «не пойман – не вор», а именно если не знаешь, кто пользователь, некого и пристыдить (Kumar, 2021). Как известно, чувство стыда – одно из важнейших регулирующих чувств, которое контролирует поведение человека и не позволяет ему выходить за рамки общественных правил. Однако оно приглушается у виртуальной языковой личности – некоторого альтер-эго реальной языковой личности, грань между которыми определить практически невозможно. Из-за сложности и самобытности данного термина найти подходящую дефиницию довольно сложно; в данной работе мы берем за основу рабочее определение, данное В.В. Миляковой: «Виртуальная языковая личность – это компетентный (технически грамотный), физически не соотнесенный с реальным своим образом пользователь коммуникативного пространства интернет, действующий в соответствии с принятыми правилами поведения в интернете» (Милякова, 2022; Ахренова и Милякова, 2022). Виртуальная языковая личность характерна своей бестелесностью, фантазийностью, искусственностью происхождения, отличностью от реальной языковой личности и реального времени и пространства. Попадая в виртуальный мир, личность раскрывает новые качества и действует по правилам сетикета, однако анонимность выводит на поверхность некоторые инстинктивные проявления личности, которые можно отнести к рефлексам.

Несмотря на то, что по сути своей реальная и виртуальная языковые личности – это один и тот же человек, понятия различны и представляют собой два порой противоположных типа личности, являемых разным типам общества – реальному и виртуальному.

Таблица 1. Различия реальной языковой личности и виртуальной

Реальная личность	языковая	Виртуальная языковая личность
--------------------------	-----------------	--------------------------------------

Существует в физическом пространстве и времени	Существует в виртуальном пространстве и времени
Телесна	Бестелесна
Существует по правилам реального общества	Существует по правилам виртуального общества
Действует от своего реального имени (не анонимна)	Может действовать от вымышленного имени (анонимна)
Дискретна в выражении многих эмоций	Открыта в выражении эмоций

Развитие виртуальной языковой личности напрямую связано с активностью индивида в киберпространстве. Мы полагаем, что это альтер-эго может влиять на реальную языковую личность, к примеру, изменить привычные паттерны языкового поведения, включить интернет-сленг в разговорную речь (то есть изменить состав речи адресанта) или же повлиять на психоэмоциональный фон личности, сделав его более агрессивным и/или демонстративным. Порой повышению уровня агрессивности у реальной языковой личности способствует фрустрация из-за несовпадения реальности виртуальной и настоящей, в которой приходится реагировать на стимулы в режиме реального времени и корректировать поведение в соответствии со строгими многочисленными правилами коммуникации в социуме и вид дискурса, в который попадает человек.

Социальные сети развиваются и меняются согласно потребностям виртуальной языковой личности. Разработанные функции удаления и редактирования постов, комментариев или сообщений наделяют интернет-пользователя большей властью и свободой. Теперь он может оскорбить собеседника и удалить реплику, если почувствует, что он не в силах противостоять оппоненту. Также избежать неприятных последствий или разговоров помогает система блокирования нежелательных собеседников. Или банальный выход из некомфортной группы с гарантией никогда не встретить неприятных собеседников в реальной жизни. Все перечисленные функции играют определенную роль в формировании виртуальной языковой личности и широко применяются в социальной сети ВКонтакте –

первой популярной русской социальной сети, созданной по аналогии с Facebook³. Там можно найти множество тематических сообществ, к которым мы и обратились в поисках материалов для анализа маркеров вербальной агрессии в комментариях. В работах Н.А. Ахреновой *виртуальное сообщество* определяется как «сеть межличностных связей, обеспечивающих социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» и характеризуется своей анонимностью, добровольностью, затрудненной эмоциональностью, множественностью образов и ролей, изменчивостью социального статуса и иерархичностью (Ахренова, 2015). Мы выбрали и проанализировали несколько постов из сообщества «контур гуся», публикующего юмористический контент – мемы, и включающего 1,7 миллиона подписчиков. В основе шуток лежат бытовые темы, жизненные истории, сопровождаемые картинками, описывающими потенциальное эмоциональное состояние упомянутых героев.

Итак, мы уже выделили маркеры вербальной агрессии: лексико-семантические, грамматические, пунктуационные и прагматические. На примере публикации сообщества «контур гуся» мы разберем конфликтогенные маркеры, являющиеся показателем вербальной агрессии пользователей. Пост-стимул представляет собой мем (Рис.1), являющийся поликодовым текстом, то есть включает как языковые (вербальные) элементы, так и графические. В тексте мема представлена ситуация, когда после объяснения значения слова «труп», ребенок соотнес объяснение «неживой=труп» с куклой и сказал, что *«под кроватью в ящике лежит труп ребенка»*, имея в виду неживого пластмассового пупса. Сопровождается текст изображением готового завтрака с корицей Cini Minis (Рис.2), ставшего вирусным после рекламы, где «безбашенные квадраты» поедают друг друга из-за отличного вкуса завтрака. На «лице» квадрата, также олицетворенного персонажа наряду с куклой из мема, считываются эмоции ужаса и шока, которые могут возникнуть после прочтения истории, рассказанной в тексте выше. Благодаря совмещению устрашающих в своем

³ Facebook принадлежит компании Meta – признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации

сочетании концептов «смерть» и «ребенок» пост-стимул уже сам по себе является конфликтогенным, так как сложно представить или спокойно отреагировать на реальную или вымышленную ситуацию, когда в «комнате под кроватью в ящике лежит труп ребёнка». Как мы видим комический эффект в шутке строится на обсуждении табуированных тем, без использования эвфемизмов, что не принято в межличностной коммуникации и считается нарушением этикета в современном обществе.

Рис. 1. Конфликтогенный мем

Рис.2. Готовый завтрак Cini Minis

В ответ на эту публикацию последовал комментарий *Ксении Рушинской*: «Вот бардак. Под кроватью нужно хранить мёртвых илюх, а в ящичке или коробке – живого кота», в котором содержится отсылка на эксперимент с котом Шрёдингера. Лексические единицы «в ящичке», «труп» и «неживой» подготовили почву для серии конфликтогенных комментариев, на что отреагировал пользователь *Артём Воробей*, возмущившись словом с негативной коннотацией «иллюха»: «Фууууу, матерщина!». Мы предполагаем, что коммуниканта смутил тот факт, что данная лексема была использована в комментарии под постом о том, как ребенок недопонял оппозицию «живой-мертвый» и рассказал гостям о пупсе в такой вот собственной интерпретации. Его поддержали и другие пользователи, но это не понравилось автору первого комментария *Ксении Рушинской*, за что ответившему *Артёму Воробью* был ограничен доступ к ее странице.

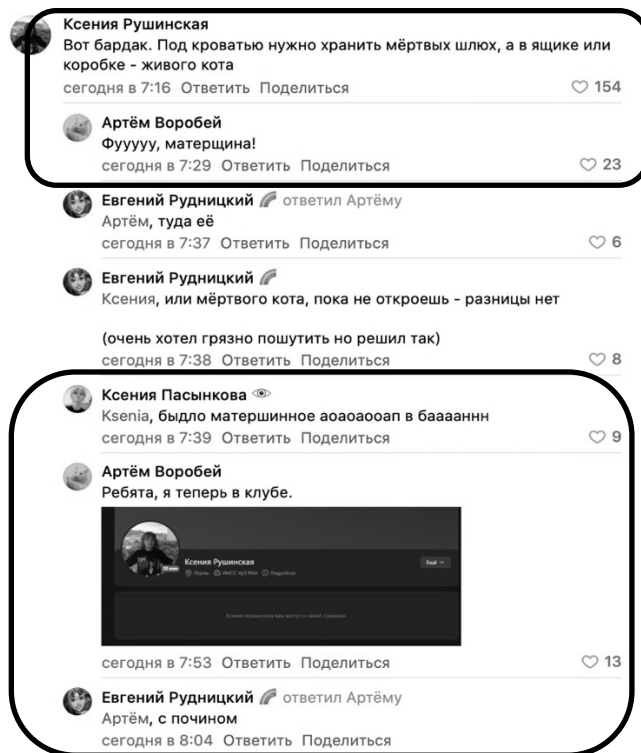

Рис.3. Комментарии 1

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, 2023), данная лексема имеет классификацию «простонародное, бранное», что само по себе является конфликтогенным, так как может служить прямым оскорблением, однако шанс стать непосредственно бранным в контексте выглядел минимальным, но она в результате и стала причиной конфликта в комментариях. В представленных фотографиях можно прочесть целый отрывок конфликта на рисунках 3, 4 и 5, отдельно мы выделим маркеры вербальной агрессии.

- Макс Бобраков** ❤️
Ксения, ооо, вы шарите за годные фильмы 😊
сегодня в 9:01 Ответить Поделиться
-
- Дмитрий Мирошниченко** 🗨️
Ксения, как же некультурно
сегодня в 10:40 Ответить Поделиться ❤️ 1
-
- Corpse Defiler** 🗨️ ответил Артёму
Артём, так будет с каждым
@ksenia_culture
сегодня в 11:05 Ответить Поделиться
-
- Маша Тимофеева**
Ксения, те слово "шлюха" вы не рассматриваете, как обценную лексику? х[]се вы мизогинная ханжа
сегодня в 12:29 Ответить Поделиться ❤️ 7
-
- Данил Батраков** 🗨️
Ксения, как некультурно...
сегодня в 13:54 Ответить Поделиться
-
- Ксения Рушинская** ответила Данилу
Данил, в моём сообщении всё культурно. И слово "шлюха", как и все прочие в любом моём сообщении, является цензурным. Оно, к примеру, используется в песне "Игра с огнём" группы "Ария", а Валерий Кипелов никогда не поёт матерные песни. Небось тем, в чьей речи есть настоящий мат, вы никогда не говорите, что это некультурно, потому что кишка у вас тонка. А той, чья речь полностью, до единого слова, цензурная, высказываете, да. Ну +1 в чёрном списке, что я могу сказать.
сегодня в 14:12 Ответить Поделиться
-
- Данил Батраков** 🗨️ ответил Ксении
Ксения, отговорки...
сегодня в 14:57 Ответить Поделиться

Рис.4. Комментарии 2

-
- **Костя Яблонько'винс**
Хуйня в том что даже если шлюха не мат это все равно бранное слово не гоже такие слова произносить девушкам. Хо[redacted]оухй рот все равно грязный))
сегодня в 15:04 [Ответить](#) [Поделиться](#)
-
- **Артём Воробей** ответил Ксении
Ксения, что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей следующие?
сегодня в 15:32 [Ответить](#) [Поделиться](#)
-
- **Ксения Рушинская** ответила Косте
Костя, зато гоже заносить матерщинное быдло в чёрный список. Будет оно мне тут указывать ещё что-то насчёт морали. Сам настолько малолетний, что ни о запятых не слыхивал, ни о том, что слово "негоже" слитно пишется, зато мату обучен, да.
сегодня в 16:01 [Ответить](#) [Поделиться](#)
-
- **Артём Воробей** ответил Ксении
Ксения, и всех остальных заодно.
сегодня в 16:02 [Ответить](#) [Поделиться](#)
-

Рис.5. Комментарии 3

Шуточный комментарий об обсценном происхождении слова «шлюха» вызвал у первого комментатора негативные эмоции, что выразилось в дальнейшем ограничении просмотра контента страницы от этого пользователя и резких ответах в свою защиту. Конфликт дошел до своей кульминации, где девушка стала блокировать всех, по ее мнению, некультурных комментаторов, но не разрешился примирением, а застыл в апогее. В данном случае мы имеем дело с флеймингом (от англ. flaming) – «деструктивной онлайн-коммуникацией в виде агрессивных вербальных выпадов одного или нескольких участников онлайн дискуссии» (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). На наш взгляд, такому повороту событий способствовали не только стадии проживания конфликта, но и речевые конструкции, если не в первую очередь, строившие конфликтную ситуацию, в том числе и ироничные высказывания и обсценная лексика. Мы полагаем, что в данном конфликте виртуальные языковые личности столкнулись с флеймингом, так как комментаторы негативно высказывались именно по поводу употребления лексической единицы с негативной коннотацией

«шлюха» в конкретной ситуации. Это можно проследить по примерам из комментариев: «Фууууу, матерщина», «туда её», «Х***я в том что даже если шлюха не мат это все равно бранное слово», «как некультурно», «те слово «шлюха» вы не рассматриваете, как обценную лексику?», «И слово «шлюха», как и все прочие в любом моём сообщении, является цензурным». Дальнейшего продолжения после блокировки пользователя конфликт не получил, то есть агрессия была ситуативной, что вполне соответствует описанию флейминга, представленному выше.

В данном конфликте мы можем выделить:

❖ Лексико-семантические маркеры:

➤ «Вот бардак» (=беспорядок, оценка состояния описанной комнаты, вводная фраза); «хранить мёртвых шлюх» (предполагаемая отсылка к произведению популярной культуры); «матерщина» (в значении «матерщинница» - женщина, ругающаяся матом); «как же некультурно» (усилено частицами «как» и «же» со значением осуждения комментария); «мизогинная ханжа» (зд. высказывающая неприязнь к женскому полу лицемерная женщина); «матерные песни»; «кишка у вас тонка» (идиоматическое выражение, в переносном смысле: «вам страшно»); «в черном списке» (в значении списка лиц, на которых распространяется ограничение доступа); «бранное слово»; «отговорки»; «рот грязный» (в переносном значении, «из которого произносилась обценная лексика, считающаяся «грязным» языком»); «матерщинное быдло»; «малолетний»; «негоже» (смена стиля, в данном случае подчеркивающая значение превосходства собеседника по принципу образованности); «мату обучен, да» (зд. презрительное соотношение качества образования: не обучен грамматике, но обучен мату).

Выделенные лексические единицы

➤ Также были использованы инвективные единицы, в том числе и мата, как «х**се», «х***я» и «по**й», «мизогинная ханжа», «быдло», «малолетний», «шлюха».

Данные лексические единицы несут в себе конфликтное начало, непосредственно отображают напряженность в разговоре и имеют цель задеть, если не оскорбить другую сторону конфликта.

❖ Грамматические маркеры:

➤ «не гоже» (устаревшая форма написания «негоже», является ошибкой); «зато гоже заносить матерщинное быдло в черный список. Будет оно мне указывать» (употребление местоимения «оно» как отсылка на существительное «быдло», также выражающее подчеркнутое неуважение к упомянутым людям); «что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей следующие?» (инверсия, ссылающаяся на философские высказывания и намекающая на неправоту собеседника, риторический вопрос); «Небось» (вводное слово); «х** се вы мизогинная ханжа» (употребление местоимения 2-го лица множественного числа по отношению к молодому лицу в смешении с обценной лексикой).

❖ Пунктуационные маркеры:

➤ «как некультурно...»; «отговорки...» (многоточием авторы выделяют отсутствие надежды на конструктивное продолжение диалога); «Фууууу, матерщина!» (восклицательный знак усиливает смысл, заложенный в предложении, и выполняет функцию привлечения внимания, характерную для виртуальной языковой личности), «и всех остальных заодно.» (в интернет-жаргоне точка, поставленная в конце сообщения, свидетельствует о серьезности написанного либо о подчеркнутой грамотности собеседника).

Также в комментариях встречались случаи игнорирования знаков препинания (что было сделано либо намеренно, чтобы ускорить восприятие смысла текста, сэкономить усилия автора, либо непреднамеренно ввиду неграмотности автора или знаковых ограничений социальных сетей) и их подчеркнутое расставление как признак грамотного человека (в контексте конфликта это считается как определенное тонкое оскорбление).

❖ Орфографические маркеры:

➤ Стилистический прием звукоподражания на письме: «Фууууу, матерщина!», «баааннн», отображающий фонетизацию письменной речи, дополняя привычное значение языкового знака, и также служащий функции привлечения внимания.

❖ Прагматические маркеры:

➤ Ирония употребления риторического вопроса «что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей

следующие?», которая высвечивается на контрасте с комментариями, содержащими инвективу; «*Негоже*» и «*небось*» (смена стиля).

Данный конфликт был интересен нам в качестве объекта исследования, поскольку содержал в себе весь спектр маркеров и включал редкое, но интересное использование обценной лексики при осуждении употребления одного слова в противовес осудительного комментария, полного инвектив («*те слово «шлюха» вы не рассматриваете, как обценную лексику? х** се вы мизогинная ханжа*»).

Также мы получили подтверждение своей гипотезы о том, что пунктуационные маркеры являются важным проявлением вербальной агрессии наряду лексико-семантическими, грамматическими и прагматическими маркерами.

Заключение

Вербальная агрессия – это эмоциональная словесная реакция человека на внешние стимулы с целью выражения негативных эмоций. Она делится на прямую/косвенную, активную/пассивную, сильную/слабую, массовую/социально замкнутую и переходную/непереходную. Феномен вербальной агрессии исследуется многие десятилетия зарубежными и отечественными учеными; в современной науке изучение вербальной агрессии переходит от анализа литературных произведений и заголовков СМИ к анализу реальных речевых ситуаций в киберпространстве, в котором функционирует уже не языковая личность в привычном понимании, а виртуальная языковая личность, отличающаяся от реальной своим искусственным происхождением, желанием проявиться и функционированием согласно правилам виртуального пространства.

Определение наличия средств выражения вербальной агрессии основывается на вычленении маркеров вербальной агрессии, которые в свою очередь делятся на лексико-семантические, грамматические, пунктуационные, орфографические и прагматические. Данная классификация маркеров способствует более точному рассмотрению факта проявления агрессии в словесно-знаковой форме. Исследуя живую речь, представленную в комментариях в социальной сети ВКонтакте, нам удалось выделить маркеры вербальной агрессии и показать ход развития

конфликта с помощью языковых средств, в том числе и пунктуационных, расширяющих значение многих словесных комментариев.

Литература

1. Ахренова Н.А. Ключевые метафорические концепты интернет-лингвистики: киберпространство, виртуальная реальность, виртуальное сообщество, виртуальное время, виртуальная языковая личность // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2015. – №3. – С. 46-55.
2. Ахренова Н.А. Невербальная презентация концепта COVID-19 в интернет-пространстве // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 1 (56). – С. 5-14.
3. Ахренова Н.А., Милякова В.В. Языковая личность VS виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – №1 (60). – С. 10-20.
4. Бобр А. Д., Ахренова Н. А. Лингвоконфликтогенез в социолингвистическом дискурсе на фоне пандемии Covid-19 // Военно-гуманитарный альманах. Серия "Лингвистика". Выпуск №7. – М.: Военный университет Минобороны России, 2022. – С. 90-97.
5. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер пресс, 1997.
6. Дубинина М.Н. Эмодзи как лингвокультурный феномен виртуальной языковой картины мира (на примере китайского языка) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2023. – №3 (65). – С. 119-133.
7. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль, 1990.
8. Комалова Л. Р. Язык и речевая агрессия // Серия «Теория и история языкознания». – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-rechevaya-agressiya> (дата обращения: 10.11.2023).
9. Коновалов И. А. Вербальная агрессия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/verbal-naia-agressiia-32c385/?v=8598752>. – Дата публикации: 10.10.2023.

10. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – №19. – С. 101-109.
11. Лазебная И.Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Лазебная Ирина Борисовна. [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. – Белгород, 2007.
12. Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.
13. Милякова В.В. Персуазивные характеристики рекламных текстов в Инстаграм: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Милякова Виктория Владимировна. [Место защиты: ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет]. – Мытищи, 2022.
14. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учебное пособие для учащихся 10-11 классов. – М.: Просвещение, 1996.
15. Определение речевой агрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoy_agressii?ysclid=lpvuw6tqwt523869811 (дата обращения: 12.11.2023).
16. Романова Т.В. Пунктуационные особенности сетевого общения // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. – 2021. – С. 126-133.
17. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lpwux2u6m7444560978> (дата обращения: 08.12.2023).
18. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – №2(38). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagressii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (дата обращения: 09.12.2023).
19. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: URSS, 2006.
20. Buss A. H. The Psychology of aggression. – Hassell Street Press, 2021.

21. Dubrovskaya T. V., Yuskaeva E. I. Language aggression in virtual professional communities // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6(4). – Pp. 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
22. Eden J., Roberto A. J. The role of verbal aggression in cyberbullying perpetration and victimization by middle school students // *Future Internet*. – 2021. – Vol. 13(9). – P. 223. <https://doi.org/10.3390/fi13090223>
23. Infante D. A., Rancer A. S. Argumentativeness and Verbal Aggressiveness. A Review of Recent Theory and Research // *Communication Yearbook*. – 1996. – Vol. 19. – Pp. 319-352.
24. Kumar R. Verbal Aggression on Social Media: How, why and its Automatic Identification [Electronic resource]. – 2021. – <https://doi.org/10.31235/osf.io/qcmez>
25. Malyuga E., Petrosyan G. Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture // *Wisdom*. – 2022. – № 3(2). – Pp. 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>
26. Piotrovskaya L. A., Trushchelev P. N. Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest // *Training, Language and Culture*. – 2022. – №6(1). – Pp. 60-74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
27. Theocharis D., Bekiari A. Dynamic analysis of verbal aggressiveness networks in school. *Open Journal of Social Sciences*. – 2018. – Vol. 06(01). – Pp. 14–28. <https://doi.org/10.4236/jss.2018.61002>

References

- Akhrenova, N.A. (2015). Kljuचेve metaforicheskie koncepty internet-lingvistiki: kiberprostranstvo, virtual'naja real'nost', virtual'noe soobshhestvo, virtual'noe vremja, virtual'naja jazykovaja lichnost' [Key metaphoric concepts of Internet linguistics: cyberspace, virtual reality, virtual community, virtual time, virtual language individuality]. *Journal RUDN, Theory of language. Semiotics. Semantics series*, 3, 46-55.
- Akhrenova, N.A. (2021). Neverbal'naja prezentacija koncepta COVID-19 v internet-prostranstve [Non-verbal presentation of COVID-19

- concept in cyberspace]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole, 1* (56), 5-14.
- Akhrenova, N.A., & Milyakov, V.V. (2022). Jazykovaja lichnost' VS virtual'naja jazykovaja lichnost' [Language personality VS virtual language personality]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole, 1* (60), 10-20.
- Baron, R. (1997). *Agressija* [Aggression]. Transl. from Eng. by Robert Baron, Debora Richardson. Saint-Petersburg: Piter press.
- Bobr, A.D., & Akhrenova, N.A. (2022). Lingvokonfliktogenez v sociolingvističeskom diskurse na fone pandemii Covid-19 [Lingua conflict genesis in sociolinguistic discourse during Covid-19 pandemic]. *Voenno-gumanitarnyj al'manah. Serija "Lingvistika"*, 7, 90-97.
- Buss, A. H. (2021). *The Psychology of aggression*. Hassell Street Press.
- Dubinina, M.N. (2023). Jemodzi kak lingvokul'turnyj fenomen virtual'noj jazykovej kartiny mira (na primere kitajskogo jazyka) [Emoji as linguacultural phenomenon of virtual linguistic view of the world (on the example of Chinese language)]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU)*, 3 (65), 119-133.
- Dubrovskaya, T. V., & Yuskaeva, E. I. (2022). Language aggression in virtual professional communities. *Training, Language and Culture*, 6(4), 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
- Eden, J., & Roberto, A. J. (2021). The role of verbal aggression in cyberbullying perpetration and victimization by middle school students. *Future Internet*, 13(9), 223. <https://doi.org/10.3390/fi13090223>
- Infante, D. A., & Rancer, A. S. (1996). Argumentativeness and Verbal Aggressiveness A Review of Recent Theory and Research. *Communication Yearbook*, 19, 319-352.
- Komalova, L.R. (2015). Jazyk i rečevaja agressija [Language and verbal aggression]. *Jazyk i rečevaja agressija, 2015*. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-rečevaya-agressiya> (Accessed: 10.11.2023).
- Konovalov, I.A. *Verbal'naja agressija* [Verbal aggression]. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: nauchno-obrazovatel'nyj portal. Retrieved from: <https://bigenc.ru/c/verbal-naia-agressiia-32c385/?v=8598752> (Accessed: 10.11.2023).

- Kostyaev, A.P. (2010). Diskursivnye markery verbal'noj agreszii v professional'noj kommunikacii [Discourse markers of verbal aggression in professional communication]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, 19, 101-109.
- Kumar, R. (2021). Verbal Aggression on Social Media: How, why and its Automatic Identification. <https://doi.org/10.31235/osf.io/qcmez>
- Lazebnaya, I.B. (2007). *Osobennosti vyrazhenija rechevoj agreszii v sovremennom anglijskom jazyke [Peculiarities of verbal aggression in modern English language]*. (Candidate thesis, Russia, Belgorod State University, Belgorod, Russia).
- Malyuga, E., & Petrosyan, G. (2022). Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture. *Wisdom*, 3(2), 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>
- Malyuga, E.N., & Khaperstkova, A.A. (2023). The linguistic-cognitive aspect in studying women's emotional-evaluative lexis in advertising discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 71–79.
- Mikhalskaya, A.K. (1996). *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo: uchebnoe posobie dlja uchashhihsja 10-11 klassov [Basics of rhetoric studies : Thought and word : student's book for students 10-11 grades]*. Moscow: Prosveshchenie.
- Milyakova, V.V. (2022). *Persuazivnye harakteristiki reklamnyh tekstov v Instagram [Persuasive characteristics of advertising texts in Instagram]* (Candidate thesis, Russia, Moscow State Regional University, Mytishi, Russia).
- Opredelenie rechevoj agreszii [Definition of verbal aggression]*. Retrieved from [studbooks.net: https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoj_agreszii?ysclid=lppvw6tgwt523869811](https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoj_agreszii?ysclid=lppvw6tgwt523869811) (Accessed: 12.11.2023).
- Piotrovskaya, L. A., & Trushchelev, P. N. (2022). Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*, 6(1), 60-74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
- Romanova, T.V. (2021). Punktuaionnye osobennosti setevogo obshhenija [Punctuational features of Internet communication]. *SEMANTIKA. FUNKCIONIROVANIE. TEKST mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, 126-133.

- Schcherbinina, Yu.V. (2006). *Verbal'naja agressija* [Verbal aggression]. Moscow: URSS.
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Chigarkova, S.V. (2020). Vidy kiberagresii: opyt podrostkov i molodezhi [Types of cyber aggression: teenagers and young adults' experience]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2 (38). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagresii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (Accessed: 09.12.2023).
- Theocharis, D., & Bekiari, A. (2018). Dynamic analysis of verbal aggressiveness networks in school. *Open Journal of Social Sciences*, 06(01). DOI: 10.4236/jss.2018.61002
- Tolkovyj slovar' S.I. Ozhegova* [Ozhegov's dictionary of Russian language]. Retrieved from: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lpwux2u6m7444560978> (Accessed: 08.12.2023).
- Zhelvis, V.I. (1990). *Jemotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheskaja interpretacija rechevogo vozdestvija*. [Emotional speech aspect. Psycholinguistic interpretation of speech impact]. Yaroslavl.

УДК 811.581.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.03>

Е. Н. Богомолова⁴

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются жанровая специфика публицистических текстов в прошлом и настоящем, а также

⁴ Богомолова Е. Н. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

вопросы применения положений предикационной концепции языка к анализу публицистических текстов на китайском языке.

В статье показывается, что публицистический жанр, который, по мнению некоторых экспертов, утратил свою актуальность, вновь ярко проявил себя как в отечественной, так и в зарубежной прессе. Рассматриваются особенности публицистических текстов на китайском языке, напечатанных в ведущих изданиях КНР.

Также анализируется феномен отсылки к прецедентным текстам в печати КНР. Показывается, что процент подобных отсылок в публицистике на китайском языке заметно ниже, чем в публицистике на русском, что обусловлено рядом культурных различий между общностями носителей данных двух языков. Вместе с тем указывается на характерный для журналистики КНР феномен прецедентности формы публицистического текста.

Автором сделан вывод, что положения предикационной концепции языка успешно применимы для решения данной научной задачи. В частности, метафоричность китайского текста, понимаемая как наличие в данном тексте так называемых «небанальных метафор», является серьезным аргументом в пользу его отнесения к публицистическому жанру.

В практической части проанализированы тексты ряда статей на китайском языке и разобраны языковые признаки, дающие основание отнести данные статьи к публицистическому жанру.

Ключевые слова: китайский язык, публицистика, публицистический стиль, предикационная концепция языка, метафора, жанровая классификация

UDC 811.581.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.03>

E. N. Bogomolova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice

Lumumba

**GENRE FEATURES OF MODERN CHINESE PUBLICISTIC
TEXTS AND ISSUES OF THEIR LINGUISTIC ANALYSIS**

The present article deals with genre specifics of journalistic texts in the past as well as nowadays, as well as with some issues of applying predication-based language concept to analyzing journalistic texts in Chinese.

The article shows that the journalistic genre which according to some experts has lost its importance has risen to prominence again in Russian as well as in foreign press. The article also deals with specific features of journalistic texts in Chinese language published in leading newspapers of the People's Republic of China.

The author also analyses the phenomenon of referencing to precedent texts in the PRC press. It's shown that the percentage of that kind of references in texts in Chinese is significantly lower than this in journalistic texts in Russian, it's caused by the differences between this two language speakers' communities. This being noted, the author also points to the phenomenon of form itself being precedent which is a common one for PRC press.

The article shows that the principles of predication-based language concept can be successfully applied in order to achieve solution to this scientific problem. Particularly, if a Chinese text is metaphoric, which we understand as having the so-called "non-banal metaphors" in it, this can be a serious argument in favor of classifying it as a journalistic one.

In the applied section of the article the author analyses texts of several articles in Chinese language and classifies language features that can serve as an argument in favour of describing these articles as journalistic ones.

Keywords: Chinese language, journalistic texts, journalistic style, predication-based language concept, metaphor, genre classification

Введение

В современных условиях в СМИ различных стран отмечается увеличение числа материалов, подпадающих под критерии отнесения их к публицистическим (в противоположность так называемой «журналистике факта»), в частности, по Учёновой В.В., являющихся «средством массового политического общения» (Учёнова, 1971, с. 31). Как указывает А.А. Тертычный, публицистика в постсоветский период была практически вытеснена из массовой практики отечественной журналистики под предлогом её «ненужности» (Тертычный, 2018, с. 95), однако данный вид

журналистики обрёл второе дыхание после 2005 года, когда возник «спрос на так называемую «журналистику мнений» или «журналистику эмоций» (Малютин, 2017, с. 1-2). С развитием противостояния России и Запада данный жанр, по нашему мнению, вошёл в новый период расцвета и даже доминирования во многих СМИ зарубежных государств, зачастую выходя за рамки публицистики и приобретая формы пропаганды (на это, в частности, указывается в ряде работ (Шабловский, 2022, с.1, Malyuga, Shvets & Tikhomirov, 2016).

Не вдаваясь в детали исследования данного феномена, который, безусловно, необходимо изучить отдельно, проанализируем особенности публицистических текстов, появляющихся в настоящее время в информационных ресурсах КНР.

Публицистика в Китае и западных странах

Как известно, «некоторые черты коммунистической идеологии в КНР до сих пор имеют место и до сих пор оказывают влияние на характер материалов, появляющихся в официальной печати континентального Китая» (Богомолова, 2011, с. 110). «В государствах, где общественной формацией является социализм, а главенствующей идеологией является идеология коммунистической партии, деятельность журналистов несёт печать некоторого своеобразия, связанного, в первую очередь, с тем, что власть в таких странах стремится закрепить за собой монополию на идеологическое влияние на граждан страны и, следовательно, ставит средства массовой информации под свой контроль. Легальное существование неподконтрольных государству СМИ в подобных случаях оказывается невозможным, а перед государственными средствами массовой информации ставится задача формирования у населения взглядов, удовлетворяющих запросам руководства данного государства. Характерно, что в подобном случае разрабатываемая в таких странах теория журналистики определяет в числе стоящих перед журналистикой задач содействие «наиболее полному осуществлению задач, стоящих перед обществом» (Практическая..., 1988, с. 283). Следует, без сомнения, отметить, что западные СМИ, столь рьяно гордившиеся в прошлом своей «независимостью» и «свободой от влияния государственных органов» в последнее время также перешли к широкомасштабной публикации материалов,

отвечающих интересам правительств указанных стран и к нетерпимости по отношению к точкам зрения, носящим антизападный (в частности, пророссийский или прокитайский) характер (Nair, 2023, с.1). Интересно отметить, что укрепившиеся в советской учебной и научной литературе представления о публицистике, начисто отвергавшиеся в то время на Западе, в настоящее время фактически служат ориентиром в деятельности многих западных СМИ, например: «Наиболее полно публицистический стиль проявляется в журналистике, представляющей собой один из важнейших социально-политических институтов общества. <...> Каждый журналистский орган, решая стоящие перед ним задачи, имеет возможность широко влиять на аудиторию, формируя знания, ценностные ориентации и убеждения читателей. <...> Будучи особым социальным институтом, журналистика выполняет свои задачи путём освещения всей многообразной жизни общества с партийных позиций» (Практическая..., 1988, с. 283-284). Как мы видим, здесь достаточно заменить «с партийных позиций» на «с прозападных позиций», чтобы данное описание стало точным применительно ко многим СМИ западных стран.

В СМИ континентального Китая долгое время тон публикаций менялся относительно мало и не приобретал резкой антизападной направленности. Однако после начала эпидемии COVID-19, спровоцировавшей глобальные изменения во многих сферах человеческой жизни во всем мире (Котельникова, Леонтович, 2020), а также в результате недружелюбных высказываний и последующих действий в отношении чувствительных для Китая исторических вопросов, риторические приемы, используемые авторами публицистических статей на основные актуальные остросоциальные, политические, военные и другие темы, стали применяться более активно, хлестко обличая и указывая на недостатки, к примеру, в политической, экономической сфере, сфере соблюдения прав человека, также имеющиеся в западных странах (Malyuga & Madinyan, 2023).

Стилеобразующие факторы публицистического текста

По мнению авторов работы «Публицистический текст: лингвистический анализ: учебное пособие» О.В. Трофимовой и

Н.В. Кузнецовой, к перечню стилеобразующих факторов для публицистического стиля относят следующие:

«Экстралингвистические факторы. Данная категория включает в себя такие подкатегории, как сфера речевой деятельности (для публицистического стиля характерно употребление в сфере массовой агитации и пропаганды), ведущие типы деятельности (для публицистического стиля такими будут являться социальная активность и массовое «общественное сознание»); тип мышления (для публицистического стиля характерны собирательно-обобщённый и собирательно-активизированный типы); актуальные коммуникационные задачи (для публицистического стиля таких задач будет три: 1) передача социально и политически актуальной информации, 2) формирование социально-оценочной позиции, 3) раскрытие общественно актуальных проблем); адресант (субъект) (для публицистического стиля характерен так называемый коллективный адресант, или «представительское лицо»); адресат (реципиент) (адресат публицистических произведений – массовый, социально и психологически типизированный); вид контактности (контактность публицистических произведений – дистантная, реализующаяся через посредство письменного текста и/или технических средств передачи информации, с ограниченной обратной связью); степень содержательной и формальной подготовленности общения (для публицистического стиля характерна высокая степень подготовленности при порождении текста и низкая – при восприятии); ведущая форма проявления языка (в данном случае – письменная); ведущие формы организации общения (для публицистического стиля характерна организованность адресанта и стихийность адресата); ведущий тип атмосферы общения (публицистический стиль подразумевает особую атмосферу общения, когда с индивидуумом общаются через «массу», с «массой» же – через индивидуума); удельный вес стандартного содержания (для публицистического стиля характерен высокий удельный вес при постоянном обновлении информации и применяемых средств воздействия); использование невербальных компонентов общения (возможны зрительные и слуховые дополнения к вербальной информации).

Собственно лингвистические факторы. Данная категория подразделяется на следующие три подкатегории: объектная

информация (информация о предмете речи), субъектная информация (информация о позиции говорящего) и соотношение эксплицитной и имплицитной информации (наличие подтекста).

Объектная информация. Данная подкатегория распадается далее на собственно фактологическую информацию (информацию о конкретных фактах, использование конкретных существительных в форме единственного числа, имён собственных, дат, форм глагола совершенного вида прошедшего времени, обстоятельств времени и места) (для публицистического стиля характерно стремление к объективности и полноте при передаче фактов, а также специфическая передача так называемого «голого факта»); обобщённую информацию (использование форм множественного числа, местоимений «всякий», «каждый», «никто» и др., форм настоящего времени глагола в значении настоящего расширенного и настоящего вневременного) (в произведениях публицистического стиля обобщения имеют высокую пропагандистскую направленность); абстрактную информацию (отвлечённые существительные, в первую очередь термины и номенклатурные наименования) (для публицистического стиля характерно использование отдельных групп лексики (например, общественно-политической или социально-экономической), аналитическую информацию (детерминанты условия в случае, при появлении и др., сложноподчинённые предложения с союзом «если... то») (в публицистических текстах данная информация будет достаточно актуальной, однако зависимой от жанра текста); конкретно-образной информации (использование слов в переносном значении, тропы, стилистические фигуры) (в произведениях публицистического стиля данная информация будет активна в художественно-публицистических жанрах, но фрагментарна в информационных и аналитических).

Субъектная информация. Данная подкатегория распадается далее на эмоциональную информацию (соответствующая лексика, экспрессивные интонационные конструкции, обратный порядок слов, междометия) (в данном случае подобная информация активна, но социально ориентирована); оценочную информацию (например, лексемы хорошо – плохо и их синонимы) (для публицистического стиля характерны социальные и интеллектуальные оценки); модально-волевою информацию (формы повелительного

наклонения глагола, инфинитивные и другие побудительные предложения) (в произведениях публицистического стиля данная информация будет активна и будет выражаться как через прямые призывы, так и опосредованно); усилительно-экспрессивную информацию (например, экспрессивные суффиксы и риторические фигуры) (данная информация будет активна в произведениях публицистического стиля) и эстетическую информацию (которая в произведениях публицистического стиля будет активна, но достаточно упрощена).

Соотношение эксплицитной и имплицитной информации.

Данная категория подразумевает наличие или отсутствие подтекста; в произведениях публицистического стиля подтекст будет относительно активен» (Трофимова, 2010, с. 153-161).

Особенности публицистических текстов на китайском языке

Н. В. Семашко отмечает, что язык китайской публицистики стал более демократичным с момента начала проведения политики реформ и открытости, сохраняя при этом свои консервативные черты (Семашко, 2021, с. 110). «Языковое своеобразие публицистических текстов, публикуемых центральной печатью КНР, будет заключаться в иной форме подачи информации, нежели в информационных сообщениях, где наиболее важная идея будет повторяться многократно, следовательно, тексты информационного характера будут обладать циклической структурой, в противоположность публицистическим текстам, структура которых будет линейной» (Богомолова, 2011, с. 118).

Одним из главных отличий публицистических текстов от новостных сообщений является наличие в первых эмоциональной составляющей, нуждающейся в лингвистических средствах её передачи читателю. Это во многом сближает публицистику и художественную литературу, обуславливая гораздо более широкое использование выразительных средств, в частности метафор, в публицистических текстах. Помимо метафоризации, характерным признаком публицистического текста является его идиоматичность. Под идиомами мы понимаем образные выражения языка, пословный перевод компонентов которых не совпадает со значением выражения в целом. Самыми распространенными идиомами являются чэньюй, они интересны, прежде всего, тем, что имеют в основе некую сказку-легенду, широко известную в Китае

на протяжении нескольких тысяч лет, которая сжата до четырех-шести иероглифов в современном языке, оригинальная история которой служит прецедентным текстом для носителей языка. Такие сказки-притчи формируют систему ценностей китайцев, зачастую определяющих линию поведения. Некоторые идиомы метафоричны, что позволяет нам наглядно убедиться в создании более точных образов и, соответственно, более глубокому влиянию на адресата публицистического текста.

Метафоризация в публицистических текстах, как прием осмысления чрезвычайно продуктивна при создании более точных образов, оттенков смысла, аналогий, оценок происходящего, в случаях, когда от адресанта требуется эмоциональная реакция на факты действительности (Vovou, 2022). Метафоризацию по степени глубины и объемности воздействия можно сравнить с использованием, например, 36 стратагем. Известно, что стратагемы изучаются учеными во многих странах мира. С одной стороны, применение стратагем не видно несведущему человеку, ход событий кажется нелогичным или непоследовательным, с другой стороны, поражают достигнутые результаты. Стратагема записывается всего тремя или четырьмя иероглифами, однако за ними скрывается глубинный смысл, который раскрывается в историю десятками иероглифов и понятен каждому жителю Поднебесной, но вызывает сопоставимый по силе образности эффект. То есть метафоризация публицистических текстов на китайском языке – это отработанный веками процесс сжатия смыслов на бумаге, разворачивающийся в сознании носителя в полную картину.

Помимо метафор и идиом, тексты на европейских языках, в частности, на русском, часто содержат отсылки на прецедентные тексты. Под прецедентными текстами мы понимаем тексты широко известные в речевой культуре представителей конкретного этноса, под отдельными элементами прецедентных текстов или прецедентными феноменами мы понимаем цитаты из общеизвестных произведений, строки из песен, названия произведений литературы, музыки искусства, имена главных героев, фразеологизмы, поговорки, пословицы, клише.

Необходимо отметить, что в силу многих причин, основной из которых является относительная изолированность Китая до

середины 19 века, основные литературные памятники России и Европы не были широко известны в связи с особым укладом общества и недоступностью образования в целом, в особенности для крестьян, которые составляли более 90 процентов населения страны. Также одной из причин является и проблема перевода наиболее известных произведений по таким областям общемировых знаний, как литература, искусство, медицина, история, инженерное дело и других, поэтому рассчитывать на общемировое использование прецедентных текстов не приходится. Поэтому мы можем считать китайские классические литературные и философские произведения прецедентными текстами, отсылками к которым являются идиоматические или метафорические выражения. Мы также можем сделать вывод о прецедентности формы статей, так как структура публицистических статей в прессе КНР будет сходной, более того, играющей важную роль в восприятии каждой новой статьи как нового звена в многолетней традиции китайской публицистики. В статьях в обязательном порядке будут иметься вступление, основная часть и заключение, а в основной части будут использованы идиоматические и метафорические конструкции различного характера, во многих случаях позволяющие подкрепить главную мысль статьи отсылкой к древнекитайской мудрости.

В зависимости от тематики статьи могут присутствовать различные виды метафор. Это обусловлено, в первую очередь, личностью автора статьи, интенциональной составляющей, остротой проблематики на некоем историческом этапе, социокультурным аспектом, представлениях о специфике личного и социального, допустимого и порицаемого, основными ценностями, принятыми в социуме, наличием или отсутствием табуированных тем, особенностями мышления этноса в целом.

При проведении исследований корпусов публицистических текстов на китайском и русском языках с целью выявления степени метафоричности текстов и их влияния на общественность, некоторые учёные, в частности, Фэй Цзюньхуэй в работе «Концептуальная метафора в китайском политическом дискурсе о борьбе с эпидемией COVID-19» (Фэй, 2021), выделяют такие виды метафор, как милитарная, фитоморфная, шахматная, метафоры стихии, механизма, артефактная, метафоры экзамена и движения.

Линь Сюэ в научной работе «Политическая метафора в русском и китайском языках» предлагает иную классификацию. Автор выделяет фразеологические, спортивные, театральные, медицинские, цветовые, связанные с животными, человеком, пространственные, военные, природные метафоры (Линь, 2019).

Подход к анализу китайских публицистических текстов с точки зрения разработанной отечественным учёным В.А. Курдюмовым предикационной концепции языка (Курдюмов, 1999) зарекомендовал себя с положительной стороны и был применён автором в предыдущих исследованиях (Богомолова, 2011). В частности, при подробном анализе феномена связности и феномена цельности в публицистических текстах предикационная концепция доказала свою эффективность, позволив классифицировать все известные средства обеспечения связности как развёртку либо свёртку уровня пропозициональной структуры, представляющего собой нуль уровней. При этом положения предикационной концепции применимы и к другим аспектам анализа публицистических текстов, в частности, к анализу используемых в них выразительных средств.

В одной из своих последующих работ проф. В.А. Курдюмов указал на фундаментальные различия в употреблении метафоры в русском и китайском языках, обусловленные их типологическими различиями (Курдюмов, 2023). Более того, В.А. Курдюмовым предлагается онтологически более глубокий подход к определению метафоры. Как указывается в данной работе, «метафора – не просто «замещение одного средствами другого» (таких определений много, то же самое часто говорится и о знаке), а элемент / средство – фильтрации / концентрации бытия, ухода от обыденного языка к экзистенции, сущности. Если условно разделить функцию языка на три ступени (регулятивная – когнитивная – экзистенциальная), то метафора становится универсальным и «мгновенным», «моментальным» «не извилистым» средством прорыва от обыденной регуляции к познанию и выше, при этом, опирающимся на визуализацию, денотативность. Другими словами, стремясь объяснить явление, можно долго и логично объяснять и сравнивать, а можно лишь вербализовать метафору, делающую не нужной (избыточные) описания» (Курдюмов, 2023, с. 30-31).

Метафора, обычно определяемая как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования объекта, аналогичного данному в каком-либо отношении» (Языкознание..., 1998, с. 296), может, по В.А. Курдюмову, определяться как «устойчивый либо окказиональный перенос значения, предположительно понятный потенциальному собеседнику» (Курдюмов, 2023, с. 24). Более того, в данной статье показано, что введение дополнительного основания для классификации метафор (разделение последних на «банальные» (термин предложен В.А. Курдюмовым) и литературные, чисто образные, может послужить дополнительным фактором, обуславливающим типологическую классификацию различных языков.

«Китайский язык, будучи языком с выдвиганием топики (о типологическом делении языков на языки с выдвиганием топики и языки с выдвиганием подлежащего см. (Chao, 1968) и (Ли, 1982), обладает таким типологическим признаком, как отсутствие банальной метафоры. Тексты же на русском языке, являющиеся примером языка с выдвиганием подлежащего, будут включать в себя примеры банальных метафор (например, «жизнь проходит», «карандаш лежит», «вопрос стоит на повестке дня» и др.) Отсюда следует важный для изучения китайских публицистических текстов вывод, заключающийся в том, что метафоры в китайском языке всегда будут носить небанальный, то есть заметный даже неподготовленному реципиенту характер (Курдюмов, 2023, с. 30)». Наличие подобных метафор будет служить достаточным основанием для отнесения текста к публицистике либо к какому-либо из жанров художественной литературы (для более точной классификации необходимо рассматривать и другие признаки).

Интересным явлением во многих языках стали так называемые «мемы», то есть фразы, идеи, ситуации, символы, ставшие известными благодаря событию, отмеченному Интернет-сообществом, и многократно повторенные его представителями в рамках страны или даже всего мира. Налицо создание новой формы прецедентного текста и мы надеемся проанализировать данный феномен в наших последующих исследованиях. Следует отметить, что публицистические тексты относятся к классическому жанру

журналистики, они рассчитаны на довольно консервативного читателя, который, если и ожидает отсылки к прецедентным текстам, то к таким, которые имеют длительную историю, отражены в классических текстах, и зачастую сводятся к использованию всех ранее перечисленных прецедентных феноменов, поэтому мы выделяем клишированность, идиоматичность, метафоричность как основные признаки публицистического текста. Современная форма прецедентного текста – мем – более характерна для неформального общения на просторах Интернета, но не в рамках серьезных жанров журналистики.

Практическая часть

Для обоснования правильности выдвинутого тезиса мы отобрали несколько статей, затрагивающих наиболее актуальные международные темы. Проведем анализ статьи «一周年回眸：乌克兰危机升级如何改变世界» («Годовщина: как эскалация кризиса на Украине изменила мир»), опубликованной агентством «Синьхуа» 22 февраля 2023 года (<https://ru.people.com.cn/n1/2023/0222/c408039-32629114.html>).

Данная статья включает в себя, в частности, такие метафорические и идиоматические обороты, как «犬牙交错的对峙战线» (линии конфронтации, перекрещивающиеся как клыки собаки), «不断失血的欧洲经济» («европейская экономика, которая постоянно теряет кровь»), «行径正在从根本上动摇世界的和平» («поступки фундаментально сотрясают мир»), «世界变乱交织» («мир окутан хаосом»), «不断给这场危机火上浇油» («подливая масла в огонь кризиса»), «火炮成了传声筒» («артиллерия стала рупором»), «坐收渔利» («пожинать плоды чужого труда»), «能源价格飙升» («цены на энергоносители взлетели»), «耗费了时间、金钱» («украинский кризис отнял время и деньги»), «难民潮» («поток беженцев»), «世界又一次站在历史的十字路口» («мир вновь стоит на перепутье истории»), «人类社会绝不能重走老路» («человеческое общество не должно возвращаться на старый путь»).

Как видно из приведённых выше примеров, все метафоры данного текста являются небанальными, что служит одним из

весомых аргументов в пользу отнесения его к публицистическому жанру. Очевидно, что в данном тексте имеются и другие маркеры публицистического жанра, в частности, упоминания обусловленных кризисом страданий простых людей в Египте, Тунисе и Венгрии, что рассчитано на то, чтобы вызвать у читателя эмоцию сострадания (публицистика, как известно, направлена прежде всего на то, чтобы вызвать у адресата данного информационного продукта нужные адресанту эмоции). Также в статье подчёркивается взвешенный и непредвзятый характер проводимой КНР внешней политики, что укладывается в концепцию публицистики как информационной поддержки деятельности правительства либо иного заказчика производства данного информационного продукта.

В статье «中方支持落实“两国方案”推动中东持久和平» («Китай поддерживает реализацию «решения о двух государствах» и способствует прочному миру на Ближнем Востоке») от 1 декабря 2023 года использованы следующие небанальные метафоры и идиоматические выражения: «惨痛教训» («болезненные уроки»), «中东问题的核心» («ядро ближневосточной проблемы»), «冲突爆发» («конфликт разразился»), «外溢效应» («эффект перелива»), «站在公道正义一边» («твёрдо стоять на стороне справедливости»), «民族夙愿» («заветное желание нации»), «外交斡旋» («дипломатические добрые услуги»), «瘫痪» («быть парализованным»), «跳出死循环» («выскочить из порочного круга»), «回到轨道» («вернуться в колею») (<https://world.people.com.cn/n1/2023/1201/c1002-40130061.html>).

В статье «推动世界人权事业取得更大发展（和音）» («Содействие более широкому развитию дела прав человека во всем мире»), опубликованной в газете «Жэньминь жибао» в честь симпозиума, посвященного 75-летней годовщине принятия ООН Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 года, на фоне постоянных нападок западных политиков на ситуацию с соблюдением прав человека в КНР, отмечается позитивная практика соблюдения прав человека в КНР. В статье освещаются такие планы руководства КНР, как решение проблемы тотальной бедности, построение крупнейшей в мире системы образования, системы социального обеспечения, системы здравоохранения и

другие. Также важным аспектом продвижения положений Декларации прав человека являются мероприятия, направленные на укрепление у граждан КНР устойчивого чувства удовлетворенности, счастья и безопасности.

Примерами служат следующие метафорические и идиоматические единицы: «深入人心» («глубоко укорениться в сердцах людей»), «践行精神» («претворять в жизнь дух (основную идею)»), «凝聚共识» («аккумулировать взаимопонимание»), «阻碍健康发展» («ставить преграды здоровому развитию»), «将原则同实际相结合» («связать принципы и реальность»), «面临着严峻挑战» («стоять перед лицом серьёзной проблемы»), «为国际人权保护注入中国理念» («внедрять китайскую концепцию в дело защиты прав человека во всем мире»), «肩负的历史责任» («нести историческую ответственность») (https://paper.people.com.cn/tmrb/html/2023-12/06/nw.D110000renmrb_20231206_2-03.htm).

Данная статья написана в лояльном по отношению к руководству КНР ключе и подчеркивает вклад руководства КНР в прогресс, достигнутый страной в такой важной сфере, как соблюдение прав человека. Метафоры с отрицательной коннотацией, призванные обличать или критиковать текущую ситуацию, действия политиков или ведущих государственных деятелей, которыми изобилуют статьи, показывающие негативное влияние других стран на ситуацию в конкретном регионе и мире в целом, отсутствуют. Использование позитивных метафор настраивает читателя на одобрение последовательной и неуклонной политики руководства страны в области защиты прав человека.

Обратившись к статье «枪支暴力，美国社会难以抹去的人权污点» («Насилие с применением огнестрельного оружия является неизгладимым пятном в деле соблюдения прав человека в американском обществе»), опубликованной 3 ноября 2023 года на сайте газеты «Жэньминь жибао», можно заметить, что данная статья характеризуется категоричным тоном высказываний и направлена на то, чтобы вызвать у читателя чувство недоумения в связи с проводимой США политикой и обратить его внимание на проблемы в сфере обеспечения прав человека в США и несогласованную политику американской администрации. В статье излагается проблема доступности огнестрельного оружия, что

приводит к периодическим массовым расстрелам детей в школах и частой гибели людей, в частности, большого количества подростков. Проблема не получает решения на протяжении многих лет из-за разницы в законодательстве штатов, разногласий между партиями, а также из-за мощной поддержки Национальной стрелковой ассоциации, лоббирующей принятие «нужных» законов (<https://world.people.com.cn/n1/2023/1103/c1002-40109959.html>).

Статья содержит метафоры и идиоматические выражения, в негативном ключе характеризующие процессы, происходящие в американском обществе. Например, «难以抹去的人权污点» («неизгладимое пятно в деле соблюдения прав человека»), «街道空空荡荡» («на улицах пустынно»), «触目惊心» («ошеломлять»), «令人咋舌» («необъяснимо»), «流血事件» («инцидент с кровопролитием»), «出台迟缓» («не давать ход, тормозить к.-л. дело»), «阻碍重重» («одну за одной строить преграды»), «自相矛盾» («противоречить самому себе»), «雷声大、雨点小» («раскаты грома сильные, а дождь слабый»), «来回翻烧饼» («переворачивать блин туда-сюда»), «看不到希望» («не видеть надежды»), «有色人种群体» («этнические группы»), «成为根源之一» («стать одним из корней»), «击碎美国梦» («разбить американскую мечту»).

Таким образом, метафоризация и идиоматизация в публицистических текстах выступают в качестве наиболее продуктивных способов заручиться поддержкой читателей или оказать влияние на общественное мнение по наиболее актуальным вопросам или вопросам, нуждающимся в смене парадигмы восприятия, путём вызова в сознании читателей понятных образов с позитивной или негативной коннотацией, особенно по тем международным темам, которые являются резонансными и одновременно привлекают внимание в странах с разным общественным строем и уровнем жизни (Khrumchenko, 2023). Тема соблюдения прав человека не теряет своей актуальности уже несколько десятилетий, поэтому статьи публицистической направленности, призванные отметить успехи Китая в этой сфере формируют позитивный образ страны и руководства в противовес статьям о нарушении прав человека в США, порицающим и формирующим негативный образ.

Необходимо отметить, что исследованные нами публицистические статьи были напечатаны в самом авторитетном печатном издании КНР – газете «Жэньминь жибао», создание которого в 1948 году на многие годы обеспечило Центральный комитет Коммунистической партии Китая рупором социалистических идей, имеющих огромное влияние как внутри страны, так и за ее пределами. Газета «Жэньминь жибао» выходит ежедневно на основных европейских языках, имеет онлайн-версию.

В статье «中美关系的大门一旦打开, 就不会再被关上» («Как только дверь в китайско-американские отношения откроется, она больше никогда не закроется») освещается визит председателя КНР в США в рамках его участия в саммите АТЭС. Можем выделить следующие «небанальные» метафоры и идиоматические выражения: «人民友谊之树已经长大» («дерево народной дружбы выросло»), «指明航向» («наметил направления»), «不寻求新冷战» («не искать новой холодной войны»), «出现严重“行动赤字”» («наблюдается дефицит действий»), «合作的清单» («счет за сотрудничество»), «合作的蛋糕» («пирог (сферы) сотрудничества»), «浇筑中美关系的五根支柱» («забетонировать 5 столпов китайско-американских отношений»), «管控分歧» («контролировать разногласия»), «承担大国责任» («нести ответственность»), «视为敌手» («смотреть как на врага»), «面临着不少挑战» («стоять перед вызовами»), «汇聚两国人民力量» («консолидировать усилия народов двух стран»), «赓续友谊» («обеспечить преемственность дружбы»), «注入能量» («направить энергию») (<https://world.people.com.cn/n1/2023/1122/c1002-40123267.html>).

В статье «为推动解决巴以问题发出“金砖”之声» («Голос БРИКС будет способствовать разрешению палестино-израильского конфликта» от 24 ноября 2023г., опубликованной на сайте газеты «Жэньминь жибао», можем выделить следующие метафоры и идиоматические выражения: «致力于推动» («прилагать усилия к стимулированию»), «金砖国家» («страны БРИКС»), «世界范围» («мировые рамки»), «勇担重任» («смело нести ответственность»), «繁荣发展» («процветание и развитие»), «新一轮冲突» («новый

виток конфликта»), «展开交流» («запустить переговоры»), «协调立场» («сверить позиции»), «发出呼吁» («обратиться с призывом»), «达成共识» («достичь взаимопонимания»), «发出正义之声» («заявить о справедливости»), «发出和平之声» («заявить о мире»), «冲突降温» («деэскалация конфликта»), «旧思维的桎梏» («рамки старого мышления»), «迈入新阶段» («вступить в новый этап»), «扩员» («принятие в организацию новых членов»), «互信的基础» («основа взаимного доверия»), «合作的机制» («механизм сотрудничества»), «金砖国家精神» («дух БРИКС»), «驾驭地区» («подконтрольные регионы»), «冲突循环往复» («развивающийся по спирали конфликт»), «出路的洞见» («выход из сложившейся ситуации»), «天然成员» («действительный член организации»), «国际舞台» («международная арена»), 开创新时代 («открыть новую эпоху») (<https://world.people.com.cn/n1/2023/1124/c1002-40125354.html>).

Что касается частотности употребления метафор в исследованных текстах, то можно сказать, что, вызвавший особый резонанс в международном сообществе новый виток палестино-израильского конфликта, побудил автора статьи метафоризировать до 10% текста, что является довольно высоким показателем, соответственно, отражающим отнесение данной статьи к публицистическому жанру. В исследованных статьях высок уровень идиоматичности и метафоричности, однако отсылки на классические произведения, являющиеся прецедентными текстами, присутствует не везде, возможно, это связано с расширением парадигмы прецедентных феноменов, которые вследствие консервативности китайского общества присутствуют в общении китайцев на просторах всемирной сети Интернет, но пока отсутствуют в классических газетных публицистических текстах.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) публицистический жанр, который в постсоветский период оказался почти полностью вытеснен из отечественной журналистики, вновь стал одним из ведущих жанров как в Российской Федерации, так и в КНР, а также в западных странах;

2) положения разработанной В.А. Курдюмовым предикационной концепции языка успешно применимы к анализу публицистических текстов, в частности, публицистических текстов на китайском языке;

3) метафоричность, клишированность и идиоматичность текста, в частности, наличие в китайском тексте небанальных метафор, является серьёзным аргументом в пользу отнесения данного текста к публицистическому жанру.

Литература

1. Богомолова Е.Н. Способы обеспечения связности текста в структурно-динамическом рассмотрении (на материале китайских публицистических текстов). дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Богомолова. – М., 2011.
2. Котельникова Н.Н., Леонтович О.А. Эпидемия коронавируса через призму русского и китайского языкового сознания // Ученые записки НОПРИЛ. – 2020. – №4(22). – С. 81-98.
3. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: Воен. ун-т, 1999.
4. Курдюмов В.А. Метафора в русском и китайском языках: типологический аспект «банальности» // Journal of Russian Philology, National University of Chengchi. – 2023. –Vol. 32. – Pp. 21-36.
5. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 11. – С. 193-235.
6. Линь С. Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе Правительства КНР 2017 г. и на Послании Президента Федеральному Собранию РФ на 2017 г.) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – Выпуск №4 (820). – 2019. – С. 125-138.
7. Малютин А.А. Во что превращается российская деловая пресса [Электронный ресурс]. – URL: forbes.ru/sobytiyacolumn/ (дата обращения: 18.10.2017).
8. Практическая стилистика русского языка. – М.: ВКИ, 1988.
9. Семашко Н. В. Особенности публицистического дискурса китайского языка. Перевод неологизмов в современных

- публицистических текстах. // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2021. – Vol. 2 (26). – Pp. 110-113.
10. Тертычный А.А. Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 95-102.
 11. Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ. – М.: Флинта; Наука, 2010.
 12. Ученова В.В. Гносеологические проблемы публицистики. – М.: МГУ, 1971.
 13. Фэй Ц. Концептуальная метафора в китайском политическом дискурсе о борьбе с эпидемией COVID-19 // *Политическая лингвистика*. – 2021. – № 3 (87). – С. 217-222. DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_22.
 14. Шабловский В. ВВС получит деньги на антироссийскую пропаганду [Электронный ресурс]. – URL: rg.ru/2022/03/24/vvs-poluchit-dengi-na-antirossijskuiu-propagandu.html (дата обращения: 12.10.2023).
 15. Языкознание: большой энцикл. словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
 16. Chao Y. R. *A Grammar of Spoken Chinese*. – Berkeley: University of California Press, 1968.
 17. Malyuga E. N., Madinyan E. I. A Linguistic-Pragmatic Study on Collocations in Business Media Discourse // *WISDOM*. – Vol. 26(2). – Yerevan: Armenian State Pedagogical University, 2023. – Pp. 174–184. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v26i2.1022>
 18. Malyuga E., Shvets A., Tikhomirov I. Computer-Based Analysis of Business Communication Language // *SAI Computing Conference 2016*. July 13-15, 2016, pp. 229-232, 2016. DOI: 10.1109/SAI.2016.7555987
 19. Khramchenko D. S. How headlines communicate: A functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media // *Training, Language and Culture*. – 2023. – Vol. 7(2). – Pp. 30-38. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
 20. Vovou E. The cultural environment of metaphors: A study of German as a Second/Foreign Language // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6(2). – 68-75. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-68-75

21. Nair Ch. Anti-China Rhetoric Is Off the Charts in Western Media [Electronic resource]. – URL: thediplomat.com/2023/02/anti-china-rhetoric-is-off-the-charts-in-western-media/ (дата обращения: 12.10.2023).

References

- Bogomolova, E.N. (2011). *Sposoby obespechenija svjaznosti teksta v strukturno-dinamicheskom rassmotrenii (na materiale kitajskih publicisticheskikh tekstov) [Ways to ensure text coherence in structural-dynamic consideration (based on Chinese journalistic texts)]*. Candidate thesis, Moscow, Russia.
- Chao, Y.R. (1968). *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkeley: University of California Press.
- Fjej, Czjun'hujej. (2021). Konceptual'naja metafora v kitajskom politicheskom diskurse o bor'be s jepidemiej COVID-19 [Conceptual metaphor in Chinese political discourse on the fight against the COVID-19 epidemic]. *Politicheskaja lingvistika*, 3 (87), 217-222. DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_22.
- Jazykoznanie: bol'shoj jenciklopedicheskij slovar [Linguistics: great encyclopedic Dictionary]*. (1998). M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija.
- Kotelnikova, N.N., & Leontovich, O.A. (2020). The coronavirus epidemic through the prism of Russian and Chinese linguistic consciousness. *Scientific notes of NOPRIL*, 4(22), 81-98.
- Kurdjumov, V.A. (1999). *Ideja i forma. Osnovy predikacionnoj koncepcii jazyka [Idea and form. Fundamentals of the predication concept of language]*. M.: Voennij Universitet.
- Khramchenko, D. S. (2023). How headlines communicate: A functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media. *Training, Language and Culture*, 7(2), 30-38. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
- Kurdjumov, V.A. (2023). Metafora v russkom i kitajskom jazykah: tipologicheskij aspekt «banal'nosti» [Metaphor in Russian and Chinese: the typological aspect of “banality”]. *Journal of Russian Philology, National University of Chengchi*, 32, 21-36.
- Li, Ch., & Tompson, S. 1982. Podlezhashhee i topik: novaja tipologija jazykov [Subject and topic: a new typology of languages]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 11, 193-235.

- Lin', Sjue. (2019). Politicheskaja metafora v russskom i kitajskom jazykah (na materiale doklada o rabote Pravitel'stva KNR 2017 g. i na Poslanii Prezidenta Federal'nomu Sobraniju RF na 2017 g.) [Political metaphor in Russian and Chinese (based on the report on the work of the Government of the People's Republic of China in 2017 and on the Address of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation for 2017)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 4 (820), 125-138.
- Malyuga, E. N., & Madinyan, E. I. (2023). A Linguistic-Pragmatic Study on Collocations in Business Media Discourse. *WISDOM*, 26(2), 174–184. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v26i2.1022>
- Malyuga, E., Shvets, A., & Tikhomirov, I. (2016). Computer-based analysis of business communication language. In *Proceedings of 2016 SAI Computing Conference, SAI 2016*, (pp. 229-232).
- Maljutin, A.A. (2017). *Vo chto prevrashhaetsja rossijskaja delovaja pressa [What the Russian business press is becoming]*. Retrieved from: forbes.ru/sobytiyacolumn/ (accessed: 18.10.2017).
- Nair, Ch. (2023). *Anti-China Rhetoric is off the Charts in Western Media*. Retrieved from: thediplomat.com/2023/02/anti-china-rhetoric-is-off-the-charts-in-western-media/ (Accessed 12.10.2023).
- Prakticheskaja stilistika russskogo jazyka [Practical stylistics of the Russian language]*. (1988). M.: VKI.
- Semashko, N. V. (2021). Osobennosti publicisticheskogo diskursa kitajskogo jazyka. Perevod neologizmov v sovremennyh publicisticheskikh tekstah [Features of the journalistic discourse of the Chinese language. Translation of neologisms in modern journalistic texts]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (26), 110-113.
- Shablovskij, V. (2023). *BBC poluchit den'gi na antirossijskuju propagandu [BBC will receive money for anti-Russian propaganda]*. Retrieved from: rg.ru/2022/03/24/vvs-poluchit-dengi-na-antirossijskuiu-propagandu.html (accessed 12.10.2023).
- Tertychnyj, A.A. (2018). Publicistika v sovremennyj rossijskih SMI: refleksija i praktika [Journalism in modern Russian media: reflection and practice]. *Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 23(1), 95-102.

- Trofimova, O.V., & Kuznecova, N.V. (2010). *Publicisticheskij tekst: Lingvisticheskij analiz [Journalistic text: Linguistic analysis]*. M.: Flinta; Nauka.
- Uchenova, V.V. (1971). *Gnoseologicheskie problemy publicistiki [Gnosiological problems of journalism]*. M.: MGU.
- Vovou, E. (2022). The cultural environment of metaphors: A study of German as a Second/Foreign Language. *Training, Language and Culture*, 6(2), 68-75. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-68-75

УДК 811.133.1

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.04>

О.А. Быкова,

В.Л. Соколова⁵

Московский государственный лингвистический университет

**ДРУГОИЗАЦИЯ КАК ЧЕРТА
ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Современные глобализационные процессы меняют не только геополитическую, но и языковую карту мира, что, в свою очередь, влияет на распространение, использование языков и число их носителей. В настоящее время романские языки, в том числе французский, являются культурной частью идентичности мирового большинства. Они заложили и сформировали постколониальную матрицу диалога культур, развитие которого продолжается сегодня. Современное языковое и культурное взаимодействия реализуются в рамках оппозиции «миноритарная-титутельная культура», тем самым формируя взаимодействие «глобального» и «локального». Оно ярко проявляется на стыке

⁵ Быкова О.А., Соколова В.Л. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

языка, истории страны или региона и его социокультурных аспектов. Однако особую форму выражения находит в постколониальном дискурсе художественной литературы, которая обладает не только лингвистической спецификой, но и является носителем этнокультурного кода отдельных регионов и стран. Обозначенный тип дискурса обладает особыми характеристиками, среди которых мы особо выделяем идею инаковости, или другоизации. В данной статье мы рассматриваем противоположные точки зрения на взаимодействие глобальных и локальных культур, а также на то, каким образом оно манифестируется через призму языка, как в культурно-историческом, так и в социолингвистическом аспектах. Нарративные стратегии, используемые авторами в постколониальном дискурсе, позволяют иначе трактовать концепт «другого», идею пограничности культур, пространственно-временное восприятие и этноспецифичность. На основе анализа литературы франко-марокканского писателя Т. Бен Джеллуна, чей роман стал объектом исследования, можно сделать вывод о том, что идентичность миноритарных культур в постколониальном дискурсе манифестируется через синкретизм, гибридность, экстралингвистические факторы, идеи индигенизации и другоизации.

Ключевые слова: постколониальный художественный дискурс, другоизация, пограничность, фронтризация, национальная идентичность, франкоязычная литература

UDC 811.133.1

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.04>

O.A. Bykova,

V.L. Sokolova

Moscow State Linguistic University

**OTHERING AS A TRAIT OF POSTCOLONIAL
LITERARY DISCOURSE
(BASED ON THE EXAMPLE OF FRENCH-LANGUAGE
LITERATURE)**

Modern globalization processes are changing not only the geopolitical but also the linguistic map of the world which in turn affects the spread, use of languages and the number of their native speakers. Nowadays Romance languages including French are a cultural part of the identity of the world's majority. They laid and formed the postcolonial matrix of the intercultural dialogue the development of which continues today. Modern linguistic and cultural interactions are implemented within the framework of the opposition "minority-titular culture" thereby forming the interaction of "global" and "local". It is clearly manifested at the junction of the language, the history of a country or region and its socio-cultural aspects. However, it finds a special form of expression in the postcolonial discourse of fiction, which has not only linguistic specificity, but also is a carrier of the ethnocultural code of individual regions and countries. The designated type of discourse has special characteristics, among which we highlight the idea of othering. In this article, we consider the opposite points of view on the interaction of global and local cultures, as well as how it manifests itself through the prism of language, both in cultural-historical and sociolinguistic aspects. The narrative strategies used by the authors in postcolonial discourse allow for a different interpretation of the concept of the "other", the idea of borderline cultures, spatial and temporal perception and ethnospecificity. Based on the analysis of the literature of the Franco-Moroccan writer T. Ben Jellun, whose novel has become the object of research, can conclude that the identity of minority cultures in postcolonial discourse manifests itself through syncretism, hybridity, extralinguistic factors, ideas of indigenization and othering.

Key words: postcolonial artistic discourse, otherization, borderline, frontierization, national identity, French-language literature

Введение

Со второй половины XX века страны Африки вступили в постколониальную эпоху, в рамках которой наблюдаются попытки определения идентичности, выстраивания государственности, что влечет за собой вопросы языковой и культурной политики. Подобного рода явления находят отражение в художественном дискурсе, который отображает не только исторические процессы ряда регионов, но и отношения между языком, обществом и культурой, что в итоге создает новую дискурсивную формацию. В

рамках этой формации манифестируются взаимодействие культурных и лингвистических особенностей бывших метрополий и колоний, а также идеи эпохи постмодернизма.

Вопрос изучения постколониального художественного дискурса и африканских франкоязычных литератур освещен в работах как отечественных лингвистов (Найденовой Н.С., Сапрыкиной О.А., Загрязкиной Т.Ю.), так и зарубежных (Ф. Фанон, Э. Сезар, Ч. Ачебе); постколониальный аспект освещен в работах антропологов, лингвистов и историков литературы (Э.Саида, Г.Спивак, А.Мемми, Х.Баба).

Важность постколониальных исследований обусловлена тем, что сегодня все чаще наблюдается экзистенциальная девиация, причиной которой стали 1) бинарность культур в картине мира: европейской и локальной/ титульной и миноритарной; 2) внедрение и последующее насаждение титульной культуры, языка метрополии.

В качестве эмпирического материала был выбран литературный дискурс именно потому, что обособленность культурных жизненных контекстов сложна напрямую для анализа «чужого» опыта, который, в свою очередь, будучи преобразованным в текст, более доступен для разных видов анализа.

Специфика постколониального художественного дискурса

Во второй половине XX века отмечаются крупные геополитические изменения, которые сопровождаются упадком колониальных империй и расцветом освободительных и антиколониальных движений (50-60-е гг. XX века в Алжире, Марокко, Мавритании, Тунисе и ряде стран Восточной и Северной Африки). Эти процессы предопределили развитие постколониальных исследований. Сегодня под понятием «постколониальные исследования» понимается совокупность дисциплинарно гетерогенных, но тематически связанных дискурсов, направленных на преодоление экономической, политической и, главным образом, культурной зависимостей «не западного мира» от «западных» образцов, прототипов, поведенческих паттернов. Наиболее полную практическую реализацию постколониальные исследования находят в литературном творчестве.

Постколониальные исследования развивались поступательно. Значительное влияние на развитие постколониальной мысли и терминосистемы оказали Ф. Фанон, Э. Саид, Х. Бхабха, М. Фуко. Благодаря им были рассмотрены вопросы идентичности, взаимодействия языков и культур, самоопределения в новом, постколониальном мире. Вместе с этим были созданы и введены такие понятия как ориентализм, другоизация, фронтъеризация, гетеротопия.

Для постколониального дискурса характерна смысловая общность для одновременных и последовательных феноменов, которая включает в себя схожие понятия «ментальности» и «духа». М. Фуко называет это *totalité* и под этим понятием подразумевает общность символических связей и их манифестации, подобию (подражания), которые порождают суверенитет коллективного сознания как объединяющий и детерминирующий признак (Фуко, 2004). Также к важной категории дискурса, постколониального в частности, М. Фуко относит понятие дискурсивной формации, определяемое им как схема связи между несколькими временными рядами, которая позволяет установить связь между рядом событий и определить их закономерность, *régularité*. (Фуко, 2004). Таким образом, возможно предположить, что постколониальный дискурс представляет собой особую дискурсивную формацию, возникшую во второй половине XX века в социокультурном и языковом пространствах Африки (в статье мы рассматриваем художественные произведения деколонизированных стран Северной Африки, в частности, Марокко).

Постколониальный дискурс носит бинарный характер, его можно определить как гомогенный, так и как гетерогенный. Гомогенность данного типа дискурса определяется схожестью символических связей, идеологических постулатов и наличием этноспецифичности, которая детерминирована автохтонным субстратом. Именно эти характеристики позволяют нам выделить постколониальный художественный дискурс в отдельную категорию анализа. Вместе с этим гетерогенность постколониального дискурса проявляется в языковом разнообразии, которое манифестируется через призму лузофонной, испаноязычной и франкофонной лингвосфер. Эти языковые пространства определяют этноспецифичность постколониального

дискурса и представляют собой образцы новой социокультурной реальности, в которой репрезентируется интеграция двух «полярных культур/реалий»: метрополии и автохтонной, где глобальный язык (зачастую это язык метрополии) играет роль медиатора (Malyuga & Orlova, 2018). При этом он вбирает в себя черты миноритарной языковой культуры, воспринимающей его как язык колонизатора.

К элементам современной постколониальной дискурсивной формации мы относим этноспецифические тексты, которые обладают рядом собственных характеристик.

Этноспецифичность в тексте носит гетерогенный характер, который представляется через взаимодействие языков глобальных и миноритарных, например французского, алжирского варианта арабского и берберского в Алжире; французского и хассани в Марокко и Мавритании; португальского и банту в Анголе; французский и джерба в Тунисе (Chesnokova, 2023). Сосуществование разных культурных кодов метрополии и национального этноса также подтверждает идею гетерогенности. На уровне текстовой организации наблюдается сочетаемость жанров европейской и африканской литературы (романы и бытописание), что находит отражение в плане наррации. Лексико-семантический уровень богат регионализмами, окказионализмами, модифицированными синтаксическими и морфологическими конструкциями несвойственными европейскому, нормированному, варианту языка. В отдельную категорию лексических единиц выделяют межъязыковые панафриканизмы, к которым относят заимствования, употребляемые в ряде европейских языков, например, среди романских чаще выделяют французский и испанский (Найденова, 2014). Бинарность, характерная этноспецифическим текстам художественного дискурса, манифестируется через набор языков, который ее конструирует. Базовым конструктом является европейский язык, например, французский, испанский или португальский, в который вплетается семиотический код, картина мира, лингвокультурный код африканской культуры (антропоморфный, зооморфный, цветовой) (Сапрыкина, 2018).

Анализ литературных художественных произведений позволяет понять, как уникальность каждой из автохтонных культур, так и

индивидуальность отдельно взятого автора, способы вербализации семиотических кодов, эстетику индивидуального стиля и описываемой культуры (Malyuga, Krouglov, & Tomalin, 2018).

Этапы становления и развития постколониального художественного дискурса

Одним из первых, кто заявил о важности развития теории постколониального дискурса, был мартиниканский философ Ф. Фанон. В своем основном труде «Черная кожа, белые маски» он указал на существование среди коренных жителей колоний большого количества людей, которые в попытке подражания белым колонизаторам готовы были избавиться от своей «черной» идентичности. Подобное поведение вело к обезличиванию, к возникновению стыда и презрения к самому себе, к так называемой «колониальной травме». Психология колонизируемой части населения определяется тем, что осознание «собственного», понимание и принятие собственной национальной идентичности стирается у местных. Единственная возможность, по мнению Ф. Фанона, избежать «эмоционального искажения» – полностью адаптироваться под новое, «другое» мировоззрение. В рамках дихотомии «колонизатор-колонизируемый» последний пытается ассоциировать себя с белым населением, среди которого он не находит отклик, что развивает комплекс неполноценности, в большей степени характерный коренному населению региона. Избавление местного населения от «отчужденности» так или иначе повлечет за собой последствия как в социальной, так и в экономических областях. Один из способов разрешения проблемы отчужденности и преодоления дистанции между культурами Ф. Фанон называет овладение языком, и утверждает, что овладевший языком, овладевает целым миром, заключенным в этом языке (Fanon, 2015).

Важной вехой в развитии постколониального дискурса стали идеи литературоведа Э. Саида, который отмечал, что западные колониальные и неоколониальные практики отмечены превосходством европейской цивилизации, которые достаточно стереотипно воспринимают Восток, отводя ему зависимое и подчиненное положение. Э. Саид отмечал, что с помощью дискурса возможно конструировать социальную реальность, что содержит в себе идею интеграции «силы» и «знания»: кто обладает «силой», то

есть властью, тот формирует, распространяет, контролирует «знание».

Также особое внимание Э. Саид уделял процессу конверсии культур, который экстраполируется на разные аспекты их взаимодействия: традиции, язык, политика, культура. Реализация процесса конверсии трактовалась как трансформация беспорядочных наборов объектов в упорядоченные единицы знания (Said, 2014). Э. Саид особо отмечал, что сопротивление человеческого сознания воздействию «чужого» естественно. Именно поэтому и происходит трансформация и перестраивание одними культурами других, но зачастую эта трансформация происходит к выгоде реципиента той или иной культуры.

Особый вклад в становление постколониального дискурса вносит и его терминосистемы вносят Г. Спивак и Х. Баба. Г. Спивак вводит понятие так называемого «другого», то есть человека, который говорит и выражается за «угнетенного». По Д. Бахманн-Медик понятие «другого» подкрепляется идеей рефлексивного поворота, через которую возможна интерпретация культурной и языковой дихотомий «я-другой» (Бахманн-Медик, 2017). В теории Г. Спивак «другой» - это представитель миноритарной культуры, субъект, который был колонизирован и основа самоидентификации которого – его инаковость, чуждость для восприятия субъектов титульных культур.

По мнению Х. Баба, период колониализма представлял собой не период угнетения, а, наоборот, плодотворную почву для многоаспектных культурных контактов. Наиболее значимыми понятиями в теории Х. Бабы стали «лиминальность» - переходное и одновременно кризисное состояние субъекта между пространствами; «пограничье», или *third space* – интегративная зона, где взаимодействуют две культуры: титульная и автохтонная; мимикрия – поведенческий паттерн колонизатора, направленный на колонизируемого с целью передачи ему своих убеждений, что впоследствии ведет к нарушению понимания реальности колонизируемым.

Для Х. Бабы «другое» – одна из неотъемлемых черт постколониальной реальности, что вызывает резонанс и вместе с этим позволяет подчеркнуть силу культурных различий в переходные исторические периоды (Bhabha, 1994). Отношения

между колонизатором и колонизируемым рассматриваются как процесс взаимовыгодного обмена, оказывающего воздействие на культурные значения. К особенностям восприятия пространства и места Х. Баба относил понятие «буферных» зон, которые представляют для акторов постколониального дискурса пространства взаимодействия культур, где генерируются новые конструкты. Таким образом, идея фронтиризации в теории Х.Бабы носит амбивалентный характер и создает новые образы для анализа культуры, проявления в ней языка и репрезентации идентичности.

Черты постколониального художественного дискурса

Как и любой вид дискурса постколониальный художественный дискурс обладает набором характеристик, которые позволяют отразить всю креативность и эстетику художественного текста. Среди наиболее значимых черт постколониального художественного дискурса мы выделяем:

1. Этноспецифичность

Этноспецифичность художественных произведений постколониального дискурса проявляется на разных языковых уровнях. Так, например, на уровне организации текста наблюдается смешение признаков европейских и африканских жанров, вкрапление фольклорного нарратива, реализация метафоризации на базе африканских образов (Сапрыкина, 2018). На языковом уровне отмечается наличие лексем не характерных европейскому варианту языка, морфологические модификации, изменение синтаксических структур, использование вариантов европейской нормы, местных наречий и локальных языков.

Смешение семиотических кодов находит отражение в отличном проявлении когнитивных компонентов, таких как восприятие и память (Abouabdelkader, Abouabdelkader & Ben Kaddour, 2023). Для представителей титульных и миноритарных культур идея времени и места носит различный характер, а сама идея постколониализма как элемента культуры находит особые способы репрезентации в исторической памяти для выходцев бывших колоний и представителей метрополии.

Особым лингвистическим и культурным потенциалом обладает наличие элемента этнографизма, или бытописательства, характерного для художественных произведений бывших колоний вне зависимости от региона. Литературные произведения

франкофонной Африки, Латинской Америки и территорий DROM-COM в целом ярко отражают быт, картину мира местного населения через призму лексических средств. Так, например, в Ф.Фанон отмечает, что в странах Восточной Африки (Сенегал, Мали, Мавритания) белое население называли «les toubabs», а пренебрежительным названием населения Магриба было «bicots». (Fanon, 2015).

2. Дуальность и идея фронтиризации находит свое отражение в культуре, интеллектуальной традиции, религии, территории (пространственный аспект) и социальном поле. В постколониальном дискурсе категория пространства, также как категории места и времени воспринимаются и вербализуются иначе, что позволяет ярче отразить разницу восприятий образов мира представителями титульных и автохтонных культур. Для постколониального художественного дискурса характерна идея фронтиризации, или «пограничья» (third space) (Bhabha, 1994). Идея пограничности пространства позволяет создавать новые культурные конструкты, которые способны демонстрировать качественно разные взаимосвязи двух культур: титульной и миноритарной; «конфликт» их взаимодействия, или, наоборот, симбиотические отношения. Вербализация компонента пограничности обладает высоким уровнем метафоричности, что находит отражение в сопоставлении языка и культуры метрополии с фигурой отца или обозначают их роль как доминанта, в то время как миноритарная культура предстает в образе ребенка. Вместе с этим, в рамках идеи фронтиризации наблюдается все большая тенденция к уходу от концепции «центр-периферия». Идеологи постколониализма склонны обходить идеи европоцентризма и «центризма» как такового и проводить лингвокультурологические компаративистские исследования в парадигме minor-to-minor, что позволяет не опираться на базис культуры-доминанта и устанавливать взаимосвязи между малыми культурами (Найденова, 2014).

По мнению ряда лингвистов и общественных деятелей, разграничение культур позволяет сделать акцент на том, что одна привносит в другую, таким образом, подчеркивая их симбиотические отношения (Malyuga & McCarthy, 2020). Так, например, Л. Сенгор, первый президент Сенегала, отмечал роль

французского языка, его высокий стиль, лингвистические особенности и эстетический и художественный потенциал. Приведенный факт позволяет сделать вывод о том, что языки-медиаторы, как, например, французский, испанский, португальский, позволяют миноритарным культурам заявить о себе в пространстве литературы, науки, СМИ на региональном и мировом уровнях.

С другой стороны, в семиотической системе постколониального художественного дискурса находит отражение оппозиция «колонизатор-колонируемый», которым также присуща национальная категоризация (Найденова, 2011), где вербализация реалий миноритарных культур носит отличный характер: одежда (djelleba-одежда жителей стран Магриба, caftan-туника, haïk-женская накидка), рацион (harīga-традиционный суп, tajīne-блюдо из мяса) административные единицы (douar-сельские поселения), природные явления (chergui-ветер со стороны Сахары).

3. Индигенизация, или процесс культурного возрождения, обособления (Huntington, 2011); демонстрация цивилизационной независимости. Вербализация уникальности собственной идентичности и культуры является еще одной чертой художественного постколониального дискурса.

4. Синкретизм в рамках постколониального художественного дискурса рассматривается как интеграционная составляющая европейских литературных практик и художественного африканского дискурса, отличительными чертами которого являются ярко выраженный фольклоризированный нарратив, элементы устного народного творчества (oraliture), сказки.

5. Гетеротопия.

По М. Фуко, гетеротопия позволяет понимать и интерпретировать пространство как место, одновременно реальное и мифическое. Для художественного пост колониального дискурса в большей степени характерна кризисная гетеротопия, т.е. место, куда попадает человек, находящийся в кризисном или пограничном состоянии по отношению к обществу, куда другим попасть сложно, так как это для них недоступно. Колония также представляет собой один из вариантов крайних типов гетеротопий. В постколониальной литературе пространственная гетеротопия выражена через образ корабля, поезда, самолета, вокзала, порта или

дороги. Феномен гетеротопии манифестируется через некий путь, где главному герою или героям уготовано множество испытаний. Данный феномен также связан с понятием межпространственности, когда герой чувствует себя представителем двух миров: своего и нового, или «другого». Так, например, главная героиня романа Л. Слимани «Страна других. Рождество под кипарисами» при переезде из Франции в Марокко оказывается вне «своего» пространства и при этом еще не достигает так называемого «чужого» пространства, под которым подразумевается новая страна и жизнь в ней. Отметим, что авторы подбирают особые лексические единицы для вербализации «инаковости». Так, для главной героини, француженки по происхождению, Марокко является страной других (*le pays des autres*), где ей сложно адаптироваться к жизни, реалии которой новы для нее. Отметим, что в данном случае хронотоп дороги или пути обладает высокой метафоричностью и иначе репрезентирует видение мира в рассматриваемом типе художественного дискурса.

О репрезентации понятия другоизации в научном знании

Всякий научный портрет «чужих» культур находится во власти специфической риторики нарративных традиций родной культуры. Культура в современном нарративе воспринимается не как отдельное лексико-семантическое поле, но как динамично развивающаяся семиотическая система коммуникативных практик (Бахманн-Медик, 2017). Это позволяет нам сделать вывод о том, что культурные объекты, новизна языковых средств и практик возникает в процессах этого культурного, или символического взаимодействия и практиках другоизации.

Другоизация представляет собой некую совокупность дуализмов, таких как «общество – культура», «общество – язык», «я – мы», «свой – чужой», что приводит к обособлению наиболее репрезентативного из них – «свой – чужой», что подчеркивает вопрос культурных, языковых и социальных отличий.

Язык являет собой лакмусовую бумажку, именно он предстает посредником между внешним миром – реципиентом, и миноритарной культурой – донором, который заявляет о себе в региональном или мировом пространстве. Опираясь на креативную функцию языка как средства «воплощения» действий, литературные произведения становятся медиаторами между

культурой и ее реципиентами, более того, литературные произведения представляют собой идеи и концепты, которые они транслируют. Так, например, художественный текст способен выстроить концепцию социального романа или освободительного романа в контексте идеи постколониализма. Именно этот факт позволяет нам установить связь между литературой и социальными практиками, а также осветить идеи идентичности и теории личности в различных культурах (Jiménez-Jiménez, Segura-Robles & Rico-Martín, 2023).

Реализация понятия другоизация в постколониальном дискурсе

Литература того или иного региона мира, подвергнувшемуся колониальному влиянию, манифестирует механизмы внедрения и экстраполяции европейской культурной традиции в новой автохтонной среде и, как следствие, ее подавление. Одна из характерных черт литературы региона является ее полемическое отношение к западной культуре, что обособляет ее от традиционной европейской цивилизационно-культурной парадигмы и придает характер инаковости.

Объектом анализа в данной работе стал изданный в 2009 году роман Тахара Бен Желлуна «Au pays», яркий пример постколониальной литературы Магриба. История главного героя, Мохамеда, – это история человека, потерявшего связь с родными местами из-за переезда во Францию, для которого единственным ориентиром и точкой отсчета становится его работа. Это также история одиночества марокканца, который живет в чуждой для него культуре, стремясь сохранить свою идентичность, одновременно переживая и аккультурацию, и культурную алиенацию. Мохамед – герой, который занимает промежуточное положение между тем культурным пространством, откуда он родом, и новым для него культурным измерением, которое он воспринимает апперцептивно, через призму своего прошлого опыта и религиозных установок. Роман насыщен размышлениями об иммиграции, идентичности, религии и толерантности – темами, напрямую связанными с восприятием «другого» и себя как «другого».

В статье мы предпринимаем попытку рассмотреть, как черты постколониального дискурса литературы Магриба реализуются в романе «Au pays» в преломлении другоизации. В произведении

идея другоизации прослеживается в нескольких тематических линиях:

1. Отношение представителей марокканской культуры (для обозначения которых главный герой использует слова *bled* или *tribu*) с аллохтонами / представителями других культур;
2. Отношение жителей Франции к аллохтонам-иммигрантам;
3. Отношение Мохамеда к представителям марокканской культуры;
4. Отношения Мохамеда к представителям французской культуры;
5. Отношение «отцов», приверженцев традиционной культуры, и «детей», рожденных в другой культурной среде.

Рассмотрим подробнее выделенные группы отношений с тем, чтобы выявить доминирующие элементы, определяющие реализацию в романе концепта другоизации.

Отношение представителей марокканской культуры к аллохтонам или представителям других культур автор представляет как противостояние, описание которого основано на концептах расизма, ненависти и жестокости. В частности, во фрагментах (1) и (2) автор делает акцент на конфликтах жителей Магриба и других стран Африки, которые были спровоцированы межрасовыми браками.

(1) *Le mélange Maghrébins-Africains ne se passait pas bien. Les insultes racistes fusaiient des deux côtés, suivies de bagarres entre adolescents des deux clans. <...> Puis il se souvint de son vieil oncle qui faisait du commerce avec l’Afrique et qui avait ramené une femme sénégalaise que tout le village considérait comme une esclave, une moins que rien. Il était alors enfant, mais la scène l’obsédait encore : la femme africaine, ne parlant ni berbère ni arabe, fut renvoyée du village en l’absence de l’oncle reparti travailler à l’étranger. Tout le village s’était ligué contre elle parce qu’elle était noire, parce qu’on ne comprenait pas ce qu’elle disait.*

В приведенном отрывке описаны проявления расизма (*insultes racistes*), жестокости по отношению к женщине сенегальского происхождения, жене дяди главного героя (*bagarres, fut renvoyée, s’était ligué contre elle*). Подчеркивается также, что чужестранка воспринимается как низшее существо (*une esclave, une moins que rien*).

Неприязнь, даже ненависть (*la haine*) к аллохтонам иллюстрирует и пример (2). В нем Кадер, знакомый главного героя, выражает свое возмущение тем, что дочь их соотечественника вышла замуж за африканца. Он также обращается к идее превосходства марокканцев над черным населением Африки, используя регионализм *abid*, служащий для обозначения освобожденного раба, зачисленного в ряды марокканской армии, но ставя его в один ряд со словом *esclave*. И несмотря на то, что Кадер отрицает наличие у его и его соотечественников расистских взглядов, фраза *Nous ne sommes pas racistes* в данном контексте звучит как иронический антифразис, который автор использует, чтобы показать, насколько местные жители нечувствительны к проявлениям нетолерантности и расизма и как для них сдвигается граница терпимого отношения к представителям другого этноса.

В речи персонажа явно прослеживается одна из основных черт постколониального дискурса – индигенизация: дейксис первого лица множественного числа (*nous, nos filles, chez nous*) акцентирует отношение к марокканскому народу как к исключительному, который не должен «смешиваться» с другими, «недостойными», по мнению персонажа, этносами.

(2) Kader-la-mauvaise-langue avait trouvé là un bon sujet pour exprimer sa haine pour les Africains : les Noirs et les Arabes ne se mélangent pas ! Les Berbères et les Noirs ne sont pas faits pour s'épouser ! Nous ne sommes pas racistes, mais la tribu doit rester la tribu ! *Nos* filles doivent rester dans la tribu, à la limite s'il était algérien ou tunisien, on jaserait moins ! *Chez nous* au Maroc, les Noirs, on les appelle les abid, les « esclaves », et on ne se mélange pas !

Проблема межэтнического конфликта углубляется через оппозицию взглядов Мохамеда и его соотечественников. Главный герой часто не согласен с радикальными суждениями, которые высказывают его соплеменники, но не рискует вступить с ними в спор. Он рассматривает толерантность как ценность, которую надо воспитывать в подрастающем поколении, как видно из примера (3):

(3) [Mohamed] veillait à ce que sa progéniture ne succombe pas au racisme. Il disait à ses enfants : il faut comprendre, ce sont des gens très différents de nous, ils sont plus pauvres que nous, ils sont plus nombreux, mais ils ne sont pas mauvais, alors soyez tolérants.

Интересны также рассуждения персонажей романа о гетеростереотипах, существующих о мусульманах у представителей других национальностей. Так, из примеров (4) и (5) видно, что ключевыми элементами таких гетеростереотипов выступают концепты бедности и бесчеловечности. Вместе с тем пример (5) ярко иллюстрирует феномен индигенизации: говоря об исламе, персонаж подчеркивает, что эта религия – особый дар (*trésor*), который вызывает зависть у тех, кто не разделяет этих религиозных убеждений.

(4) Un musulman ne doit pas critiquer ce qui se passe durant le pèlerinage. Il faut laisser cela aux ennemis de l'islam, à ceux qui veulent nous voir toujours sous-développés, toujours en guenilles, sales et inhumains. Maintenant, ils ont réussi à coller l'étiquette terroriste à tout musulman. C'est simple, nous sommes voués à stagner ou bien à revenir en arrière...

(5) c'est ça qui fait peur à l'Amérique et à ses amis, tu comprends, nous avons un trésor, et ça les dérange, ils veulent voir les musulmans empêtrés dans la misère ou bien avec une bombe autour de la taille, pour eux c'est ça l'islam, la misère ou la bombe ! Ils sont jaloux du succès planétaire de notre religion!

Особое место занимает в романе гетеротопическое описание Франции как точки назначения для марокканцев, которая в их сознании тесно связана с Магрибом, но остается тем не менее чужим миром. Упоминание Франции часто сопровождается в произведении метатекстуальным осмыслением названия страны (6), (8), (9), и ее жителей (7), так как оно наполнено для марокканцев множеством коннотаций. Эти смыслы в их сознании гетерогенны и противоречивы. С одной стороны, Франция воспринимается как сила, «растлевающая» представителей нового поколения, перенимающих европейские ценности (6), с другой – как мифическая прекрасная страна возможностей (8), (9), но также как страна, где эмигранты не могут найти свое место и где они глубоко несчастны.

(6) LA France nous empêche d'éduquer nos enfants, LA France leur donne trop de droits et après c'est nous qui sommes dans la merde, LA France, la Belgique, la Hollande, tous ces pays qui ne savent plus ce qu'est l'autorité...

(7) Regardez les Françaooui!

(8) Mais c'est une autre histoire, c'est une histoire entre Lafrance et moi. Lafrance, je n'en ai jamais rêvé, c'est vrai, j'entendais parler des gens qui partaient à Lafrance travailler puis c'est tout, quand ils revenaient, ils ne racontaient pas Lafrance, juste le froid, la langue difficile, les gens qui ne vous sourient pas...

(9) C'est ce Maroc-là que j'avais laissé en 1960 avant de prendre le train puis le bateau puis le train pour Lalla França.

Несмотря на то, что многие марокканцы владеют французским языком, в романе некоторые французские слова также подвергаются метаязыковому осмыслению, как чужеродные концепты. Так, в примере (10) французское слово *canicule* представлено в измененной орфографии, так как оно заимствовано из речи французов и передает их отношение к климату Марокко. В примере (11) герой переосмысляет слово *retraite*, которое для него означает пугающий конец привычной рабочей рутины, едва ли не единственного ориентира в жизни. Это слово *lentraite*, заимствованное из идиолекта главного героя, повторяясь на протяжении романа, дает нам понять, как выход из активной жизни тревожит главного героя.

(10) ... un jour il fait très chaud, très très chaud, c'est la kanakul, et puis ils crèvent, seuls, quinze mille petits vieux sont morts à cause de la chaleur.

(11) La mélancolie était déjà là, car il ne pouvait pas échapper à la retraite ou plutôt *lentraite* comme il l'appelait.

Образ французов глазами иммигрантов – образ людей, которые не улыбаются (*les gens qui ne vous sourient pas* (8)), неприветливы и закрыты (*avait enseveli cette population, ne se parlent pas, s'ignorent les uns les autres* (12)).

(12) Le temps avait enseveli cette population dont il n'arrivait pas à percer le mystère. Où vont tous ces hommes et toutes ces femmes ? Pourquoi sont-ils tous pressés ? Où sont leurs enfants, pourquoi tant de chiens, pourquoi ne se parlent-ils pas dans le bus ou dans le métro ? Ils s'ignorent les uns les autres, lisent des livres, des journaux et surtout ne se parlent pas. Il les observait et se demandait s'ils le voyaient. Non, pourquoi ferait-on attention à lui ? Qu'avait-il de particulier ?

Другоизация иммигрантов связана, однако, не только с отношением к ним со стороны коренных жителей Франции. Об этом говорит и сам Мохамед в примере (13) (*ce pays n'y est pour rien*

dans ma tristesse), и гид, сопровождающий марокканских эмигрантов, уезжающих во Францию, в примере (15) – в отношении к марокканцам в целом нет враждебности, напротив, Мохамед приходит к выводу, что французы хорошо относятся к марокканцам, в отличие, например, от алжирцев (16).

Однако другие герои отмечают, что французы не делают различий между представителями разных стран Магриба, да и иммигрантами в целом, хотя для самих иммигрантов эти различия имеют принципиальное значение.

(13) Je suis triste depuis que je suis arrivé en France, ce pays n'y est pour rien dans ma tristesse, mais il n'a pas réussi à me faire sourire, à me donner des raisons d'être gai, heureux, c'est comme ça, je n'y peux rien ; je ne suis pas le seul, regardez les hommes à la sortie de l'usine, ils sont tous tristes, surtout les nôtres, les Maghrébins, ils avancent le corps légèrement penché comme s'ils portaient un poids.

(14) Vous verrez, en arrivant vous serez perdus, il n'y a rien qui rappelle notre bled, rien, ni le climat ni les visages ni les paysages, rien. Il vaut mieux vous préparer à entrer dans un monde totalelement inconnu, c'est comme dans un rêve où nous ne sommes plus nous-mêmes.

(15) Ils ne font pas de différence entre Tunisiens, Marocains et Algériens, pour eux nous sommes tous des Arabes, ils ne font pas de distinction entre un Arabe et un Berbère, ils ne savent rien de tout ça, alors faites attention. La France, ça ne sera jamais votre pays, ça c'est sûr ! La France c'est la France, un pays riche mais qui a besoin de nous comme nous on a besoin de lui.

(16) Il paraît que les Français nous aiment bien, nous autres Marocains mais détestent les Algériens.

Вместе с тем, оказываясь в другой стране, они сближаются с представителями других этносов (так, Мохамед использует притяжательное местоимение *les nôtres*, говоря об иммигрантах из Магриба (13)).

Кризисная гетеротопия сопровождает описание марокканских эмигрантов, находящихся в поиске собственной идентичности. Иммигранты представлены как люди грустные (*je suis triste, ma tristesse, n'a pas réussi à me faire sourire, à me donner des raisons d'être gai, heureux* (13)), как будто отягощенные тяжелой ношей (*comme s'ils portaient un poids*), потерянные (*perdus* (14)), потому что в новом мире у них нет привычных ориентиров. Гид в примере

(14) многократно повторяет слово *rien*, предупреждая эмигрирующих во Францию марокканцев о том, что они не смогут в новой стране найти тех же точек опоры, которые были у них в родной стране.

Встретившийся Мохамеду старик спрашивает у него о цели приезда во Францию (15). Это вопрос, на который, очевидно, нет ответа ни у одного из них. Старик говорит также о том, что переезд лишает главного героя основных ориентиров – семьи, родных людей и религии.

(17) Il lui demanda : qu'est-ce que tu es venu faire dans ce pays ? Rentre chez toi, au moins là-bas tu seras avec les tiens, ta famille, ici pas de famille, pas de femme, pas de mosquée, rien, le travail, le travail et puis l'accident.

Тем не менее, кризисная гетеротопия связана не только с внутренними факторами и различиями в поведенческих стереотипах. Размышления главного героя приводят его к мысли, что правые взгляды во Франции занимают прочную позицию. Об этом он рассуждает в отрывке (18), пытаясь понять причины недоверия (*suspecté*) и жестокого отношения (*maltraité*) по отношению к иммигрантам. Эти размышления позволяют главному герою сделать вывод о том, что подобное восприятие является следствием амальгамации, транспозиции опыта контактов с населением Алжира (19).

(18) Mais je sais qu'il y a d'autres Le Pen dans ce pays, ils ne parlent pas comme lui, mais ils ne nous aiment pas, d'où ça vient qu'on ne nous aime pas? Qu'avons-nous fait de si terrible pour être suspectés, parfois maltraités dans la rue ?

(19) Notre réputation n'est pas brillante, ça doit venir de loin, peut-être de la guerre d'Algérie, peut-être de plus loin encore ; évidemment, il y a l'histoire du poisson pourri qui contamine toute la caisse, que faire alors ?

Интересно, что герой занимает в данном случае слабую позицию по отношению к проявлениям агрессии и расизма. Он допускает, как показывает пример (20), что адекватной стратегией в данном случае будет смирение, несопротивление, незаметность (*profil bas, nous nous faisons petits, on n'élève pas la voix ; on ne veut pas d'histoires ; disparaître ; être le plus discret possible*). Даже такая этноспецифическая деталь, как запах специй, должна, по мнению

Мохамеда, полностью исчезнуть из повседневной жизни мигрантов, чтобы не привлекать к ним повышенного внимания (*ne pas cuisiner avec nos épices*).

(20) Faire profil bas ? Nous sommes experts en profil bas, en tout cas mes compagnons et moi, nous nous faisons petits, on n'élève pas la voix même quand nous sommes victimes d'une injustice ou de racisme banal, on ne veut pas d'histoires. Que faire ? Disparaître ! Ne plus exister, devenir transparents tout en continuant à bosser ; en fait ce serait l'idéal : être là, être utiles, efficaces, puis ne pas se montrer, ne pas faire d'enfants, ne pas cuisiner avec nos épices qui dégagent des odeurs dérangeantes ; j'y ai souvent pensé ; comment faire pour être le plus discret possible et travailler comme si nous n'existions pas ? Avant, en tout cas quand je suis arrivé en France, on ne parlait pas de nous ; nous étions dans des cités de transit puis nous n'allions presque jamais en ville.

Параллельно с попыткой аккультурации, Мохамед и другие иммигранты переживают и опыт культурной алиенации. Марокканское общество не является для них образцовым, они отдают себе отчет в том, что в их стране есть много недостатков, которые требуют исправления.

В частности, интересно размышление Мохамеда об устоях жизни в его семье. Она метафорически представлена как вязкая субстанция (*glu envahissante*), из которой трудно выпутаться и в которой личные границы полностью исчезают, так как на первое место выходят потребности общины.

(21) La famille c'était la tribu. De l'extérieur, elle apparaissait comme une glu envahissante. <...>La tribu ne respectait pas les limites, elle était chez elle partout dans le village. Non seulement tout le monde se connaît, mais les uns interviennent dans les affaires des autres. C'est une grande famille organisée de manière archaïque, gouvernée par les traditions et les superstitions. Mohamed n'y pouvait rien, c'était inscrit dans le sang : on n'échappe pas aux origines. <...>Mohamed était faible devant la tribu. Il savait que ses protestations n'aboutiraient à rien. On ne se bat pas contre des siècles d'habitudes. Ses enfants étaient loin de tout ça. Et puis personne ne comprendrait pourquoi Mohamed n'était pas content. La tribu c'est la tribu. On ne discute pas. On ne la critique pas. Nous ne sommes pas des Européens. La famille c'est sacré !

Во внутреннем монологе Мохамеда, представленном в примере (21) также прослеживается идея другоизации – герой не разделяет

принятых в его семье установок, хотя и не решается об этом говорить открыто. Он противопоставляет общинной модели устройства марокканской семьи европейскую модель (пример (22)).

(22) Mais les Européens aiment leurs familles ; ils font la fête à Noël, se réunissent, se parlent, chantent.

Особое место в раскрытии проблемы другоизации занимает образ нового поколения. Его представители находятся в состоянии гетеротопии, занимая промежуточное положение между пространствами Магриба и Европы. Например, младшая дочь Мохамеда утверждает:

(23) Elle se dit : je suis bien née en France, mais mes gènes viennent du bled !

Однако к детям Мохамеда его соотечественники относятся как к «другим», как видно из примера (24). Во-первых, их упрекают в плохом воспитании, которое, очевидно, связано с их опытом проживания во Франции (*c'est la France qui les a rendus comme ça ; ce sont des petits Français, mon Dieu, mon petit frère nous a fait de petits chrétiens, des étrangers*).

(24) Les voisins disaient : ils ne sont pas bien élevés, ils ne respectent rien ni personne, c'est la France qui les a rendus comme ça, ou bien ce sont les parents qui se sont laissé marcher sur les pieds ? <...> Les enfants, eux, ne s'imaginaient même pas faire vraiment partie de ce clan tentaculaire. <...> Au bout d'une semaine, ils s'ennuyaient, devenaient agressifs, réclamaient d'aller sur les plages d'Agadir. Mohamed les emmenait, les gardait et les attendait dans un café. Le soir, il les ramenait au bled. Il était las, mais il ne pouvait rien leur refuser. Un jour sa sœur aînée, Fattouma, lui dit : mais fous-leur des claques, ils sont mal élevés ces gamins, quand ils viennent ici, ils perturbent nos enfants, leur apprennent des choses qui me choquent, c'est ça, ce sont des petits Français, mon Dieu, mon petit frère nous a fait de petits chrétiens, des étrangers...

Высказывание Фатумы, старшей сестры Мохамеда, демонстрирует восприятие детей, выросших во Франции, как чужеродных, незнакомых с нормами поведения в марокканском обществе. В ее оценке содержится также религиозная составляющая: дети Мохамеда не только нарушают общественные нормы, но они ведут себя, как приверженцы чуждой религии, что, безусловно, непроситительно с позиции марокканского общества,

где религия является основополагающим элементом и регулятором социальных отношений.

Заключение

Роман "Au pays" Бен Джеллуна показывает, насколько проблема другоизации чувствительна для представителей общества Магриба в целом и Марокко, в частности. В нем на примере не только главного героя, но и второстепенных, даже эпизодических, персонажей, прослеживается влияние другоизации на человека и его идентичность.

Тема другоизации представлена, в первую очередь, через описание состояния главного героя и других эмигрантов в терминах отчужденности, потерянности, лишения основных ориентиров, непонимания, грусти, страдания и одиночества. Это состояние обусловлено многими факторами: оно связано с гетеротопией, с трудностями аккультурации ввиду апперцептивного восприятия иной культуры, с культурной алиенацией и переосмыслением собственного опыта проживания в родной стране. Новый взгляд на собственную культуру и общество приводит к формированию состояния отчуждения и в Молодое поколение марокканцев также испытывает состояние отчуждения, так как, перенимая европейские культурные модели, его представители тем не менее не теряют связи с культурным пространством Магриба, оценивая его через призму нового культурного опыта.

Кроме того, другоизация рассматривается автором через отношение марокканцев к представителям других этносов. Здесь доминируют жестокость и расизм, неприятие, непонимание и отторжение, гетеростереотипы. Подобное восприятие другого детерминировано, прежде всего, консервативными установками мусульманского общества и идеей индигенизации, исключительности мусульманской культуры.

И, наконец, объектом другоизации становится в романе новое поколение марокканцев, родившихся во Франции, но сохранивших связь с родными местами. Их гетеротопическое положение обусловлено тем, что марокканские соотечественники воспринимают их как носителей враждебных ценностей, чуждых их религии, а, следовательно, невоспитанных и подрывающих устои традиционного общества.

Таким образом, роман показывает, что принятие других людей, независимо от их национальности или культуры, является ключевым моментом в преодолении другоизации. Принятие культурных различий и уважение друг к другу – единственные эффективные факторы в создании более гармоничного и равноправного общества.

Литература

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.
2. Найденова Н.С. Лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса Тропической Африки (на материале французского и испанского языков Новой Романии). Автореф. дисс. ...канд. филолог, наук. – Москва, 2014.
3. Сапрыкина О. А., Найденова Н.С. Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018.
4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб., А-сэд, 1994.
6. Chesnokova O. S. Colombian national anthem as the dialogicity continuum // *Training, Language and Culture*. – 2023. – Vol. 7(3). – Pp. 59-68. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-59-68
7. Edward W. Said. *Orientalism*. Ed.: Vintage; 1st Vintage Books edition, 2014.
8. Fanon F. *Peau noire, masques blancs*. Éd.: POINTS. 2015.
9. Homi K. Bhabha. *The location of culture*. – London: Routledge. 1994.
10. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 2011.
11. Jiménez-Jiménez M. A., Segura-Robles A. & Rico-Martín A. M. Heritage and minority languages, and their learning: A general bibliometric approach and content analysis // *Training, Language and*

- Culture. – 2023. – Vol. 7(1). – 40-57. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-40-57
12. Malyuga E.N., Krouglov A., Tomalin B. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication // *XLinguae*. – 2018. – № 11(2). – Pp. 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
 13. Malyuga E.N., McCarthy M. Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: a comparative study // *Voprosy Jazykoznanija*. – 2020. – № 4. – P. 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86.
 14. Malyuga E.N., Orlova S.N. Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication. – Springer, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-68744-5
 15. Teun A. van Dijk. *Society and Discourse How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, 2009.

References

- Bahmann-Medik, D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Noveye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural turns. New directions in science and culture]. Transl. from German by S. Tashkenova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Chesnokova, O. S. (2023). Colombian national anthem as the dialogicity continuum. *Training, Language and Culture*, 7(3), 59-68. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-59-68
- Edward, W. (2014). *Said. Orientalism*. Ed.: Vintage; 1st Vintage Books ed édition.
- Fanon, F. (2015). *Peau noire, masques blancs*. Éd.: POINTS.
- Fuko, M. (1994). *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk*. [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Transl. from French by V.P. Vizgina. Saint Petersburg: A-cad.
- Fuko, M. (2004). *Arheologija znanija* [The Archaeology of Knowledge]. Transl. from French by M.B. Rakovoj, A.Ju. Serebrjannikovoj. Saint Petersburg: IC «Gumanitarnaja Akademija»; Universitetskaja kniga.
- Homi, K. (1994). *Bhabha. The location of culture*. London: Routledge.
- Huntington, Samuel P. (2011). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 2011.

- Jiménez-Jiménez, M. A., Segura-Robles, A., & Rico-Martín, A. M. (2023). Heritage and minority languages, and their learning: A general bibliometric approach and content analysis. *Training, Language and Culture*, 7(1), 40-57. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-40-57
- Malyuga, E.N., & McCarthy, M. (2020). Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: A comparative study. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86
- Malyuga, E.N., & Orlova, S.N. (2018). *Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-68744-5
- Malyuga, E.N., Krouglov, A., Tomalin, B. (2018). Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication. *XLinguae*, 11(2), 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
- Najdenova, N.S. (2014). Lingvisticheskie determinanty postkolonial'nogo hudozhestvennogo diskursa Tropicheskoj Afriki (na materiale francuzskogo i ispanskogo jazykov Novoj Romanii) [Linguistic determinants of postcolonial artistic discourse in Tropical Africa (based on the French and Spanish languages of New Romania)]. (Candidate thesis abstract, Russia, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia)
- Saprykina, O.A., & Najdenova, N.S. (2018). Romanskije jazyki v Tropicheskoj Afrike i postkolonial'nyj hudozhestvennyj diskurs : monografija [Romance languages in Tropical Africa and postcolonial artistic discourse: monograph]. Moscow: INFRA-M.
- Teun, A. van Dijk. (2009). *Society and Discourse How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press.

УДК 37.01
<https://doi.org/10.25076/vpl.52.05>
Т. Линакер⁶
Королевский колледж Лондона

**ОТ МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ К
АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ – ПРОБЛЕМА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
(КЕЙС ЯЗЫКОВОГО ЦЕНТРА БРИТАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА)**

За последние пять лет некоторые университеты Великобритании внедрили контракты на академическое образование (АЕР), в основе которых лежат принципы лидерства, педагогики и финансовой поддержки для стимулирования и продвижения по службе сотрудников административно-методических отделов, выполняющих преподавательские обязанности. В то время как коллегам рекомендовалось заключать новые контракты на уровне департамента, регламент был противоречивым и двусмысленным. Многие методисты, переведенные на контракты АЕР, сообщали о сложностях в подаче заявления, нечетких карьерных перспективах, возросшей нагрузке и проблеме профессионального самоопределения, в основном из-за появившегося академического компонента. Новизна контракта АЕР и неофициальные свидетельства о нагрузке, возлагаемой на лиц, берущих на себя новые обязанности, выявили пробел в знаниях о конструировании профессиональной идентичности управленцев среднего звена британских университетов во время реорганизации. В данном исследовании будет рассмотрена ранее неисследованная область деятельности

⁶ Линакер Т. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

административно-методического состава университетских языковых центров, выполняющего преподавательские обязанности. Несмотря на похожие опасения по поводу организационных изменений, участники исследования заявляют о своей идентичности по-разному. Они разделяют взгляды или возражают доминирующим социальным и организационным дискурсам, таким как дискурс нового менеджериализма, подчеркивая особенности и культурные различия в профессиональном самоопределении. Исследование основано на концепциях образовательного лидерства, управлении среднего звена и организационных изменений. Хотя полученные результаты не могут обобщаться вне контекста данного исследования, они могут иметь значение для лиц, ответственных за образовательную политику в Великобритании.

Ключевые слова: образовательное лидерство, организационные изменения, управленцы среднего звена в образовании, дискурс и конструирование идентичности, нарративная идентичность и дилемматическая идентичность

УДК 37.01

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.05>

T. Linaker

King's College London

**FROM PROFESSIONAL SUPPORT TO ACADEMIC
PATHWAY – NEGOTIATING PROFESSIONAL IDENTITY IN
A TIME OF ORGANISATIONAL CHANGE (CASE STUDY OF
TWO MIDDLE MANAGERS AT A UK UNIVERSITY
LANGUAGE CENTRE)**

In the past five years some UK Universities have introduced the Academic Education Pathway contracts (AEP), incorporating the elements of leadership, teaching and scholarship for recognition and promotion of professional services staff with teaching responsibilities. While colleagues have been encouraged to apply for the new contracts at the departmental level, the University policy guidelines have been conflicting and ambiguous. Many newly AEP transferred departmental middle managers have reported stress related to the application process,

uncertainty about career progression, increased workload, and professional identity regulation largely due to the element of research added to the new role. The novelty of the AEP contract and the anecdotal evidence of the burden placed upon the individuals experiencing role incongruity has identified the gap in the knowledge of professional identity construction of UK University middle managers at a time of contractual organisational change. This study will investigate the previously unresearched area of University Language Centre managers with teaching responsibilities. Despite similarities in experiencing organisational change, the participants of the study make different identity claims aligning or resisting the dominant societal and organisational discourses, such as the discourse of New Managerialism, thus highlighting the nuanced and culturally specific approach to professional identity negotiation. The study is framed by the concepts of Educational Leadership, Middle Management and Organisational Change. While the findings may not be generalized beyond the context of this study, the implications can be significant for UK Higher Education policy makers.

Key words: Educational Leadership, Organisational Change, Middle Management in Education, Discourse and Identity Construction, Narrative Identity, and Dilemmatic Identity

Introduction

The close link between professional development, teaching and research in university education has been its' foundation for intellectual substance. This, however, has been a subject of controversy in UK University policy making since the 1970's due to teaching and research being considered as separate activities competing for state funding (Hughes & Tight, 1995) and favouring research over teaching (Taylor, 1995).

The tension between teaching and research has been further exacerbated since the introduction of Teaching Quality Assessment in 1992, which applied generic quantitative performance indicators without considering individual institutions or addressing the wider context of student experience. As well as creating the "compliance culture" – complying with external demands at all costs, the Teaching Quality Assessment put further pressure on the institutions to address the equality of teaching and research.

Although there was a positive movement toward recognising the need for equal partnership, individual departments show discrepancy in either research or teaching quality with research performance being easier to measure (Quality Assessment Reports, 1994). Thus, despite the increased profile of teaching in recent years, research output remains the main factor for career progression (Drennan, 2001). Therefore, several mechanisms for reinforcing the link have been suggested, including student-centred research activities, and using teaching practice as a research subject (Hughes & Tight, 1995, Kareva, Rasskazova & Lenotjev, 2022).

Driven by the need to achieve better synergy between teaching, research and management, the University policy towards improving teaching practices, assessment and curriculum design, students' experience and professional support has been widely implemented. However, the pursuit of turning teachers into academics has been problematic. On the one hand, the educational developers are often not affiliated with the School of Education but included in a stand-alone support unit linked to managerial structure (Blackmore & Wilson, 2005). On the other hand, due to the contractual differences, research has not always been a part of the teacher's identity.

To resolve this tension UK Universities implemented the 2004 strategic plan to make research part of professional practice by locating it within a Graduate School or Educational Academy with the main objective to facilitate the identity shift from teacher only to teacher-researcher by raising the profile of research through accreditation, such as the Higher Educational Academy Fellowship, increasing the funding for pedagogic research and building stronger scholarly connections between researchers and teaching fellows (Macfarlane & Hughes, 2009).

However, the divide between teaching, leadership and research continues to exist, challenging the academic identity of lecturers torn between different organisational structure of research and teaching (Reid & Petocz, 2003), forging new academic identities by developing teaching through research and research through enquiry-based teaching.

Academic Education Pathway – a solution or a problem?

Part of the Universities' strategy to bridge the gap between teaching, research, and leadership has been the launch of the Academic Education Pathway (AEP) scheme, which included the transfer from professional to AEP contracts to include elements of education, education-related

scholarship, and leadership. However, while the scheme was meant to reward and promote non-academic staff by adding research to their contract, many have reported identity control (Alvesson et al., 2008) against the discourse of New Managerialism (Hill & Kumar, 2009). This has been particularly evident in the context of the University Language Centres, which are uniquely positioned outside the traditional departmental structure, as both academic and non-academic, teaching only departments.

While the Language Centres' leadership have encouraged middle managers with teaching responsibilities to apply for AEP contracts, there has been resistance and low uptake in applications due to a laborious application process, increased workload, lack of financial incentives or clear guidelines and no successful outcome guarantee, leading to professional identity struggle (Preston & Price, 2012) because of role ambiguity (Schulz, 2013). The experience of the Language Centres' middle managers performing a hybrid role of educational leaders, teachers, and scholars (Whitchurch, 2008) at a time of organisational change remains unknown with no studies into identity work resulting from transitioning from professional to academic pathway contracts.

For organisational change to be successful and for the AEP contract to become a reward, not a punishment, for middle managers, one needs to acknowledge the importance of their role as agents of change within the organisation, acting as a medium between staff and senior management (Schein, 2010). Therefore, this study is timely, important, and potentially significant for university policy makers.

The case study is set in the previously unexamined context of a UK University Language Centre, aiming to explore the tension between professional identity negotiation and organisational change. Although drawing on a limited data set, the study will contribute to the knowledge of professional identity construction of middle managers in a localised setting by addressing the following research question:

How is the middle management's professional identity constructed during organisational change in the culturally specific context of UK University Language Centres?

Materials and methods

Paradigm rationale

This study has been framed by constructionist ontology, interpretivist epistemology and qualitative methodology to enable the data to emerge

through interactive positioning of the researcher and the participant, while acknowledging subjective stance of the researcher.

The strengths of the paradigm are in credibility, dependability, confirmability and transferability through existing scholarship. While the credibility can be questionable due to multiple and contradictory interpretations of data with limited generalisability due to the specific research context and reduced confirmability due to small sampling, these limitations are outweighed by applicability of results due to resonance, researcher's reflexivity, trustworthiness of data through contextual verisimilitude and researcher's enhanced agency through the membership of the researched community.

Approach

The chosen case study approach fits the small-scale enquiry due to the elements of self-reflection and the researchers' bias creating polyphony between the researcher and the researched. The study has also been framed by narrative inquiry approach with small story being the site for identity construction where the dilemmatic identity (Bamberg, 2011) is co-constructed interactively by the narrator and the researcher.

This method provides the most detailed investigation of the meaning through explicit and implicit identity claims, allowing for in-depth analysis of contradictory, inconsistent and ambiguous elements of the story told at the given time and space. This approach has the potential for developing educational theory and policy change.

Sampling and data collection

The data was sampled from two participants – Victoria and Elena (pseudonyms) - middle managers with teaching responsibilities, identified as Deputy Team Leaders (DTLs), who have recently transferred from Professional to AEP contracts.

The data was gathered through unstructured interviews with each participant lasting for 60 minutes using minimalist-passive interview technique, prompting elicitation of meaning. The interviews were recorded via Teams, transcribed, and read twice for data immersion.

Analysis procedure

The readings of the transcripts ensured thematic analysis, followed by positioning analysis as the main analytical tool chosen for self-reflective integration of researcher's intellectual and emotional agency. While Elena's narrative could be segmented into small stories as most telling identity formation highlights, Victoria's narrative was more-free

flowing, marked by linguistic resources to achieve an emotional dramatic effect.

The analysis was carried out at three levels: positioning in relation to the characters within the story or the story world; positioning in relation to the interlocutor/researcher and in relation to dominant discourses or master narratives (Bamberg & Georgakopoulou, 2008). The first two levels of positioning through interaction reveal the positioning of the narrator as either complicit or countering dominant discourses.

The elements of the analytical model by Labov and Waletzky (1997), consisting of abstract, orientation (time, place, participants, setting) and evaluation embedded in the complicating action, resolution and coda (relevance), used to outline the narrative structure and highlight the linguistic strategies for identity negotiation at the first level of analysis. This research contributes to the development of positioning analysis as an investigative instrument.

Ethics and Insider research

The study complies with research ethical principles of minimal harm, informed consent, and the right to withdraw from the process, following the guidelines for using Teams for data recording and storage. I also acknowledge the internal ethical constraints, such as relationship with the participants, insider knowledge and potential professional conflicts and consequences for the participants. Thus, I used a sensitive approach to personal data, guided by my moral responsibility.

While membership in the same professional community and commonality of our backgrounds enhances my perspective as an inside researcher, I acknowledge my subjective bias and its' impact on the data. I have included only essential data in the analysis to prevent the participants being recognised.

Theoretical background

Conceptual/Theoretical Framework and Literature Review

The study is framed by three interrelated concepts – professional identity construction, middle management in education and organisational change. The theories underpinning this conceptual framework are – Narrative approach to Dilemmatic Identity, Professional Identity and Organisational Culture and Professional Identity in a time of organisational change.

These concepts will be defined and explained through the relevant literature while emphasising the need for further research into the area of middle manager's identity construction against organisational change.

Narrative Approach to Dilemmatic Identity

This study is framed by the narrative poststructuralist approach to educational identity which views identity as fluid, shifting and subject to contextual change, positioning and being positioned by other agents, while constructing identities interactively through culture and language (Bucholtz & Hall, 2022).

The narrative approach considers identity as dilemmatic: being stable yet changing, being unique yet the same as others and being agentive yet constrained by the broader discourses (Bamberg, 2011). Despite considerable scholarship on the narrative approach to dilemmatic identity, there is a gap in research on professional identity construction against the discourses of middle management and organisational change in specific educational contexts.

Professional Identity and Organisational Culture

The current research considers professional academic identity through the interplay between culture and socialisation, participating in multiple communities of practice, viewed through a poststructuralist lens as multiple, conflicted, constructed and negotiated through social and political discourse. However, there is a lack of an explicit approach to the definition of professional identity in Higher Education (Trede et al., 2012).

Professional identity interacts with organizational culture, recognized as a system of shared values and beliefs (Owens & Valesky, 2011), developed, and confirmed by both leadership and staff. Thus, organisational change is only possible if it is managed well through full understanding of the implications and anxieties that it may cause (Schein, 2010).

Organisational culture is also subject to change due to societal context (Staber, 2013). While supporting the values of the faculty, there are values fostered by individual departmental cultures (Alvesson et al., 2008), sustained at the departmental level (Knight & Trowler, 2001) and initiated by staff, rather than by senior management. This study is situated within the unique culture of the Language Centre.

The organisational discourse of change in the post-1992 UK Universities has been accompanied by the change in managerial culture,

increase in students' diversity and numbers, staff contractual restrictions and greater accountability for both teaching and research. The tension between the New Managerialism (consumer orientated, performativity-based structure) and traditional academia has been reflected in the dilemmatic professional identity claims of being collective versus individual, academic versus administrative, inclusive versus exclusive, stable versus subjected to change (Bolden et al., 2008).

Thus, there is a need for better understanding of 'reluctant managers' (Scase & Goffee, 2017) performing hybrid roles (Whitchurch, 2008) without managerial skills or experience, following rather than influencing the university strategy while being perceived as supporting managerialism by their colleagues, which leads to a further identity struggle and isolation (Preston & Price, 2012). Further studies have revealed the blurring of identity boundaries and the shift towards more unstable and diverse interdisciplinary identities, emerging in the space between the professional and academic domains (Gordon & Whitchurch, 2010), beyond institutional and across intersectoral boundaries (Henkel, 2005).

The tensions within the hybrid professional identity have been compounded by the deeper personal identity changes, brought about by external factors such as change of institutional culture, technological innovation and role expectations (Briggs, 2007; Billot, 2010; Linaker, 2023), resulting in role ambiguity (Schulz, 2013), related to new pedagogical challenges, broadening the gap between provisional (Ibarra, 1999) and institutional selves (McNaughton & Billot, 2016), leading to disempowerment, identity conflict and regulation.

The study also explores the teaching aspect of professional identity, based on moral integrity, care and support for students, ethical research and high-quality teaching (Fitzmaurice, 2013), contributing to an authentic teacher's identity, supported by professional practice and group identity (Trede et al., 2012). Recent research reveals tension between professional values and institutional identity caused by organisational change (Winter, 2009).

The educational leadership theory also feeds into the research question, framing leadership identity as post-heroic, agentive, pedagogically innovative, distributed, collaborative, and working towards the common goal (Northouse, 2016). At the same time individuals can experience role incongruity, identity regulation, control,

emotional labour, and management (Alvesson et al., 2008, Hochschild, 2012).

Further studies highlight professional identity construction against organisational discourse, placing conflicting demands on the academics, who struggle to make choices between their professional duties (or “oughtness”), such as service to students, collegiality, high standards of teaching and scholarship, and the increasing managerial pressure of performativity leading to identity crisis and distress (Calvert et al., 2011).

However, there are claims refuting correlation between the changing internal (organisational), external (policy) and personal circumstances and professional effectiveness. Some positive trends have been identified through the analysis of changing culture in Departments of Education, indicating the gradual development of academic capital with equal value of teaching and research (Deem & Lucas, 2007).

Understanding professional identity as a narrative, in which personal and professional are closely intertwined can reveal challenges individuals face when confronted by institutional changes, including job security, academic mobility, choice and opportunity, while making contradictory claims of agency and disempowerment, leading to identity loss or resistance (Fitzmaurice, 2013).

Professional Identity in a time of Organizational Change

Further research into professional identity explores the notion of resilience and care in response to the organizational policy change (Smith, 2010), with middle managers balancing between the roles of academic managers and managed academics supporting or resisting the culture of professional academic values in the result-driven environment, developing hybrid identities (Winter, 2009). The need to combine research, teaching and managerial responsibilities has created tension between perceived, imagined, and prescribed identity (Billot, 2010).

The organisational change has triggered further transformation of professional identity from administrative to managerial, becoming more dynamic, complex, and fluid (Delanty, 2008), emerging as cross-boundary or unbounded professionals, creating new knowledge and developing new projects outside the remits of their roles through the process of professionalization (Whitchurch, 2008).

The Academic Education Pathway (AEP) reflects the universities’ response to the demanding socio-political and economic environment, resulting in the new hybrid professional identity formation with research,

teaching and managerial elements. How is the new identity shaped by resisting or conforming to the discourse of organizational change and what is the true value of this transformation? Recent research reveals that newly transitioned colleagues can experience a backlash by being referred to as “third way” academics (Whitchurch, 2008).

Other studies critique the AEP transitional policy for its inconsistency, lack of clarity regarding what constitutes education success in all three elements of the education triangle – teaching, pedagogic scholarship, and education leadership, and implying that higher level promotions to a professorship are only possible through career manipulation, thus undermining the integrity of this organizational change (Khusainova, 2023). This study uncovers further tensions between leadership identity formation and organizational change, thus providing valuable resource for policy making implications.

The reviewed literature has demonstrated the gap in the knowledge of the intersection between leadership, identity, and organizational change. This study also contributes to the current research in educational middle manager’s identity construction (Netolicky, 2021), while focussing on the specific and previously ignored area of the University Language Centre.

Study and results

Analysis

Victoria and Elena construct their professional academic identities signposting the transition from Professional to Academic contracts coming across the discourses of change, uncertainty, trust, life/work balance and managerialism at certain narrative turns, highlighting the dilemmatic and agentic aspects of their identities through implicit and explicit claims (Bamberg, 2011).

The analysis has revealed the recurrent problem of identity regulation and identity control (Alvesson et al., 2008), instigated by organizational change. Each interview starts with a question: “How do you feel about your recent transition from Professional services to Academic contract?” to reveal the challenges of the process.

The key themes that the two narratives have in common are the uncertainty, lack of clarity about the transition and the implications for their professional identity. However, there are contrasting differences in their positioning due to their professional backgrounds and career expectations: Elena has been an experienced scholar before she joined

the Language Centre several years ago and has a strong academic background; while Victoria came from educational management and upholds ethical leadership and teaching values (Calvert et al., 2011) above scholarship. Thus, the comparison in their positioning is woven into the narrative analysis. The section below presents the three levels of positioning analysis.

Positioning level 1: positioning against story actors

Change of label or change of role?

Elena:

Elena's interview starts with an abstract stating her agentic positioning as an academic, wishing to be recognised as such by other actors:

I've always been an academic because I have a PhD and I was a professor before and therefore... I thought that would be a very good way of returning to what I felt I was.

Despite the lack of support and uncertainty regarding the outcome, marked by the modifier "probably", Elena positions herself as a confident actor in the resolution:

I thought OK I'm going to conferences and I'm still publishing and if I can just demonstrate that what I publish has an impact on the students then probably I will get it.

In the coda Elena is hopeful that her perceived academic identity will become her real one (Winter, 2009). However, this feeling is downgraded by the reference to her workload, which is not adjusted to her new role, while she continues to do her research at the weekends, thus displaying the tension between the imagined and the prescribed identities (Billot, 2010):

I'm hoping that I will also have the time to continue my research within my workload and not in the weekend as it was and still is.

Elena evaluates the University management's positioning as remote and bureaucratic, repeatedly referring to key themes – lack of clarity and uncertainty:

It was lack of information, lack of transparency on the part of the management.

However, she distinguishes between the University and the Department management, as confirmed by other studies of the departmental organisational culture:

I think there was encouragement from my Direct Line manager ...because they knew me.

Elena does not report identity struggle, claiming an easy transition to the academic contract, comparing the new contract to the new label. She downplays the career progression factors by repeatedly using the neutral, non-emphatic adjective “nice”. Thus, she identifies herself as a self-driven, intrinsically motivated academic, whose agency is not limited by external factors:

Nice to have the recognition and the allocated time for these activities.

However, the comparison of her former role with that of a cleaner or a secretary signals identity loss:

Professional services are probably cleaners or secretaries..., so for me it was a bit strange to be teaching at a university level and then being considered professional services.

Victoria:

In contrast to Elena, Victoria positions herself non-agentively towards the organisation. However, unlike Elena, she identifies herself more with the organizational values, subscribing to the collective identity, using “we”, “we all” and “collective approach”, as in the orientation:

I just felt if I don't do it, I would be left out. So it's an impact of a collective approach we all took and we all felt that it is necessary for us.

Victoria's identity regulation is caused by time pressure, lack of support, fear of rejection and unrealistic deadlines. The complicating action comes at the time of the assessment:

It requires a lot of time, ...especially, that the rejection will not be a good thing.

It was very stressful ...especially that the deadline was in the middle of our very, very high season in terms of assessment.

The support wasn't there at all, so ... it was very stressful.

Just like Elena, Victoria is overtly critical towards managerial discourse of bureaucracy, however, unlike Elena, she maintains her group identity “us” versus “them”:

They didn't make the process easy for us and I think it's all to do with bureaucracy here, ..., they had to have something in between to justify the move and to make it difficult.

Victoria performs professional success agentively through critical reflection on her career expressed metaphorically as “blowing your own trumpet”. Compared to Elena’s neutral positioning as a “nice recognition”, Victoria’s stance is more emphatic, as signalled by “wow”, “huge” and “big”.

Some people are not good at blowing their trumpets, to say wow, because you had to go through these sorts of things. So, there is a huge, big element of self-reflection.

Future is a big concern.

Elena:

The change in organisational policy from discouraging to encouraging everybody to apply for the AEP contracts has caused further identity stress for Elena, who qualifies the change as “radical”, emphasising its’ impact metaphorically as “navigating a storm”:

I mean, things change so radically, like I’ve gotten used to the storm and I think I will navigate it.

The metaphor reflects her dilemmatic struggle with external forces of chaotic organisational discourse. The resolution is lacking in hope, confirming her role unpredictability (McNaughton & Billot, 2016) and positioning her as a “reluctant manager” (Scase & Goffee, 2017), overpowered by managerialism.

It's very unclear what I'm going to do.

It's a big concern.

Her positioning against the organisational discourse as “us” and “them”, confirms middle manager’s identity manipulation (Preston & Price, 2012):

Sometimes we're teachers when it suits them, but we're also management when it suits them,

Despite her confident academic stance, Elena positions herself as an insecure middle manager in a “hybrid role” (Whitchurch, 2008), overpowered by the fear of delegating some management duties to her staff, making her role “meaningless”. She struggles with the idea of distributed leadership (Fletcher, 2014), as expressed through the intensifier “very”:

we are just hybrid teachers and nowadays it's not even clear what we're going to do because some teachers apparently are going to do some admin as well.

it'd be very difficult, I think it would be very, very poor organization.

While countering the discourse of uncertainty, she reports identity struggle as revealed in her “hard work” reference:

I'm trying really hard to do things above my role.

Thus, in the evaluation Elena positions herself as a managed academic (Winter, 2009) against organisational discourse of change, highlighting her role incongruity, as expressed emphatically through the intensifier “absolutely”:

nothing changed for me.

Absolutely nothing.

I haven't seen any concrete improvement in my workload.

Victoria:

Unlike Elena, Victoria identifies strongly with her leadership and teaching identities:

not only I'm lecturing, but I'm actually managing a course which has a higher value in in what you are doing.

Her dilemmatic identity is revealed through her uncertainty regarding career progression, which resonates with Elena’s feelings:

It's not an automatic thing to move from one grade to another.

An academic manager or a managed academic?

Elena:

The story illustrates Elena’s transition from an autonomous to a managed academic restricted by the departmental hierarchy of power and the New Public Management ideology with clear lines of subordination and an “us” versus “them” culture (Davis et al., 2014).

It starts with an abstract summarising her “managed academic” stance, as reflected in the passive structure.

I've been trained like that in the past six years.

The orientation contextualizes her autonomous positioning in the previous job:

Before I came here, I had been working as the coordinator at my own office and I was completely autonomous.

The complicating action illuminates the duality of her identity, confronted by managerial discourse in her current job:

So the first task I had to do was to decide whether a teacher was right over another teacher. And then I said..., just arrange it between yourself.

But no, there were a lot of rules to be checked and lots of procedures to

be implemented, so I realized that it wasn't just me deciding, but there was a whole structure to be involved.

The resolution for her was to “adjust” or regulate her identity and to conform to the new managerial culture. The passage illustrates her dilemmatic identity struggle wanting to act agentively yet submitting to the organisational discourse.

Elena reflects on the current situation, when her role has changed again from a manager/teacher to the hybrid role, which will require reverse adjustment and more identity regulation. She is conflicted by the fear of making mistakes through the loss of shared responsibility on the one hand and is excited about creative opportunities and independent work on the other hand.

Now I have to become autonomous again.

I think that structure is good because it protects you in a way, so there's always someone else who's responsible. I think I'd like to be free in the projects that I run and are somewhat creative.

In the evaluation she sums up her identity as an “accidental” leader, dismissing her leadership role as “admin”, not trusting others and preferring to work autonomously. Her agency as an independent academic comes to the fore in this narrative.

I don't like working in groups so much. Maybe I believe in my own ideas and I don't believe in other people ideas, that sounds terrible, but when it comes to admin, it's good to have a structure because there are so many layers that need to be taken care of. I think when it comes to creative projects, I'm happy to have agency.

Victoria:

Victoria constructs her hybrid identity in contrast to Elena, more as an academic manager, than a managed academic, while still reporting identity regulation and emotional labour (Iszatt-White, 2009). She is constrained by her lack of scholarship experience:

I feel I don't have that great experience of the research world.

Her sceptical positioning towards research goes as far as the claim of it being detrimental to teaching, reinforced through the repetition of the qualifier “valuable”:

The research may well take us away from valuable time, valuable time that we need to give to the students.

Victoria's leadership identity is more distributed (Fletcher, 2004) and collaborative (Northouse, 2016), compared to Elena's. Unlike Elena, she aspires to empower her team by giving them managerial responsibilities, recognising the value of each team member, metaphorically describing leadership as "a bird's eye":

We really need to have a bird's eye looking at all these things, not only just one directional thing, but we have a team, different personalities in the team.

Her identity reflects the ethical leadership principles (Northouse, 2016) which can have an impact on the organisational values with a strong moral compass (Rintoul & Goulais, 2010). Victoria recognises the performative aspect of the newly formed AEP identities for herself and for her colleagues:

The one good aspect of this AEP contract is people will start to reconsider their roles and act as a lecturer, not just take the title and be happy with it but act as one.

Positioning level 2: positioning against the interlocutor

At level 2 positioning (self in relation to the interlocutor) both Elena and Victoria perceive me as an empathetic figure. They index their agreement, reiteration of statements, confirmation of opinions and positive evaluations throughout the narrative. This empathetic disposition allows for the confidential and trustworthy dialogue.

Elena:

When asked to elaborate on the way her experience shaped her identity, Elena refers to her cultural and personal identity aspects being enacted through the context and leading to agentive acts, described metaphorically:

There were lots of doors that you just needed to push.

She further constructs her identity through intersection between personal, cultural, and professional aspects by evaluating professional over personal, referring to professional as hobbies, thus blurring the boundaries between the two:

I think the weekend is also part of the workday. Some of these projects I also quite like personally, so I sort of see them as hobbies.

She downplays her identity as a wife, aligning herself with the postfeminist neoliberal discourse of choice (Gill, 2014):

I only have a husband and he's pretty low maintenance.

However, comparing her position with that of colleagues from other departments, she appears resentful of the constraints the new role places on her, thus creating the tension between real and imagined identity (Billot, 2010) and putting her between the two greedy organisations – the academia and the management (Morley, 2013):

My colleague has a day for research, and I don't have anything. So that means.... the weekend.

Further interaction reveals her role ambiguity and the workload intensification (Morley, 2013), compared to a similar role in a research-led department:

We work very much like a company, so our structure is like always ask my line manager for permissions to do things. But other academics they are a lot freer in the way they use their time.

Thus, she positions herself critically towards the new role, referring to it as Class B or third space academic (Whitchurch, 2008):

The idea is when you're a lecturer, you do the things as other lecturers do.

So we're not Class B lecturers.

Thus, through interactive positioning, we reveal Elena's conflicting identity work – being in and at the same time out of control of her life/work balance, making contradictory claims of submitting to hierarchical managerial structure and longing for autonomy at the same time, thus projecting a dilemmatic figure of being constrained by the New Managerialism, referring to the department as a “company” and to herself as “Cinderella”.

The interactive element has helped to delve deeper into the intersectional and contradictory nature of her professional identity.

Victoria:

Victoria seeks confirmation of solidarity with me, as expressed in the repetition of “we” in reference to our collective identity as educational managers:

We manage teachers, we manage courses and we also teach.

On the one hand, she identifies herself strongly with the organisational values, proclaiming the in-group identity and on the other hand she resists the change, questioning the organisational values, presenting the dilemmatic out-of-group identity (Taifel & Turner, 1978; Bamberg, 2011):

The quality of teaching has nothing to do with research. As such, it has to do with experience and development.

Victoria seeks validation of her efforts in applying for the AEP:

I had to go and knock on our colleagues' doors to seek their advice.

The metaphor of “knocking on doors” resonates with Elena’s “pushing doors” to gain access to professional success.

Through interactive positioning Victoria co-constructs an authentic leadership identity with a high level of emotional intelligence (Goleman, 2004).

Positioning level 3: positioning against global discourses and research question

The key discourses which co-construct Elena and Victoria’s hybrid identities as middle managers operating in a teaching-led department are categorised as New Managerialism (Hill & Kumar, 2009), Organisational culture, and Organisational change.

Elena and Victoria start their journey from different departure points. While Elena has an established academic identity, Victoria aligns herself with educational leadership and teaching, rather than research. While both experience the change in organisational culture through the introduction of the AEP contracts, they do not align with the same professional values. Finally, their experience of transitioning from professional to AEP contracts is also different due to the historic change of the organisational culture (Staber, 2013) from discouraging to supporting the transition.

Both Elena and Victoria construct their professional identities against the discourses of uncertainty and insecurity, displaying varying degrees of trust in senior management, linguistically signalling their non-alignment with the dominant institutional managerial discourse through reference to “us” and “them”, revealing tension between promotional aspirations and self-doubt. However, Victoria’s stance against the discourses of New Managerialism and Organisational Change is less agentive than Elena’s, as she looks for support from her colleagues, constructing the in-group identity while aligning with the departmental organisational values.

Unlike Victoria, Elena acts more agentively by resisting the discourse of bureaucracy and discouragement, building her academic portfolio and taking on additional responsibilities to ensure her promotion, balancing between academic manager and managed academic (Winter, 2009),

while resisting being perceived as a Class B lecturer or third space professional (Whitchurch, 2008). The two participants construct their leadership identities differently: while Elena aligns with a postfeminist discourse of autonomy (Gill, 2014), Victoria performs a post-heroic leadership identity, of influencing others to achieve pedagogic excellence.

However, both experience identity regulation, identity control (Alvesson et al., 2008) and emotional labour (Iszatt-White, 2009) due to the New Managerialism discourse, resulting in unmanageable workloads and unsustainable work/life balance (Morley, 2013).

Conclusion

The findings from both sets of data confirm that Victoria and Elena's hybrid identities as leaders, teachers and scholars are shifting, conflicting and dilemmatic in the context of organisational change. Despite different agentive claims, they are both confronted by the discourses of New Managerialism, uncertainty, lack of understanding and trust in organisational values tipping the power balance towards the organisation, leaving the individuals feeling powerless and not in control.

These findings concur with previous studies, reflecting the institutional neglect towards middle management by organisations. If we assume that the culture of the organisation should be both espoused and enacted by senior, middle managers and staff (Schein, 2010), there needs to be a way of empowering the middle managers to develop their leadership and academic skills, particularly in times of organisational change, such as transitioning to AEP roles. Thus, a more individualised, nuanced approach to academic leadership is needed to overturn the hierarchical managerial culture as a controlling "us" versus "them" mechanism (Davis et al., 2014).

This conclusion resonates with previous research into middle managers, organisational culture and New Managerialism (Davis et al., 2014). However, the element of identity construction transitioning from professional to academic role is novel and needs further investigation to make the findings more generalizable.

This study adds to the body of research on professional identity in education by giving voice to the underrepresented group of middle managers in Language Centres revealing their agentive and non-agentive positioning within the discourses of New Managerialism, Organisational

Culture and Organisational Change, using narrative as an emancipatory tool. The implication for professional practice is finding ways of supporting middle managers and enabling them to facilitate organisational change by revealing the barriers to their professional identity construction. The recommendation for further research is to obtain comparable data by increasing the sample and by replicating the study in other University departments for better understanding of identity construction through discursive practices.

Литература

1. Alvesson M., Lee Ashcraft K., Thomas R. Identity Matters: Reflections on the Construction of Identity Scholarship in Organization Studies // Organization. – 2008. – Vol. 15. – No.1. – Pp. 5-28. – London, England. DOI:10.1177/1350508407084426
2. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity // Theory & psychology. – 2011. – Vol. 21. – No.1. – Pp. 3-24. DOI:10.1177/0959354309355852
3. Billot J. The Imagined and the Real: Identifying the Tensions for Academic Identity // Higher Education Research and Development. – 2010. – Vol. 29. – Pp. 709–721. DOI:10.1080/07294360.2010.487201.
4. Blackmore P., Wilson A. Problems in staff and educational development leadership: Solving, framing and avoiding // International Journal of Academic Development. – 2005. – Vol. 10. – Pp. 107–123.
5. Bolden R., Petrov G., Gosling J. Developing Collective Leadership in Higher Education // Research and Development Series. – London: Leadership Foundation for Higher Education, 2008.
6. Briggs A. R. J. Exploring Professional Identities: Middle Leadership in Further Education Colleges // School Leadership and Management. – 2007. – Vol. 27. – No.5. – Pp. 471–485. DOI: 10.1080/13632430701606152
7. Bucholtz M., Hall K. Locating Identity in Language. Edinburgh University Press, 2022. – Pp. 18-28. DOI:10.1515/9780748635788-006

8. Calvert, M., Lewis, T., Spindler, J. Negotiating professional identities in higher education: dilemmas and priorities of academic staff // *Research in Education*. – 2011. – Vol. 86. – No. 1. – Pp. 25-38.
9. Davis A., Jansen van Rensburg M., Venter P. ‘The impact of managerialism on the strategy work of university middle managers’ // *Studies in Higher Education*. – 2014. – Pp. 1–15. DOI: 10.1080/03075079.2014.981518
10. Deem R., Lucas L. Research and teaching cultures in two contrasting UK policy contexts: Academic life in education departments in five English and Scottish universities // *Higher Education*. – 2007. – Vol. 54. – No.1. – Pp. 115–133. DOI:10.1007/s10734-006-9010-z
11. Delanty G. Academic identities and institutional change // *Changing identities in higher education: Voicing perspectives*. – Ed. Barnett, R. and di Napoli, R. Abingdon: Routledge, 2008. – Pp. 124 – 133.
12. Drennan Quality Assessment and the Tension between Teaching and Research // *Quality in Higher Education*. – 2001. – Vol. 7. – No.3. – Pp. 167–178. DOI:10.1080/13538320120098050
13. Fletcher J. K. The paradox of postheroic leadership: An essay on gender, power, and transformational change // *The Leadership quarterly*. – 2004. – Vol. 15. – No. 5. – Pp. 647-661. DOI:10.1016/j.leaqua.2004.07.004
14. Fitzmaurice, M. Constructing Professional Identity as a New Academic: A Moral Endeavour // *Studies in Higher Education*. – 2013. – Vol 38. – Pp. 613–622. DOI:10.1080/30375079.2011.594501.
15. Gill R. Unspeakable Inequalities: Post Feminism, Entrepreneurial Subjectivity, and the Repudiation of Sexism among Cultural Workers // *Social politics*. – 2014. – Vol. 21. – No. 4. – Pp. 509-528. DOI: DOI:10.1093/sp/jxu016
16. Goleman D. Emotional intelligence: why it can matter more than IQ; Working with emotional intelligence. – Bloomsbury, 2004.
17. Gordon G., Whitchurch, C. Academic and professional identities in higher education: the challenges of a diversifying workforce. – Routledge, 2010. DOI:10.4324/9780203865255

18. Henkel M. Academic identity and autonomy in a changing policy environment // *Higher Education*. – 2005. – Vol. 49. – Pp. 155 – 176.
19. Hill D., Kumar R. (eds) *Global Neoliberalism and Education and its Consequences*. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2009.
20. Hochschild A. R. *The managed heart commercialization of human feeling* (Updated, with a new preface. ed.). – University of California Press, 2012.
21. Hughes C., Tight M. Linking University Teaching and Research // *Higher Education Review*. – 1995. – Vol.28. – No.1. – Pp. 51.
22. Ibarra H. Provisional selves: Experimenting with image and identity in professional adaptation // *Administrative science quarterly*. – 1999. – Vol. 44. – No. 4. – Pp. 764-791.
23. Iszatt-White M. Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practices // *Leadership* (London, England). – 2009. – Vol. 5. – No. 4. – Pp. 447-467. DOI:10.1177/1742715009343032
24. Kareva V., Rasskazova T., Lenotjev D. This can be made more student-centred: Asynchronous mediation in in-service teacher professional development // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6(4). – Pp. 73-90. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-73-90
25. Khusainova R. Career advice for teaching focused academics // *THE Campus Learn, Share, Connect* (timeshighereducation.com), 2023
26. Knight P., Trowler P. *Departmental leadership in higher education*. – McGraw-Hill Education (UK), 2001.
27. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Journal of Narrative & Life History*. – 1997. – Vol. 7(1-4). – Pp. 3–38. DOI:10.1075/jnlh.7.02nar
28. Linaker T. Identity construction in the UK higher education: How cultural gendered identity is shaped through leadership practice // *Training, Language and Culture*. – 2023. – Vol. 7(1). – Pp.70-85. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-70-85
29. Macfarlane B., Hughes, G. Turning teachers into academics? The role of educational development in fostering synergy between teaching and research // *Innovations in Education and*

- Teaching International. – 2009. – Vol. 46. – No.1. – Pp. 5–14.
DOI:10.1080/14703290802646214
30. McNaughton S., Billot J. Negotiating academic teacher identity shifts during higher education contextual change // Teaching in Higher Education. – 2016. – Vol. 21(6). – Pp. 644-658. – DOI: 10.1080/13562517.2016.1163669
 31. Morley L. The rules of the game: women and the leaderist turn in higher education // Gender and education. –2013. – Vol. 25. – No.1. – Pp.116-131. DOI:10.1080/09540253.2012.740888
 32. Netolicky D. Future Alternatives for Educational Leadership: Diversity, Inclusion, Equity and Democracy. – Taylor & Francis Group, 2021. DOI:10.4324/9781003131496
 33. Northouse P. Leadership: theory and practice (Seventh edition. ed.). – SAGE, 2016.
 34. Owens R., Valesky T. Organizational Behavior in Education. – 10th edn. – New Jersey: Pearson, 2011.
 35. Preston D., Price D. ‘I see it as a phase: I don't see it as the future’: academics as managers in a United Kingdom university // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2012. – Vol. 34. – No. 4. – Pp. 409-419.
 36. Quality Assessment Reports. Times Education Supplement. – 1994. – March 25th, 1994.
 37. Reid A., Petocz P. Enhancing academic work through the synergy between teaching and research // International Journal for Academic Development. – 2003. – Vol. 8. – Pp.105–117.
 38. Rintoul H., Goulais L. Vice principalship and moral literacy: Developing a moral compass // Educational Management Administration & Leadership. – 2010. – Vol. 38. – No.6. – Pp. 745-757.
 39. Scase R., Goffee R. Reluctant Managers (Routledge Revivals): Their Work and Lifestyles. – Routledge, 2017.
 40. Schein E. H. Organizational culture and leadership (Vol. 2). – John Wiley & Sons, 2010.
 41. Schulz J. The impact of role conflict, role ambiguity and organizational climate on the job satisfaction of academic staff in research-intensive universities in the UK // Higher Education Research & Development. – 2013. – Vol. 32. – No. 30. – Pp. 464-478.

42. Smith J. Academic Identities for the Twenty-First Century // Teaching in Higher Education. – 2010. – Vol. 15. – Pp. 721–727. DOI:10.1080/13562517.2010.522341.
43. Staber U. Understanding Organizations. – London: Sage, 2013.
44. Taylor J. A Statistical Analysis of the 1992 Research Assessment Exercise // Journal of the Royal Statistical Society. Series A, Statistics in Society. – 1995. – Vol. 158. – No. 2. – Pp. 241–261. doi:10.2307/2983291
45. Trede F., Macklin R., Bridges D. Professional Identity Development: A Review of Higher Education Literature // Studies in Higher Education. – 2012. – Vol. 37. – Pp. 365–384. DOI:10.1080/03075079.2010.521237
46. Whitchurch C. Shifting identities and blurring boundaries: The emergence of third space professionals in higher education // Higher Education Quarterly. – 2008. – Vol. 62. – Pp. 377 – 396.
47. Winter R. Academic manager or managed academic? Academic identity schisms in higher education // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2009. – Vol. I. – Pp. 21 – 131.

References

- Alvesson, M., Lee Ashcraft, K., & Thomas, R. (2008). Identity Matters: Reflections on the Construction of Identity Scholarship in Organization Studies. *Organization (London, England)*, 15(1), 5-28. <https://doi.org/10.1177/1350508407084426>
- Bamberg, M. (2011). Who am I? Narration and its contribution to self and identity. *Theory & psychology*, 21(1), 3-24. <https://doi.org/10.1177/0959354309355852>
- Billot, J. (2010). The Imagined and the Real: Identifying the Tensions for Academic Identity. *Higher Education Research and Development*, 29, 709–721. doi:10.1080/07294360.2010.487201.
- Blackmore, P., & Wilson, A. (2005). Problems in staff and educational development leadership: Solving, framing and avoiding. *International Journal of Academic Development*, 10, 107–123.
- Bolden, R., Petrov, G. & Gosling, J. (2008). *Developing Collective Leadership in Higher Education*. Research and Development Series. London: Leadership Foundation for Higher Education.

- Briggs, A. R. J. (2007). Exploring Professional Identities: Middle Leadership in Further Education Colleges. *School Leadership and Management*, 27 (5), 471–485. doi: 10.1080/13632430701606152
- Bucholtz, M., & Hall, K. (2022). Locating Identity in Language. In *Language and identities*, (pp. 18-28). Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9780748635788-006>
- Calvert, M., Lewis, T., & Spindler, J. (2011). Negotiating professional identities in higher education: dilemmas and priorities of academic staff. *Research in Education*, 86(1), 25-38.
- Davis, A., Jansen van Rensburg, M., & Venter, P. (2014) ‘The impact of managerialism on the strategy work of university middle managers’. *Studies in Higher Education*, 1–15. doi: 10.1080/03075079.2014.981518
- Deem, & Lucas, L. (2007). Research and teaching cultures in two contrasting UK policy contexts: Academic life in education departments in five English and Scottish universities. *Higher Education*, 54(1), 115–133. <https://doi.org/10.1007/s10734-006-9010-z>
- Delanty, G. (2008). Academic identities and institutional change. In R. Barnett & R. di Napoli (Eds.), *Changing identities in higher education: Voicing perspectives*, (pp. 124 – 133). Abingdon: Routledge.
- Drennan. (2001). Quality Assessment and the Tension between Teaching and Research. *Quality in Higher Education*, 7(3), 167–178. <https://doi.org/10.1080/13538320120098050>
- Fletcher, J. K. (2004). The paradox of postheroic leadership: An essay on gender, power, and transformational change. *The Leadership quarterly*, 15(5), 647-661. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2004.07.004>
- Fitzmaurice, M. (2013). Constructing Professional Identity as a New Academic: A Moral Endeavour. *Studies in Higher Education*, 38: 613–622. doi:10.1080/30375079.2011.594501.
- Gill, R. (2014). Unspeakable Inequalities: Post Feminism, Entrepreneurial Subjectivity, and the Repudiation of Sexism among Cultural Workers. *Social politics*, 21(4), 509-528. <https://doi.org/10.1093/sp/jxu016>
- Goleman, D. (2004). *Emotional intelligence: why it can matter more than IQ ; Working with emotional intelligence*. Bloomsbury.

- Gordon, & Whitchurch, C. (2010). *Academic and professional identities in higher education: the challenges of a diversifying workforce*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203865255>
- Henkel, M. (2005). Academic identity and autonomy in a changing policy environment. *Higher Education*, 49, 155 – 176
- Hill, D. & Kumar, R. (eds) (2009). *Global Neoliberalism and Education and its Consequences*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Hochschild, A. R. (2012). *The managed heart commercialization of human feeling* (Updated, with a new preface. ed.). University of California Press.
- Hughes, & Tight, M. (1995). Linking University Teaching and Research. *Higher Education Review*, 28(1), 51–.
- Ibarra, H. (1999). Provisional selves: Experimenting with image and identity in professional adaptation. *Administrative science quarterly*, 44(4), 764-791.
- Iszatt-White, M. (2009). Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practices. *Leadership (London, England)*, 5(4), 447-467. <https://doi.org/10.1177/1742715009343032>
- Kareva, V., Rasskazova, T., & Lenotjev, D. (2022). This can be made more student-centred: Asynchronous mediation in in-service teacher professional development. *Training, Language and Culture*, 6(4), 73-90. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-73-90
- Khusainova, R. (2023), Career advice for teaching focused academics. *THE Campus Learn, Share, Connect*. Retrieved from: timeshighereducation.com
- Knight, P., & Trowler, P. (2001). *Departmental leadership in higher education*. McGraw-Hill Education (UK).
- Labov, W., & Waletzky, J. (1997). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1-4), 3–38. <https://doi.org/10.1075/jnlh.7.02nar>
- Linaker, T. (2023). Identity construction in the UK higher education: How cultural gendered identity is shaped through leadership practice. *Training, Language and Culture*, 7(1), 70-85. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-70-85
- Macfarlane, & Hughes, G. (2009). Turning teachers into academics? The role of educational development in fostering synergy between teaching and research. *Innovations in Education and Teaching*

- International*, 46(1), 5–14.
<https://doi.org/10.1080/14703290802646214>
- McNaughton, S. & Billot, J. (2016). Negotiating academic teacher identity shifts during higher education contextual change, *Teaching in Higher Education*, 21(6), 644-658, DOI: 10.1080/13562517.2016.1163669
- Morley, L. (2013). The rules of the game: women and the leaderist turn in higher education. *Gender and education*, 25(1), 116-131. <https://doi.org/10.1080/09540253.2012.740888>
- Netolicky, D. (2021). *Future Alternatives for Educational Leadership: Diversity, Inclusion, Equity and Democracy*. Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9781003131496>
- Northouse, P. (2016). *Leadership: theory and practice* (Seventh edition. ed.). SAGE.
- Owens, R. & Valesky, T. (2011). *Organizational Behavior in Education*. 10th edn. New Jersey: Pearson.
- Preston, D., & Price, D. (2012). ‘I see it as a phase: I don't see it as the future’: academics as managers in a United Kingdom university. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 34(4), 409-419.
- Quality Assessment Reports. Times Education Supplement. (1994). March 25th, 1994.
- Reid, A., & Petocz, P. (2003). Enhancing academic work through the synergy between teaching and research. *International Journal for Academic Development*, 8, 105–117.
- Rintoul, H., & Goulais, L. (2010). Vice principalship and moral literacy: Developing a moral compass. *Educational Management Administration & Leadership*, 38(6), 745-757.
- Scase, R., & Goffee, R. (2017). *Reluctant Managers (Routledge Revivals): Their Work and Lifestyles*. Routledge.
- Schein, E. H. (2010). *Organizational culture and leadership*. Vol. 2. John Wiley & Sons.
- Schulz, J. (2013). The impact of role conflict, role ambiguity and organizational climate on the job satisfaction of academic staff in research-intensive universities in the UK. *Higher Education Research & Development*, 32(3), 464-478.

- Smith, J. (2010). Academic Identities for the Twenty-First Century. *Teaching in Higher Education*, 15, 721–727. doi:10.1080/13562517.2010.522341.
- Staber, U. (2013) *Understanding Organizations*. London: Sage.
- Taylor. (1995). A Statistical Analysis of the 1992 Research Assessment Exercise. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A, Statistics in Society*, 158(2), 241–261. <https://doi.org/10.2307/2983291>
- Trede, F., Macklin, R. & Bridges, D. (2012). Professional Identity Development: A Review of Higher Education Literature. *Studies in Higher Education*, 37, 365–384. doi:10.1080/03075079.2010.521237
- Whitchurch, C. (2008). Shifting identities and blurring boundaries: The emergence of third space professionals in higher education. *Higher Education Quarterly*, 62, 377 – 396.
- Winter, R. (2009). Academic manager or managed academic? Academic identity schisms in higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 1, 21 – 131.

УДК 802.0 – 07; 811.111; 81-13; 81'23
<https://doi.org/10.25076/vpl.52.06>

И. П. Массалина
Калининградский государственный технический
университет,
Э. А. Сорокина⁷
Государственный университет просвещения

**ОПЫТ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ
МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННО-
МОРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ)**

⁷ Массалина И. П., Сорокина Э. А. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Исследование метафор в английском военно-морском дискурсе проводится в русле когнитивной лингвистики, где изучение процессов понимания текстов тесно связано с феноменом мысленного образа ситуации. При этом лингвистическая интерпретирующая функция отображает не только психологические особенности восприятия информации, но и социокультурные знания.

Целью работы является анализ процесса метафоризации в языке для специальных целей (Language for specific purposes - LSP), в частности, в английском военно-морском LSP, установление связи между языковыми и внелингвистическими факторами, рассмотрение процесса взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферой «источник» и сферой «мишень», определение некоторых закономерностей номинации при конструировании логических или метафорических связей между разными концептуально-тематическими областями и их элементами.

При проведении исследования применялись методы дискурсивного и семантического анализа. В статье показано, что при номинации нового объекта у человека возникают ассоциации прежде всего с тем, что хорошо ему знакомо, что рядом с ним, поэтому источниками метафорических названий в военно-морском дискурсе часто являются названия частей тела и названия животных, которые обычно характеризуют человека с разных точек зрения. Например, “pigeon” (голубь, служащий Королевских Военно-воздушных сил Канады), “bilge rat” (трюмная, портовая, корабельная крыса – человек, работающий в техническом отсеке), “pigtail” (свиной хвостик; матрос, волосы которого заплетены в косичку). В работе объясняется происхождение метафоры “the eyes of the ship” (глаза корабля – радиолокационная станция - РЛС).

В процессе исследования было установлено, что метафоры в военно-морском языке формируются по наиболее регулярным моделям семантических переносов. В метафорических образованиях очевидна национальная специфика, которая позволяет выявить национальные особенности языка в узкопрофессиональной военно-морской сфере.

Теоретическая и практическая значимость представленного исследования определяется тем, что вносит определенный вклад в совокупность имеющихся сведений о семантике английского военно-морского LSP и указывает на необходимость дальнейшего изучения определённых аспектов военно-морского дискурса с целью выявления механизмов его формирования.

Ключевые слова: метафоры, метафорогенез, когнитивный подход, лингвокогнитивное исследование, военно-морской дискурс, LSP

UDC 802.0 – 07; 811.111; 81-13; 81'23
<https://doi.org/10.25076/vpl.52.06>

I.P. Massalina
Kaliningrad State Technical University,
E. A. Sorokina
State University of Education

COGNITIVE APPROACH EXPERIENCE TO THE METAPHOR ANALYSIS (ON THE BASIS OF THE NAVY LANGUAGE)

Metaphorization in the naval LSP (Language for specific purposes) is studied in the cognitive linguistics context. The text understanding process is closely related to the phenomenon of mental situation image. In this case, the linguistic interpreting function reflects not only psychological features of the information perception, but also socio-cultural knowledge.

The purpose of the article is to analyze some metaphors in the naval domain, to establish the relationship between linguistic and extralinguistic factors, to focus some regularities of nomination when constructing logical or metaphorical connections between different conceptual and thematic areas and their elements. The process of interaction between knowledge structures of two conceptual domains - sphere «source» and sphere «target» is considered.

Procedure and methods. The study applied the methods of discursive and semantic analysis. When naming a new object, a person usually has associations with familiar things. That is why the metaphorical nomination sources in the naval discourse are body parts and animal

names which describe humans from different perspectives. For example, "pigeon", "birds", "bilge rat". The origin of "the eyes of the ship" metaphor is explained.

The results of the study show that the metaphors in the LSP of navy are formed according to the most regular models of semantic transfers. In metaphorical formations the national specificity is obvious, so the national language characteristics in the highly professional naval sphere are identified.

The research results contribute to the further LSP cognitive study. The theoretical foundations of the naval discourse formation mechanisms are stated. The relationship between the naval language functioning and the specific features of the domain are established.

Key words: cognitive approach, naval discourse, metaphor analysis, LSP, linguo-cognitive research.

Введение

В современных психолингвистических исследованиях установлено, что изучение процессов понимания текста без непосредственной связи с феноменом мысленного образа ситуации, без опоры на этот образ носит неполный характер (Исенбаева, 2014, с. 47). Процессы познания при этом рассматриваются в когнитивной лингвистике в качестве «лингвоментальных феноменов в их многообразных структурно-содержательных, функциональных и иных вариантах» (Дзюба, 2018, с. 54).

При анализе любого языка для специальных целей (LSP, ЯСЦ) необходимо принимать во внимание лингвистическую интерпретирующую функцию, которая отображает не только психологические особенности восприятия информации (избирательность внимания, значимость физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей, метафоричность мышления), но и социокультурные знания (Unal & Parafragou, 2023, Maluuga & Akopova, 2021).

Человек, конструируя окружающий мир в своем сознании, интерпретирует разные объекты, события, их характеристики. Происходит осмысление знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним (Hřebáčková, & Štefl, 2022). Понимание объектов и событий осуществляется на основе конструирования логических или метафорических связей

между разными концептуально-тематическими областями и их элементами, которые отражают объективные отношения между объектами и событиями в мире: причинно-следственные, иерархические, равноправные, тождественные, параллельные, следования (Болдырев, 2017, с. 36). Интерпретирующая роль человека в этом процессе состоит в описании системы представления специальной информации, в выделении и акцентировании определенных характеристик, отражающих картину мира в изучаемом домене (Code).

Целью нашего исследования является рассмотрение некоторых закономерностей метафоризации в военно-морском LSP и установление связи с языковыми и внелингвистическими факторами, структурами языка и структурами знания.

Метафора и ее место в английском военно-морском LSP

В лингвокогнитивных исследованиях большое внимание уделяется теории когнитивно-метафорического моделирования и метафорического переноса в разных видах дискурса, потому что именно в метафорах ярко проявляется связь между объектом и человеком, дающим название (Minsky, 1988, Malyuga, & Michael McCarthy, 2021). Прозрачность внутренней формы специальной лексической единицы (термина) позволяет установить причину её происхождения и выявить некоторые закономерности процесса номинации.

Причиной неослабевающего интереса к метафоре признаётся то, что метафора является сложным языковым знаком, «вербализированным приёмом мышления о мире», в ней отражаются логические и мифологические черты национального характера, национальная специфика восприятия и осмысления действительности, основные характеристики аксиологической парадигмы социума (Арутюнова, 1998, с. 8). Метафора - основной способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Справедливо об этом пишет А. П. Чудинов: «Она (метафора) является формой экспликации концептуальных структур, проявлением аналоговых возможностей человеческого разума» (Чудинов, 2008, с. 143).

Известно, что язык способен отображать не только наши представления о «внешнем мире», но и наши представления о представлениях о «внешнем мире», т.е. рефлексивные процессы,

протекающие в сознании говорящего и адресата. Такие языковые структуры в когнитивных исследованиях называются лингвистическими метарепрезентациями (Манаенко, 2014, с. 187). Метафоры при этом рассматриваются в виде своеобразного коррелята некоторой «ментальной операции, протекающей в сознании человека» (Craparo & Ortu, 2019; Stowe, Chakrabarty, Muresan & Gurevych, 2021), а также в качестве компонента динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и её постоянное переосмысление (Hombaiah, Chen, Zhang, Bendersky & Najork).

Как и любой профессиональный язык, военно-морской язык для специальных целей является воплощением отражательной способности мышления человека, которая неразрывно связана с профессиональной деятельностью, в нашем случае – с военно-морской деятельностью, с различными аспектами службы и быта военных моряков (Старченко, 2023).

Исследование взаимодействия лингвистических и внелингвистических факторов не может быть полным без изучения метафор, которые встречаются в военно-морских текстах, и являются когнитивно-выделенным элементом военно-морского дискурса, фокусом, компонентом человеческого познания, способом перевода внелингвистической реальности в лингвистическую.

Употребление метафоры не ограничивается только вербальным контекстом. Важны исторические, культурологические и социальные ассоциации (Сидорова, Котлова, 2021). При этом процесс метафорогенеза рассматривается как в корреляции ментальных операций, так и в широком экстралингвистическом смысле.

В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов. Это сфера «источник» и сфера «мишень». Согласно мнению А.П. Чудинова, «В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы источника в сферу мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы источника структурируют менее понятную концептуальную сферу мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» (Чудинов, 2008, с. 144). Формирующаяся и/или

существующая схема связи между понятийными сферами является метафорической моделью.

При метафорическом переносе используется уже существующая в языке звуковая и орфографическая оболочка. В результате процесса метафоризации многокомпонентная единица переосмысливается и получает вторичное значение, которое становится образным и красочным. В разноструктурных англоязычных военно-морских жаргонизмах метафорического характера можно выявить их национальную специфику.

Метафорический перенос, который основан на сравнении вещей по форме, цвету, характеру движений и т.д., используется при номинировании предметов и явлений окружающей действительности, а также артефактов. Особый интерес представляет выявление источников метафорических названий. Семантический анализ метафорических процессов показывает, что чаще всего при метафорической номинации используются названия частей тела человека и животных, предметов, относящихся к быту (посуда, одежда, обувь, пища, орудия труда, постройки), названия животных и растений, слова, характеризующие человека с той или иной стороны, даже иногда географические термины (Чайко, 1974, с. 99).

При изучении причин того, почему названия частей тела используются в военно-морском LSP, ответом может быть то, что при назывании нового объекта у человека возникают ассоциации прежде всего с тем, что хорошо ему знакомо, что постоянно находится «при себе», именно поэтому окружающие предметы сравниваются с самим человеком и частями его тела.

Результаты проведенного исследования

При рассмотрении метафоры “*the eyes of the ship*” (*глаза корабля*) (Moor, 2004; Nelson, 2018; Nowak, 2006; Lippay 2022; The Free Dictionary; Word Finder; English-Russian-English Economics Dictionary of Sea Terms) установлена ее связь с носовой частью корабля, которая называется *форштевень*. Когда военный корабль проходит сквозь туман, вахтенный офицер смотрит в «глаза кораблю».

В мировой истории мореплавания известным фактом является то, что на древнегреческих судах с определенными целями устанавливались деревянные носовые фигуры. В процессе

дальнейшего развития мореплавания начиная с XVI века при создании больших многопалубных парусных судов с артиллерийским вооружением, которые могли пересекать океан, фигуры в носовой части судна демонстрировали богатство и социальный статус его владельца. А на военных кораблях фигуры олицетворяли могущество державы.

Фигуры, размещенные в носовой части судна, выполняли семантическую (семиотическую) и материальную (оборонную) функции. Так, древние греки делали носовые части своего корабля в виде острия, тарана (оборонная функция). А в Древнем Риме корабли украшали носовыми фигурами животных (львы, драконы), фантастических существ (сирены), изображением богини победы Виктории, богини удачи Фортуны, бога морей Нептуна (семиотическая, знаковая функция).

Известно, что в формировании мышления древних людей (и моряки - в их числе!) важную роль играло суеверие. Согласно такому мышлению, судно отождествлялось с изображённым сильным смелым зорким существом. Происходило умиротворение богов и устрашение неприятеля. Кроме того, судно должно было смотреть вперед, когда шло через океан. Должно было быть ясно, чьи у него глаза (Бейкер).

Метафора, в основе которой лежит понятие «глаз», является универсальной, присутствующей во многих национальных лингвокультурах. Наблюдается она («глаза корабля») и в русской лингвокультуре. Так в современном русском языке метафора «Глаза корабля» - лежит в основе термина *радиолокационная станция* (РЛС -radio detection and ranging). По мнению А. Безменова, «Ни один современный корабль не может обойтись без РЛС. Навигационные локаторы обеспечивают безопасное мореплавание судна. Это «глаза» ... без которых огромный корабль слеп как котёнок. Созданием «стальных глаз» занимались ростовские инженеры и рабочие (Безменов)».

Радиолокационную станцию (РЛС) называют также «глазами судоводителя», поскольку она обеспечивает безопасность навигации, информирует о местонахождении судов, берега, других объектов (seacomm.ru/documents).

Присутствие метафоры, связанной с понятием «глаз», в текстах, разных по жанру, свидетельствует об универсальности этого вида

переноса. Так, в книге В.Г. Реданского «Во льдах и подо льдами» глава про гидроакустические приборы, станции и комплексы называется «глаза и уши подводников» (Реданский, 2017).

Другой автор – И.Г. Хорбенко – в книге «Звуки в морских глубинах» главу, в которой идёт речь о шумопеленгаторной станции, работающей на принципе пассивной акустики – на прослушивании шумов и определении направлений на них, называет «Зоркий подводный глаз»: «Современные подводные корабли не могут обойтись без гидроакустических приборов, которые являются «ушами» и «глазами» подводных лодок» (Хорбенко, 1962). А прибор *шумопеленгатор* этой книге метафорически сравнивается с «ушами» подводной лодки.

Книга В.Н. Краснова об основных технических средствах наблюдения подводной лодки – перископе, радиолокации, гидроакустике, телевидении, их устройстве и применении – называется «Глаза и уши подводной лодки» (Краснов, 1961).

Подобные примеры метафорических переносов, связанных с органами зрения и слуха человека, обнаруживаются во многих текстах, относящихся к военно-морскому дискурсу (см., например, на сайте МВД Медиа (Иванова, 2023).

Если в древности обычно под *глазами* и *ушами* подводных лодок понимались их гидроакустические средства обнаружения, целеуказания, классификации разведки, навигации и т.п., то в настоящее время субмарины получают автономные и телеуправляемые аппараты, в том числе аппараты-роботы, для разведки, поиска и уничтожения противника. Но при этом метафоризация органов зрения и слуха человека сохраняется: «Глаза и уши подводных лодок 21 века» (Podv-robot.pdf).

Необходимо отметить высокую частотность и продуктивность метафоры “*head*” (голова):

1) *The forwardmost or uppermost portion of the ship* (носовая или верхняя часть корабля).

2) *The forwardmost or uppermost portion of any individual part of the ship* (передняя или верхняя часть любой отдельной части). Например: *masthead* (топ мачты); *stemhead* (верхняя часть форштевня).

3) *The top edge of a sail* (верхний край паруса).

- *Head sea*: A sea in which waves are directly opposing the motion of the ship, or approaching within 15° of ahead (Море, в котором волны противодействуют движению судна или приближаются на расстояние 15° впереди);

- *Head of Navigation*: *The farthest point above the mouth of a river that can be navigated by ships* (Самая дальняя точка над устьем реки, по которой можно перемещаться на кораблях) (Glossary of Nautical Terms).

В исследовании были зарегистрированы случаи метафорической номинации, связанной с понятием *foot* (ступня; нога, фут): 1) *The lower edge of any sail* (Нижняя кромка любого паруса); 2) *The bottom of a mast* (Нижняя часть мачты).

- *footloose* (свободный): If the foot of a sail is not secured properly, it is footloose, blowing around in the wind (Если основание паруса не закреплено должным образом, он болтается, развеваясь на ветру).

- *Footboat*: A barge's boat or dinghy (Лодка или шлюпка баржи);

- *Footrope* (трос): *Each yard on a square-rigged sailing ship is equipped with a footrope for sailors to stand on while setting or stowing the sails* (Каждая верфь парусного судна с квадратным вооружением оборудована подножным тросом, на котором моряки могут стоять во время установки или укладки парусов) (Glossary of Nautical Terms).

Метафорическая модель с источником «названия животных»

Не менее интересной в английском военно-морском дискурсе является метафорическая модель, где функционирует сфера-источник «названия животных».

При создании метафоры “*White horses*” классифицируются метафорические и психологические переносы. Согласно словарю военно-морской терминологии М. Нельсона (Jackspeak of the Royal Canadian Navy. A Glossary of Naval Terminology) “*White horses*” – это пенистые гребни волн, которые образуются из-за сильного ветра (*Foam or spray on wave tops caused by stronger winds, usually above Force 4*) (Nelson, 2018).

Отметим, что метафора “*White horses*” активно используется в английских текстах военно-морской тематики. В репрезентативной выборке контекстов видно, что внимание фокусируется на сходстве морских волн с белыми конями: “*This time the wind was up, creating*

all those white horses on the sea” (На этот раз поднялся ветер, создав всех этих белых лошадей на море) (Watkins, 2012).

Метафора “*White horses*” не только производит эффект сравнения, но и создает условия для проявления олицетворения. Волны (белые кони) представлены живыми существами, наделены чертами и способностями лошадей: «*The waves are white horses and they are galloping fast* (Волны - белые кони, и они быстро скачут). *The horses are bucking back and forth because these white horses are wild and anything wild hates to be ridden. Up. Down. Up. Down. Down. Up* (Лошади скачут взад и вперед, потому что эти белые лошади дикие, а все дикое ненавидит, когда на нем ездят. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Вниз. Вверх).

The bow of Juniper collides with the white horses and pearls of water fly through the air (Лук из можжевельника сталкивается с белыми конями, и по воздуху летят жемчужины воды). *Spraying the deck and jib* (Оставляя брызги на палубе и кливере) (The Wind and Wide Horses. Wilderness of Waves).

В данном контексте в основе метафорогенеза не только визуальное сходство. Лошадь – одно из наиболее часто встречающихся священных животных в мифах различных народов. Символизм *лошади* охватывает очень широкий диапазон значений. Известно, что в наскальной живописи они «плывут по поверхности», воплощая силы жизни и завораживающее гармоничное движение. Кроме того, эти животные ассоциировались с такими понятиями, как стихийная врожденная сила ветра, буря, огонь, морские волны и текущая вода.

Легенды и фольклор часто наделяли *лошадей* магической силой предсказания. С давних пор *лошади* были объектом многочисленных магических ритуалов и во многих культурах считались священными. Их наделяли сверхъестественными силами.

В настоящее время люди воспринимают *лошадей* как символ красоты, грациозности, мощи, верности и неукротимой свободы, бесстрашия, воинской доблести и славы (Белый конь как символ. Лошадь (Конь) Лошадь олицетворение, 2023).

Высокая частотность употребления метафоры “*White horses*”, очевидно, явилась причиной терминологизации данного сочетания слов: “*He mentioned “white horses” a nautical term for what*

landlubbers commonly call white caps. Sailors in polar seas care about them because they conceal smaller icebergs, also known as “growlers” (Он упомянул «белых лошадей» — морской термин, обозначающий то, что салаги (новички в морском деле) обычно называют белыми шапками. Моряки в полярных морях серьезно относятся к этому природному явлению. Там могут скрываться малые айсберги, известные как «гроулеры»). *White horses are also associated with the Beaufort scale, an essential guideline for the visual estimate of wind speed”* (Белые лошади также ассоциируются со шкалой Бофорта, которая является важным инструментом для визуальной оценки скорости ветра) (Doyle, 2023).

При исследовании английского военно-морского дискурса была зафиксирована высокая частотность и продуктивность лингвокультурологической метафоры, связанной с понятием «птица, крыло птицы, клюв птицы».

— *Bird Farm (aircraft carrier)* – авианосец (Glossary of Nautical Terms).

— *Baby Bird Farm (A helicopter carrier/amphibious assault ship)* (вертолетоносец/десантный корабль) (Glossary of Nautical Terms).

— *Beakhead* (клювоголовый) – 1. *The ram on the prow of a fighting galley of ancient and medieval times* (Таран на носу боевой галеры античности и средневековья) 2. *The protruding part of the foremost section of a sailing ship of the 16th to the 18th centuries, usually ornate, which was used as a working platform by sailors handling the sails of the bowsprit* (Выступающая часть передней части парусного корабля 16-18 веков, обычно богато украшенная, использовавшаяся в качестве рабочей площадки моряками, управлявшими парусами бушприта) (Glossary of Nautical Terms, 2023).

— “*Pigeon*” является символом Королевских Военно-воздушных сил Канады: “*Pigeon*” (Member of the RCAF) – голубь, служащий (Nelson, 2018).

— *Crow (the bird, not the rating badge) was an essential part of the early sailors navigation equipment* (Ворона (птица, а не знак рейтинга) была неотъемлемой частью навигационного снаряжения первых моряков) (Origin of Navy Terminology – Naval History and Heritage Command)

— “*Birds*” (птицы) – самолёты, зенитные ракеты НАТО (Nelson, 2018).

— *Bird, Ball&Fish Hook* – derogatory term for the Eagle, Globe and Anchor of the Marine Corp Emblem (птица, мяч и рыболовный крючок - уничижительный термин для эмблемы Орла, Глобуса и Якоря Корпуса морской пехоты (List of United States Marine Corps Acronyms and expressions).

— *The Eagle, Globe, and Anchor (commonly referred to as an EGA) is the official emblem and insignia of the United States Marine Corps* (Орел, Глобус и Якорь (EGA) — официальная эмблема и знаки отличия Корпуса морской пехоты США (*List of United States Marine Corps Acronyms and expressions*) (*Список аббревиатур и выражений Корпуса морской пехоты США, 2023*).

Необходимо отметить высокую частотность и продуктивность метафоры *Skylark*. На сайте *BritishEmpire.Co.UK Glossary* даётся следующая дефиниция этого слова: “*Naval: The official naval word, verb and noun, for Frolic, Playing about, Ballyragging. In sailing ship days the order "Hands to dance and skylark" was sometimes given; this was probably as a form of physical training, to liven the crew up after a period of dullness, the 'skylarking' perhaps referring to races run in the rigging. Probably the only occasion when this order is to be hear in modern times is before a dance on board when the french chalk on the "ball room" deck needs to be rubbed in*” (Официальное военно-морское слово, глагол и существительное, обозначающее «шалость», «игра», «берег». Во времена парусного спорта отдавался иногда приказ «Руки танцевать и жаворонки». Вероятно, это была форма физической подготовки, чтобы оживить команду после периода скуки, «скайларкинг», возможно, относился к гонкам, проводимым в такелаже. Вероятно, единственный случай, когда этот приказ можно услышать в наше время, — это танец на борту, когда нужно втереть французский мел на палубе «бального зала» (*BritishEmpire.Co.UK Glossary, Royal Navy Dictionary, 2023*).

В статье *Feathers and Flak: The inextricable Link Between Birds* (Перья и формат *Flak*: неразрывная связь между птицами) слово *Skylark* описывается следующим образом: “*It is an old naval word used to describe someone who takes excessive time to complete a task*” (*Feathers and Flak: The inextricable Link Between Birds*) (Жаворонок - это старое военно-морское слово, используемое для описания

того, кто тратит слишком много времени на выполнение задачи) (*Feathers and Flak, 2023*).

На платформе Etymonline – Online следующее определение слова Skylark: *to frolic or play, engage in boisterous fun, 1809, originally nautical in reference to “wanton play about the rigging, and tops, probably from skylark* (жаворонок – резвиться или играть. Первоначально морское значение в отношении бессмысленной игры с такелажом и волчками) (Etymonline – Online, 2023).

Сайты Bartleby.com и Dictionary University дают такие значения 1) among sailors, is to mount the highest yards (called sky-scrappers), and then slide down the ropes for amusement (Среди моряков – подняться на самые высокие реи (так называемые небоскрёбы), а затем для развлечения скатиться по канатам); 2) Spree (веселье) (Bartleby.com; Dictionary University).

Высокая частотность орнитоморфных метафор в проективных текстах объясняется тем, что образ птицы является древнейшим архетипическим символом (Абакарова, 2017). Он фиксируется в многочисленных артефактах эпохи палеолита, неолита, эпохи бронзы и в настоящее время. Мифологизация этого образа есть в фольклоре народов Европы, Азии, Африки, Южной и Северной Америки. «Живущие в двух сферах существа (в небесах и на земле) часто выступали в роли *посредников* между богами и людьми. Крылатые вестники доставляли героям важные сведения, а блуждающим в пустыне истощённым странникам – пищу для подкрепления сил». Часто птицы изображались не только верными союзниками, но и творцами первых людей. В цикле мифов о Великом Потопе они либо приносят в ковчег радостную весть о близости спасительной земли, либо спасают людей собственными силами. В массовых религиях символическая оценка птицы всегда позитивна: в индуизме она олицетворяет силу разума, управляющего быстрокрылыми мыслями; в синтоизме выражает творческий принцип созидания; в буддизме вестница богов служит знаком доброго предзнаменования (Птицы. Свободный полёт души и фантазии, 2023).

Люди обычно воспринимали символический образ птицы как аллегория полёта мысли, фантазии, воображения, как эмблему абсолютной свободы и раскрепощения. Часто это было связано с анимистическими представлениями о душе (Стальнова,

2015). Выделение данного образа в отдельную диагностическую единицу определило новые границы психологической интерпретации и исследовательского поиска (Скляревская, 1993).

В исследовании были зарегистрированы зооморфные метафоры:

— *“Bilge Rat” (a person who works in the engineering spaces)* – трюмная (портовая, корабельная) крыса – человек, работающий в техническом отсеке (Nelson, 2018);

— *“Pigtail” (a historical item worn by a sailor)* – свиной хвостик. Волосы матросов были скручены на затылке в свиной хвостик или заплетены в косичку (Nelson, 2018).

— *“Fish” (Submarine Service)*: (Служба подводных лодок)

— *“Dolphins” (torpedo)* (торпеда)

— *“Brass Monkey”*: *Device used on old wooden ship's to hold cannon balls. If it is cold enough to freeze the balls on a brass monkey, it is cold enough to crack cannon balls* (Устройство, используемое на старых деревянных кораблях для хранения пушечных ядер. Если достаточно холодно, чтобы заморозить шарики на медной обезьяне, то достаточно холодно, чтобы разбить пушечные ядра (Glossary of Nautical Terms, 2023).

— *Snake Pit (Naval Formal naval officers' slang name for the ladies' lounge of the Union Club)* (Змеиная яма - сленговое название дамской гостиной Юнион-клуба) (BritishEmpire.Co.UK Glossary: S, 2023).

— *“Bear” (a large, squared-off stone used with sand for scraping wooden decks clean)* – медведь – большой квадратный камень, используемый с песком для очистки настилов (Glossary of Nautical Terms).

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что метафора как результат когнитивного процесса мышления обнаруживает себя в военно-морском дискурсе большим количеством специальных единиц.

Установлено, что метафоры в военно-морском дискурсе формируются по наиболее регулярным универсальным моделям семантических переносов, связанных со сферой «источник».

Но при этом в английском военно-морском дискурсе обнаруживаются национально-специфические черты, связанные со

сферой «мишень». Наиболее явно национальная специфика проявляет себя в номинативных лексических единицах, принадлежащих английскому военно-морскому жаргону как разновидности языка в узкопрофессиональной военно-морской сфере.

Литература

1. Абакарова Е.Г. Символическая концептуализация семейных отношений в орноморфных символах проективного теста «Птица» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – Вып. 2. – С. 250–257. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-250-257
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Арутюнова Н.Д., Журиная М.А. Кронгауз М.А. Теория метафоры. – М.: Издательская группа Прогресс, 1990. – С. 5-32.
3. Безменов А. Глаза из стали. Почему для создания авианосцев ВМФ обратился к ростовским инженерам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/glaza-iz-stali-pochemu-dlya-sozdaniya-avianoscev-vmf-obratilsya-k-rostovskim-inzheneram.html> (дата обращения 19 июля 2023г.).
4. Бейкер М. Морской фольклор [Электронный ресурс] // Катера и яхты. Журнал. – 1980. – № 85. – Режим доступа: <http://barque.ru/>, <http://randewy.ru/trad/figura.h> (дата обращения 19 июля 2023г.).
5. Белый конь как символ. Лошадь (Конь) Лошадь олицетворение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiards.ru/for-beginners/belyi-kon-kak-simvol-loshad-kon-loshad-olicetvorenje/>
6. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2017. – Вып. 57. – С. 32-42.
7. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2018.
8. Иванова В. Глаза и уши подводных лодок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/nashi->

- lyudi/glaza-i-ushi-podvodnykh-lodok (дата обращения 19 июля 2023г.).
9. Исенбаева Г.И. Варьирование ментальных репрезентаций оязыковленных синтаксической единицей художественного текста с соотношением неравенства $S \neq P$ / Когнитивные исследования языка. – Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014. – С. 247.
 10. Краснов В.Н. «Глаза и уши подводной лодки». – М: ДОСААФ, 1961 г.
 11. Манаенко Г.Н. Языковое выражение отношения модуса знания к его содержанию // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. ФГБОУ ВПО Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 187.
 12. Птицы. Свободный полёт души и фантазии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YtDMvhXWellvVpc9> (дата обращения 19 июля 2023г.).
 13. Реданский В.Г. Во льдах и подо льдами. – Серия Морская историческая библиотека. М: Вече, 2017.
 14. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – М.: Наука, 1993.
 15. Соснин А.В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Том. 9. – № 1/1. – Режим доступа: <http://www.hist-edu.ru> (дата обращения 19 июля 2023г.).
 16. Стальнова Е.А. Архетипический образ птицы в рассказах английской писательницы Дафны Дюморье (На материале сборника рассказов «Яблоня») // Новая наука: от идеи к результату: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. – Стерлитамак, 2015. – № 6. – Ч. 3. – С. 39–43.
 17. Сидорова Н.А., Котлова А.С. Персуазивный компонент военно-политического дискурса // Ученые записки НОПРИЛ. – 2021. – № 4(36). – С. 120-133.
 18. Старченко Д. О. Семантическая типология метафор в военном нейминге // Вестник Московского государственного

- областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 3. – С. 72–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-72-84
19. Хорбенко И.Г. Звуки в морских глубинах // Серия Научно-популярная библиотека. – М: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1962.
 20. Чайко Т.Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск: Урал.гос ун-т им. Горького, 1974. – № 8- 9. – С. 98 - 105.
 21. Что такое радиолокационная станция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seacom.ru/documents> (дата обращения 19 июля 2023г.).
 22. Чудинов А.П. Метафора как средство представления знаний / Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2008. – С. 143–145.
 23. Bartleby.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bartleby.com> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 24. BritishEmpire.Co.UK Glossary: S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://britishempire.co.uk> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 25. Code L. Language and Knowledge: Word [Электронный ресурс]. – Vol. 31. – N 3. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1980.11435693> (дата обращения 19 июля 2023г.).
 26. Craparo G., Ortu F., Van der Hart O. Rediscovering Pierre Janet: Trauma, Dissociation, and a New Context for Psychoanalysis (The History of Psychoanalysis Series) 1st Edition. – Routledge, 2019.
 27. Dictionary University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.university/> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 28. Doyle B. Wavelets and White Horses: the Beaufort Scale Explained [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://joidesresolution.org/wavelets-and-white-horses-the-beaufort-scale-explained/> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 29. English-Russian-English economics dictionary of sea terms [Электронный ресурс]. 2012. – Режим доступа: <https://slovar-vocab.com/english-russian-english/sea-terms->

- vocab/eyes-of-a-ship-1808208.html (дата обращения 19 июля 2023г.).
30. Etymonline – Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа://<https://etymonline.com> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 31. Feathers and Flak: The inextricable Link Between Birds [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.linkedin.com>pulse> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 32. Glossary of Nautical Terms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_nautical_terms_\(A–L\)#В](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_nautical_terms_(A–L)#В) (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 33. Hombaiah S.A., Chen T., Zhang M., Bendersky M., Najork M. Dynamic Language Models for Continuously Evolving Content [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/2106.06297.pdf.v1> [cs. CL]. 11 June 2021. (дата обращения 19 июля 2023г.).
 34. Hřebáčková M., Štefl M. Challenging intercultural discomforts: Intercultural communicative competence through digital storytelling // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6(3). – Pp. 78-88. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-78-88
 35. Malyuga, E. N., Akopova, A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // *Training, Language and Culture*. – 2021. – Vol. 5. – No 4. – P. 65-76. – DOI 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76.
 36. Lippay V. Eyes of a ship: Laser detection at sea [Электронный ресурс] // *Lazer Focus World*. February 2022. – Режим доступа: <https://www.laserfocusworld.com/lasers-sources/article/14223396/eyes-of-a-ship-laser-detection-at-sea> (дата обращения 19 июля 2023г.).
 37. List of United States Marine Corps Acronyms and expressions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.m.wikipedia.org> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
 38. Malyuga E.N., McCarthy M. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence // *Russian Journal of Linguistics*. – 2021. – Vol. 25. – № 2. – Pp. 391-416.

39. Minsky M. The Society of Mind [Электронный ресурс]. – New York: Simon & Schuster; First Edition (March 15, 1988).
40. Moor J. The Eyes of the Ship: Navigating the Waters of Fatherhood [Электронный ресурс]. – Insight Publishing Group, 2004.
41. Nelson M. Jack Speak of the Royal Canadian Navy. A Glossary of Naval Terminology [Электронный ресурс]. – Dundurn Press, 2018. – Режим доступа: [https://www.readyayeready.com/jackspeak/index.php#:~:text=Jack speak%3A%20Certain%20words%20or%20terminology%20that%20are%20commonly,many%20local%20customs%20and%20slang%20have%20come%20about](https://www.readyayeready.com/jackspeak/index.php#:~:text=Jack%20speak%3A%20Certain%20words%20or%20terminology%20that%20are%20commonly,many%20local%20customs%20and%20slang%20have%20come%20about.). (дата обращения 19 июля 2023г.).
42. Nowak T.J. A Brief History of Ships' Eyes [Электронный ресурс] / "Archaeological Evidence for Ship Eyes: An Analysis of Their Form and Function. Master's thesis Texas A&M University, 2006. – Режим доступа: <https://antiquitiesexhibits.blogspot.com/2021/06/a-brief-history-of-ships-eyes.html> (дата обращения 19 июля 2023г.).
43. Origin of Navy Terminology – Naval History and Heritage Command [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.history.navy.mil/library> (дата обращения 12 декабря 2023г.).
44. Royal Navy Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hmsrichmond.org/dict_s.htm (дата обращения 11 декабря 2023г.).
45. Stowe K., Chakrabarty T., Peng N., Muresan S., Gurevych I. Metaphor Generation with Conceptual Mappings [Электронный ресурс] // Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing (Volume 1: Long Papers), – 2021. – Pp. 6724–6736. – Online. Association for Computational Linguistics. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/352081319_Metaphor_Generation_with_Conceptual_Mappings (дата обращения 19 июля 2023г.).
46. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.thefreedictionary.com/Eye+of+a+ship (дата обращения 19 июля 2023г.).

47. The Wind and Wide Horses. Wilderness of Waves [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wildernessofwaves.com/2020/07/21/the-wind-and-white-horses/> (дата обращения 19 июля 2023г.).
48. Unal E., Parafraçou A. Relations between Language and Cognition: Evidentiality and Sources of Knowledge [Электронный ресурс] // Topics in Cognitive Science. Wiley Online Library. – Режим доступа: [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1756-8765/earlyview](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1756-8765/earlyview) (дата обращения 19 июля 2023г.).
49. Watkins J. How we made: Hugh Hudson and Nicolas Farrell on Chariots of Fire. Interviews by Jack Watkins [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2012 July 09. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/culture/2012/jul/09/how-we-made-chariots-fire> (дата обращения 11 декабря 2023г.).
50. Word Finder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://findwords.info/term/eye%20of%20a%20ship> (дата обращения 19 июля 2023г.).

References

- Abakarova, Y.G. (2017). Simvolicheskaya konzeptualizatsiya semeynykh otnosheniy v ornitomorfnykh simvolakh proyektivnogo teksta “Ptitsa” [Family Relationship Symbolic Conceptualization in the Projected Text Ornithomorphic Symbols]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta [The Herald of Perm State University. Philosophy. Psychology. Sociology]*, 2, 250–257.
- Arutyunova, N.D. (1990). Metafora i discours. Teoriya metafory [Metaphor and Discourse. Theory of Metaphor]. In Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A., Krongauz M.A. (Eds.), *Teoriya metafory [Theory of Metaphor]* (pp. 5 -32). Moscow: Progress.
- Bezmenov, A. (2023). *Glaza iz stali. Pochemu dlya sozdaniya avianoszev VMF obratilsya k Rostovskim inzheneram. [Why Navy Approached Rostov Engineers]*. Retrieved from: <https://don24.ru/rubric/obshchestvo/glaza-iz-stali-pochemu-dlya-sozdaniya-avianoszev-vmf-obratilsya-k-rostovskim-inzheneram.html> (accessed 19.07.2023).
- Beiker, M. (1980). Morskoy folklyor [Maritime folklore]. *Katera i yachty [Launches and Yachts]*, 85. Retrieved from:

- [/http://barque.ru/](http://barque.ru/), [/http://randewy.ru/trad/figura.h](http://randewy.ru/trad/figura.h) (accessed 19.07.2023).
- Belyy kon' kak simbol. Loshad' (kon') Loshad' olitsetvoreniye [White horse as a symbol. Horse is a personification]*. (2023). Retrieved from: <https://asiards.ru/for-beginners/belyi-kon-kak-simvol-loshad-kon-loshad-olictvorenien/> (accessed 11.12.2023).
- Boldyrev, N. (2017). Interpretiruyuschaya funktsiya kognitivnogo konteksta [Cognitive Context Interpretive Function]. *Yazyk, soznaniye kommunikatsiya [Language, Consciousness, Communication]*, 57, 33 - 42.
- Dzuba, Ye. (2018). *Kognitivnaya Linguistika [Cognitive Linguistics]*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Ivanova, V. (2023). *Glaza i ushi podvodnykh lodok [Submarine Eyes and Ears]*. Retrieved from: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/nashi-lyudi/glaza-i-ushi-podvodnykh-lodok> (accessed 19.07.2023).
- Isenbayeva, G. (2014). Var'irovaniye mental'nykh reprezentatsiy oyazykovlennykh sintaksicheskoy yedinitsey khudozhestvennogo teksta [Variation of Mental Representation expressed by syntactic means of a literary text with the inequality relationship S≠P]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive Linguistic Research]*. In Vol. XVI: *Yazykovoye soznaniye i kognitivnoye modelirovaniye [Language Consciousness and Cognitive Modeling]* (p. 247). Tambov: Publishing House Tambov State University named after Derzhavin.
- Krasnov, V.N. (1961). *Glaza i ushi podvodnoi lodki [Submarine Eyes and Ears]*. M: DOSAAF.
- Manayenko, G.N. (2014). Yazykovoye vyrazheniye otnosheniye modusa znaniya k yego sodержaniyu [Modus Relation Language Representation to its context]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive Linguistic Research]*. In *Kognitivnoye var'irovaniye v yazykovoy interpretatsii mira [Cognitive variation in the Language Interpretation of the World]*. Vol. XIX. (p. 187). Tambov: Publishing House Tambov State University named after Derzhavin.
- Ptitsy. Svobodnyy pol'ot dushi i fantazii [Birds. Free Flight of the Soul and Fantasy]*. (2023). Retrieved from: <https://dzen.ru/a/YtDMvhXWElIvVpqr> (accessed at 12. 11. 2023).

- Redanskiy, V.G. (2017). *Vo l'dakh i podo l'dami [In the Ice and under the Ice]*. Seriya Morskaya istoricheskaya biblioteka [Maritime History Library Series]. M.: Veche.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the Language System]*. Moscow: Nauka.
- Sosnin, A.V. (2017). Kognitivnaya metafora kak sredstvo formirovaniya kontsepta [Cognitive Metaphor as a Concept Formation Means]. *Istoricheskaya i sotsial'naya mysl' [Historical and Social Education Thinking]*, 9, 1/1. Retrieved from: <http://www.hist-edu.ru> (accessed at 19. 07. 2023).
- Stal'nova, Y. A. (2015). Arkhetipicheskiy obraz ptizy v rasskazakh angliyskoy pisatel'nitsy Daphne Du Maurier (na materiale sbornika rasskazov Yablonya) [Archetypical Bird Image in Daphne Du Maurier Novels. On the basis of Collected Stories Apple Tree]. In *Novaya nauka. Ot idei k rezul'tatu. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Proceedings of the International Research-to-Practice Conference]*. Publ. № 6. Part. 3 (pp. 39–43). Sterlitamak.
- Khorbenko, I.G. (1962). *Zvuki v morskikh glubinakh [Sounds in the Deep Sea]*. Seriya nauchno-populyarnaya biblioteka [Popular Science Library Series]. M: Voennoye izdatel'stvo ministerstva oborony.
- Chaiko, T.N. (1974). Nazvaniya chastey tela kak istochnik metafory v appelyativnoy i onomasticheskoy leksike [Body Parts Names as a Source Conceptual Domain in Appellative and Onomastic Vocabulary]. *Voprosy Onomastiki*, 8(9), 98-105.
- Chto takoye radiolokatsionnaya stantsiya? [What is Radar Station]* (2023). Retrieved from: <https://seacomm.ru/documents> (accessed 19.07.2023).
- Chudinov, A. P. (2008). Metafora kak sredstvo predstavleniya znaniy [Metaphor as a Knowledge Representation Means]. In *Mezhdunarodnyy kongres po kognitivnoy lingvistike [International Congress on Cognitive Linguistics]* (pp. 143-145). Tambov, Publishing House Tambov State University named after Derzhavin.
- Bartleby.com*. (2023). Retrieved from: <https://www.bartleby.com> (accessed at 11. 12. 2023).
- BritishEmpire.Co.UK Glossary: S*. (2023). Retrieved from: <https://britishempire.co.uk> (accessed at 11. 12. 2023).

- Code, L. (2023). Language and Knowledge. *Word*, 31(3), 245-258. Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1980.11435693> (accessed at 19. 07. 2023).
- Craparo, G., Ortu, F., Van der Hart, O. (2019). *Rediscovering Pierre Janet: Trauma, Dissociation, and a New Context for Psychoanalysis* (The History of Psychoanalysis Series). Routledge.
- Dictionary University. (2023). Retrieved from: <https://dictionary.university/> (accessed at 11. 12. 2023)
- Doyle, B. (2023). *Wavelets and White Horses: the Beaufort Scale Explained*. Retrieved from: <https://joidesresolution.org/wavelets-and-white-horses-the-beaufort-scale-explained/> (accessed at 11. 12. 2023).
- English-Russian-English economics dictionary of sea terms*. (2012). Retrieved from: <https://slovar-vocab.com/english-russian-english/sea-terms-vocab/eyes-of-a-ship-1808208.html> (accessed 19. 07. 2023).
- Etymonline – Online*. (2023). Retrieved from: <https://etymonline.com> (accessed 19. 07. 2023).
- Feathers and Flak: The inextricable Link Between Birds*. (2023). Retrieved from: <https://www.linkedin.com/pulse> (accessed at 19. 07. 2023).
- Glossary of Nautical Terms*. (2023). Retrieved from: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_nautical_terms_\(A-L\)#B](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_nautical_terms_(A-L)#B) (accessed 11. 12. 2023).
- Hombaiah, S.A., Chen, T., Zhang, M., Bendersky, M., & Najork, M. (2023). *Dynamic Language Models for Continuously Evolving Content*. Retrieved from: [https://arxiv.org/pdf/2106.06297.pdf.v1\[cs.CL\]](https://arxiv.org/pdf/2106.06297.pdf.v1[cs.CL]) 11 June 2021. (accessed 19. 07. 2023).
- Hřebačková, M., & Štefl, M. (2022). Challenging intercultural discomforts: Intercultural communicative competence through digital storytelling. *Training, Language and Culture*, 6(3), 78-88. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-78-88
- Lippay, V. (2022, February). *Eyes of a ship: Laser detection at sea. Lazer Focus World*. Retrieved from: <https://www.laserfocusworld.com/lasers->

- sources/article/14223396/eyes-of-a-ship-laser-detection-at-sea (accessed 19.07.2023).
- List of United States Marine Corps Acronyms and expressions.* (2023). Retrieved from: <https://en.m.wikipedia.org> (accessed 11.12.2023).
- Malyuga, E. N. & Akopova, A.S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture*, 5 (4), 65–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>
- Malyuga, E. N., & McCarthy, M. (2021). “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (2), 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Minsky, M. (March 15, 1988). *The Society of Mind*. New York: Simon & Schuster.
- Moor, J. (2004). *The Eyes of the Ship: Navigating the Waters of Fatherhood*. Insight Publishing Group.
- Nelson, M. (2018). *Jackspeak of the Royal Canadian Navy. A Glossary of Naval Terminology*. Dundurn Press. Retrieved from: <https://www.readyayeready.com/jackspeak/index.php#:~:text=Jackspeak%3A%20Certain%20words%20or%20terminology%20that%20are%20commonly,many%20local%20customs%20and%20slang%20have%20come%20about> (accessed 19. 07. 2023).
- Nowak, T.J. (2006). *A Brief History of Ships' Eyes. Archaeological Evidence for Ship Eyes: An Analysis of Their Form and Function*. Master's thesis, Texas A&M University. Retrieved from: <https://antiquitiesexhibits.blogspot.com/2021/06/a-brief-history-of-ships-eyes.html> (accessed 19. 07. 2023).
- Origin of Navy Terminology – Naval History and Heritage Command.* (2023). Retrieved from: <https://www.history.navy.mil> >library (accessed at 19. 07. 2023).
- Royal Navy Dictionary.* (2023). Retrieved from: https://www.hmsrichmond.org/dict_s.htm (accessed at 11. 12. 2023).
- Stowe, K., Chakrabarty, T., Peng, N., Muresan, S., & Gurevych, I. (2021). Metaphor Generation with Conceptual Mappings. In *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing* (pp. 6724–6736).

- Association for Computational Linguistics. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/352081319_Metaphor_Generation_with_Conceptual_Mappings (accessed 19. 07. 2023).
- Starchenko, D. O. (2023). Metaphor semantic typology in military naming. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 72–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-72-84
- Sidorova, N.A., & Kotlova, A.S. (2021). Persuasive Component of Military-Political Discourse. *Scientific Notes of NOPRIL*, 4(36), 120-133.
- The Free Dictionary. (2023). Retrieved from: www.thefreedictionary.com/Eye+of+a+ship (accessed at 19. 07. 2023).
- The Wind and Wide Horses. Wilderness of Waves. (2023). Retrieved from: <https://wildernessofwaves.com/2020/07/21/the-wind-and-white-horses/> (accessed at 19. 07. 2023).
- Unal, E., & Parafraçou, A. (2023). Relations between Language and Cognition: Evidentiality and Sources of Knowledge. *Topics in Cognitive Science*. Wiley Online Library. Retrieved from: [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1756-8765/earlyview](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1756-8765/earlyview) (accessed 19.07.2023).
- Word Finder. (2023). Retrieved from: <https://findwords.info/term/eye%20of%20a%20ship> (accessed 19.07.2023).
- Watkins, J. (2012 July 09). *How we made: Hugh Hudson and Nicolas Farrell on Chariots of Fire*. Interviews by Jack Watkins. The Guardian. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/culture/2012/jul/09/how-we-made-chariots-fire> (accessed 19.07.2023)